

ISSN 0321-5075 (Print)
ISSN 2782-2389 (Online)

АЗИЯ сегодня и АФРИКА

ASIA & AFRICA today

2023 № 3

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2023 № 3

Ежемесячный научный журнал

Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. – «Современный Восток»).

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтеринва (Нигерия), В.Я. Белокрыцкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Л.В. Гевелинг (Москва, Россия),
Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
А.В. Денисов (Москва, Россия), Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия),
С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия), В.А. Мельянцев (Институт стран Азии
и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия), Д.В. Мосяков, (Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфамеди (ЮАР), М. Наср аль-Гибали
(Египет), У. Рено (США), С.В. Прохогина (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
Л.Ю. Тенякова, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2023 № 3

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title
“Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision
of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute
of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic
Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
L.V. Geveling (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages,
Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State
University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams
University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
W. Reno (Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS,
Moscow), V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
O.I. Teterin (Moscow, Russia), H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; L.Yu. Tenyakova, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Васильев А.М. Саудовская Аравия. Сальман ибн Абд аль-Азиз и Мухаммед ибн Сальман	5
Семенова Н.К. Порты Тайваня – ключевая инфраструктура или интеграционный механизм воссоединения?	21
Gabriel Joel P. Honrada, Daniyal Ranjbar (Iran). Iran's Membership in the Shanghai Cooperation Organization. A SWOT Analysis	30
Фурсов К.А. Исламизация и шафранизация образования: угроза диалогу цивилизаций?	37
<i>Ислам, исламизм, экстремизм</i>	
Жерлицына Н.А., Мелконян Л.А. Действенная модель противостояния террористической опасности: успешный опыт Мавритании	46
Гришина Н.В., Ксенофонтова Н.А. Структура «ООН-Женщины»: работа на африканском направлении	55
Воронина Н.А. Африканский экзархат Русской православной церкви (РПЦ): причины создания и перспективы	63
Демичев К.А. (Нижний Новгород). «День отважных детей»: сикхский вариант в общеиндийском контексте	70

РЕЦЕНЗИИ

Львова Э.С. Новый сборник гендерной группы Института Африки РАН	77
--	-----------

© Российская академия наук, 2023
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2023

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1
Тел.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Интернет: **www.asaf-today.ru**

CONTENTS

POLITICS, ECONOMICS

Alexey M. Vasiliev. Saudi Arabia. Salman bin Abdulaziz and Mohammed bin Salman	5
Nelli K. Semenova. Ports of Taiwan: Key Infrastructure or Integration Mechanism of Reunification?	21
Gabriel Joel P. Honrada, Daniyal Ranjbar (Iran). Iran's Membership in the Shanghai Cooperation Organization. A SWOT Analysis	30
Kirill A. Fursov. The Islamization and Saffronization of Education: A Threat to the Dialogue of Civilizations?	37
<i>Islam, Islamism, Extremism</i>	
Natalia A. Zherlitsina, Lusine A. Melkonian. An Effective Model of Countering Terrorist Danger: Successful Experience of Mauritania	46
Nina V. Grishina, Natalia A. Ksenofontova. <i>UN Women</i> Structure: Work in the African Direction	55
Natalia A. Voronina. The African Exarchate of the Russian Orthodox Church (ROC): Reasons for the Establishment and Prospects of Further Expansion	63
Kirill A. Demichev. Brave Children's Day: The Sikh Version in the General Indian Context	70

BOOK REVIEW

Eleonora S. Lvova. New Collection of Scientific Papers of the Gender Group of the Institute for African Studies, RAS	77
---	-----------

© Russian Academy of Sciences, 2023
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2023

The authors opinions may not coincide with position of the Editorial.

Included in Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing.

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

Саудовская Аравия. Сальман ибн Абд аль-Азиз и Мухаммед ибн Сальман¹

© Васильев А.М.^a, 2023

^a Институт Африки РАН, Москва Россия
ORCID: 0000-0003-1216-1509; dir@inafr.ru

Резюме. Необходимость отказаться от пирамидально-группового феодализма и создать новую вертикаль власти стало задачей нового короля Саудовской Аравии Сальмана ибн Абд аль-Азиза, занявшего престол в 2015 г. Волатильность цен на нефть, сокращение доходов бюджета создавали угрозу социальной стабильности. Дополнительными факторами этой угрозы были суннитско-шиитские противоречия в Восточной провинции, военное вмешательство в гражданскую войну в Йемене, обострение отношений с Катаром.

В 2016 г. был принят план глубоких реформ «Видение: 2030». На первом этапе осуществления плана предполагалось расширение сотрудничества с США, особенно после прихода к власти администрации Д.Трампа, укрепление политического взаимодействия с Вашингтоном, но одновременно развитие взаимовыгодных связей с Россией.

Внутри королевства курс на реформы вызвал как поддержку части общества, заинтересованной в их осуществлении, понимавшей необходимость существенных перемен, так и сопротивление другой его части с целью защитить свои привилегии и возможность сохранения жестких ваххабитских традиций. Олицетворением нового курса стал кронпринц Мухаммед ибн Сальман.

Ключевые слова: король Сальман, кронпринц Мухаммед ибн Сальман, реформы в королевстве, «Видение: 2030», власть и оппозиция в Саудовской Аравии, отношения с США

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта РНФ 19-18-00155-П «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Для цитирования: Васильев А.М. Саудовская Аравия. Сальман ибн Абд аль-Азиз и Мухаммед ибн Сальман. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 3. С. 5–20. DOI: 10.31857/S032150750024989-9

Saudi Arabia. Salman bin Abdulaziz and Mohammed bin Salman

© Alexey M. Vasiliev^a, 2023

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-1216-1509; dir@inafr.ru

Abstract. Salman bin Abdulaziz who ascended the throne of Saudi Arabia in 2015 faced the challenge of abandoning the feudal pyramid and establishing a new power vertical. Volatility in oil prices and falling budget revenues posed a threat to social stability. Additional drivers of instability were the military involvement in the civil war in Yemen, Sunni-Shiite contradictions in the Eastern Province, and tensions with Qatar.

In 2016, the Vision 2030 program, which entailed profound reforms, was adopted. It suggested the IPO of Saudi AR-AMCO, the development of non-oil sectors, in particular tourism, the accelerated expansion of the private sector, labor market reforms, including greater women's participation in labor force, and weakening the conservative control of the Wahhabi corporation over society.

The first stage of the implementation of Vision 2030 provided for the expansion of cooperation with the United States, especially after the administration of D.Trump came into office, and for more political interaction with Washington, but at the same time encouraged the development of mutually beneficial ties with Russia.

¹ Продолжение. Начало см.: Васильев А.М. Саудовская Аравия. Новые вызовы королевству. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 9. С. 53–69. DOI: 10.31857/S032150750021786-6; *его же* – Саудовская Аравия. Годы смуты: и репрессии, и «либерализация». *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 10. С. 15–26. DOI: 10.31857/S032150750022717-0.

Inside the kingdom, the course of reforms drew both the support of a part of society interested in their implementation as it understood the urgency of significant changes, and the opposition of another part that aimed at protecting its privileges and maintaining strict Wahhabi traditions. Crown Prince Mohammed bin Salman became the personification of the new course.

Keywords: King Salman, Crown Prince Mohammed bin Salman, reforms in Saudi Arabia, Vision 2030, power and opposition in Saudi Arabia, Saudi-American relations

Acknowledgement. This paper has been funded by RNF 19-18-00155-П “Islamist Extremism in the Context of International Security: Threats to Russia and Possibilities of Counteraction”.

For citation: Vasiliev A.M. Saudi Arabia. Salman bin Abdulaziz and Mohammed bin Salman. *Asia and Africa today*. 2023. № 3. Pp. 5–20. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024989-9

ВВЕДЕНИЕ

Обращаясь к недавним событиям истории – к периоду правления короля Сальмана и его сына Мухаммеда, автор чувствует, что наступает на достаточно зыбкую политологическую почву. События еще недостаточно отлежались, чтобы стать убедительными, обоснованными историческими фактами. Сомнения вызывает объективность СМИ, которые в наше время окончательно превратились просто в средство влияния тех или иных государств или групп по интересам. Многие политологи, конструирующие современную историю, естественно, ориентируются на свои собственные идеологические стереотипы, а нередко и на свои материальные заботы и социальный статус. Существенную поддержку попытке автора создать объективную картину событий оказали вышедшие недавно труды американца Дэвида Ранделла, россиянина Григория Косача и Константина Дударева, журналистское расследование американцев Бредли Хоупа и Джастина Шека. Автор полагает, что их книги подкрепили надежность фактов и взвешенность оценок самого автора, который, видимо, тоже не лишен грехов субъективизма.

САЛЬМАН НА ТРОНЕ

Находясь более полувека внутри властной элиты, Сальман хорошо разбирался в хитросплетениях политической борьбы и в методах правления, выработанных его предками. Он был подготовлен к руководству страной. 48 лет (1963–2011) он был губернатором Эр-Рияда, стал министром обороны в 2012 г. и наследным принцем в 2013 г. Зная о серьезных болезнях старших родных братьев, Сальман заранее начал планировать свои шаги в качестве будущего короля.

Первой его задачей было укрепление власти монарха в стране и в господствующем племени Аль Сауд в условиях исчезающего коллегиального руководства высших принцев, созданного еще королем Фейсалом. В живых оставались кроме него 4 сына Абд аль-Азиза Ибн Сауда, которых он хотел бы нейтрализовать [1, p. 70].

У Ибн Сауда было 43 сына, из них 34 достигли зрелого возраста, еще больше было дочерей. Со временем клан Аль Сауда превратился в господствующее сверхплемя, породнившееся с большей частью центральноаравийской традиционной элиты. У большинства сыновей Ибн Сауда было более чем по 10 детей. У короля Сауда – более 100, у короля Абдаллаха и наследного принца Султана – более 30 у каждого, у короля Сальмана – 13 детей. Кроме того, у Ибн Сауда было больше дюжины братьев и сестер и несколько дюжин двоюродных братьев. Если считать всех членов племени Саудидов, то их численность во втором десятилетии XXI в. будет больше 100 тыс. Это не маленькая изолированная группа. Они составляли по крайней мере полпроцента всего саудовского населения и гораздо больший процент национальной политической, социальной и экономической элит [1, pp. 128–128].

В племени Аль Саудов были принцы либеральные и консервативные, любители развлечений и ревностные мусульмане. Некоторые получили докторские степени западных университетов, другие не посещали даже средних школ, некоторые были фантастически богатыми, а другие относились как бы к среднему классу. Одни считали, что изменения необходимы, а другие были против. По мнению Д.Ранделла, Аль Сауды – это фактически наследственная политическая партия в однопартийной системе с несколькими тысячами членов, но и с разными течениями, которые проповедуют разные цели и методы [1, p. 131].

Первые шаги Сальмана заключались в обеспечении ему поддержки и населения, и правящей элиты. Он продемонстрировал верность традициям, особенно принципу щедрости монарха. В тот момент казна была полна, и король выделил \$32 млрд на прибавки или дополнительные двухмесячные оклады служащим, военным, студентам, пенсионерам, инвалидам, на дополнительные субсидии племенам и бонусы племенным шейхам. Были выделены деньги благотворительным организациям, спортивным и литературным клубам. Он амнистировал 2500 заключенных. \$5 млрд решил потратить на улучшение водоснабжения и электроснабжения. По его поручению *Saudi ARAMCO*² и нефтехимический гигант *SABIC* также выделили бонусы служащим.

Сальман сделал жест в пользу религиозной полиции, сместив её прежнего «либерального» руководителя. Однако Сальман не запретил совместную учебу студентов и студенток в Университете короля Абдаллаха и даже освободил нескольких женщин-активисток, арестованных за то, что попытались за рулем пересечь границу с Эмиратами. Король впервые позволил женщинам-членам Консультативного совета (маджлис аш-шура) участвовать в принесении клятвы новому королю. Он подписал новый трудовой кодекс, который запрещал привлекать женщин на опасные работы, и установил отпуска по беременности женщинам-служащим [1, р. 65–66]. Так, в первые недели нахождения на троне король Сальман аккуратно балансировал во взаимоотношениях с религиозными консерваторами, учитывая их жесткие ваххабитские традиции, особенно в Неджде.

Король встретился со 150 бизнесменами и обещал им поддержку. Бизнесмены, как и улемы, нуждались, прежде всего, в политической стабильности. Многие принцы пока сохранили свои позиции в министерствах внутренних и иностранных дел. Дети королей Абдаллаха, Фахда, Халида, Фейсала и Сауда, как и дети Султана и Наифа, временно оставались на постах провинциальных губернаторов или их заместителей, а сын Абдаллаха Мутиб – министром, командующим Национальной гвардией.

Так что в первые дни своего правления король Сальман не осуществил никаких реформ, как бы сохраняя прежнее влияние пирамидально-групповой власти принцев, которая не могла оставаться в прежнем виде.

Но он лучше других понимал, что такая форма правления уже не могла функционировать эффективно. Несколько сотен внуков и правнуков короля-основателя Ибн Сауда могли легально претендовать на престол, что создавало неопределенность на самой вершине иерархии и усложняло отношения внутри правящей элиты. Финансовые аппетиты разросшегося племени Саудидов росли³.

При волатильности цены на нефть её быстрое падение в 2015 г. грозило финансовой стабильности и могло привести к обрушению патронатно-клиентельных отношений, главной составной частью которых был неписанный социальный договор и безопасность коренного населения. Массовая коррупция была полулегальным институтом.

Личный опыт короля Сальмана на посту губернатора Эр-Рияда говорил о необходимости совершенствовать механизм власти. За время его губернаторства город из второстепенного скопища низеньких домов превратился к началу XXI в. в мегаполис с 5-миллионным населением (к концу второго десятилетия – примерно 7,5 млн). В Эр-Рияде были проложены автострады, открыты новые школы, больницы, университеты, отели, музеи, спортивные площадки и стадионы [2, р. 119].

Сальман окружил себя молодыми выпускниками Университета короля Сауда и использовал их в управлении различными городскими службами. Он создал в столице Управление развития, состоявшее из компетентных технократов.

Умный, прагматичный, работоспособный, любящий порядок и дисциплину, он был одновременно жестким руководителем, мог сам принимать решения по крупным вопросам и требовать их исполнения.

В качестве губернатора Эр-Рияда Сальман часто ограничивал аппетиты младших принцев, но не был в состоянии контролировать своих старших братьев или их детей. Сальман видел, как коррупция росла, в то время как король Абдаллах физически слабел [1, pp. 2, 243].

Он много читал, и у него была одна из самых больших библиотек среди саудовских принцев. Сальман твердо решил укрепить монархию, её легитимность и её силу, но понимал, что для этого нужны политические, экономические и социальные перемены. Как и его отец, Сальман был убежденным автократом и считал, что Саудиды должны внушать уважение и боязнь.

² *Saudi ARAMCO* – национальная нефтяная компания Саудовской Аравии.

³ См.: https://en.wikipedia.org/wiki/Salman_of_Saudi_Arabia (accessed 20.02.2023)

Он хотел, чтобы власть была передана не сыновьям короля Абдаллаха или Фахда, а его собственному сыну, и стал править как просвещенный автократ, проводящий реформы.

ВОЗВЫШЕНИЕ ИБН САЛЬМАНА

Среди своих многочисленных сыновей – всего их было 12 (двое сыновей от первой жены скончались уже в зрелом возрасте) – новый король выделил того, кто проявлял большие способности, разделял взгляды отца и был готов действовать решительно – Мухаммеда ибн Сальмана.

Он был его первым сыном от третьей жены из аристократии племени *аджман* и родился, когда отцу исполнилось 50 лет. Его единокровные старшие братья от первых жен Сальмана были достаточно известны. Султан ибн Сальман в 1985 г. стал первым арабским космонавтом, совершившим полет на американском космическом шаттле «Дискавери». В королевстве, где глава высших улемов Ибн Баз считал, что земля плоская, это говорило о взглядах на мир самого Сальмана и его окружения. Другой старший брат, Мухаммед, был заместителем министра по делам нефти, третий – губернатором Медины. Они получили западное образование и по убеждениям были скорее космополитами.

Но наследником Сальман выбрал именно Мухаммеда, амбициозного, работающего, у которого было взаимопонимание с отцом. Хотя подростком он увлекался американскими сериалами по Интернету, но жил в атмосфере мусульманских арабских традиций и лишь немного говорил по-английски. Он учился не за границей, а в Университете короля Сауда в Эр-Рияде и действительно посещал лекции и выполнял задания. С 15–16 лет Ибн Сальман присутствовал на заседаниях (маджлисе) отца, тогда губернатора Эр-Рияда, на его важных встречах, впитывая в себя особенности саудовской политики [1, р. 70].

Ибн Сальман был готов работать по 16 часов в сутки. Он приходил на важные встречи хорошо подготовленным, прочитав предварительные материалы. Он был дисциплинированным и готовым к решительным действиям. По его мнению, годы терпимого отношения к кумовству и коррупции создали многие саудовские проблемы. Вместе с отцом он решил осуществлять реформы. Из книг по истории Ибн Сальман читал «Князя» Макиавелли, заранее готовясь к политической борьбе. Как молодой человек он немножко спешил и вел себя импульсивно [2, р. 73].

Он выделялся из десятков молодых принцев. Его способности заметил еще король Абдаллах. Когда после смерти принца Султана его отец занял пост министра обороны, король Абдаллах назначил Ибн Сальмана генеральным надзирателем этого министерства. Не имея военного образования, он стал фактически помощником министра обороны. Именно ему Абдаллах поручил расследование сделок по поставкам оружия и снаряжения для военного ведомства. Это помогло Сальману и его сыну изучить финансовую подноготную многих высших генералов и офицеров. В следующем году, когда Сальман стал кронпринцем, его сын занял одновременно должность главы его дивана (личной администрации) в ранге государственного министра [2, р. 87].

Ибн Сальман узнал, что за долгие годы губернаторства его отец отнюдь не стал очень богатым человеком по саудовским стандартам, хотя тратил большие деньги на роскошные дворцы и на прочее, но не стремился заниматься параллельным бизнесом. Но Мухаммед ибн Сальман решил сам попробовать себя в бизнесе, чтобы стать супербогатым. После учебы в университете он изучил систему консалтинга для обеспечения конкурентоспособности частных компаний. Он приобретал опыт, начиная от ферм по разведению рыбы до строительства, торговли, ресторанного и медицинского бизнеса, а также вкладывая деньги в недвижимость [2, pp. 78–79, 83, 89].

В продвижении сына на место кронпринца король осуществил продуманную многоходовую комбинацию. В первый же день своего правления Сальман назначил наследником Мукрина ибн Абд аль-Азиза, самого молодого из еще живых сыновей Ибн Сауда, который был заместителем кронпринца при короле Абдаллахе. Военный летчик, он 40 лет находился на государственных постах, какое-то время был губернатором Хайля, губернатором Медины, главой саудовской внешней разведки. Его мать была йеменкой. У Мукрина не было базы власти в самом «правлящем племени» Саудидов⁴.

Заместителем наследного принца король назначил внука короля Ибн Сауда – могущественного министра внутренних дел Мухаммеда ибн Наифа. В течение 13 лет тот был заместителем министра, т.е.

⁴ См.: https://ru.zahn-info-portal.de/wiki/Muqrin_bin_Abdelaziz (accessed 12.02.2023)

своего отца. Он проходил подготовку в Скотланд-Ярде в Англии и в ФБР в США и считался самым «проамериканским» из высших принцев. Именно он руководил борьбой с террористами «Аль-Каиды» с 2003 до 2007 г. Его назначение заместителем кронпринца исключило из числа претендентов на престол детей королей Абдаллаха и Фахда⁵.

Одновременно началось стремительное усиление позиций Мухаммеда ибн Сальмана.

Став королем, Сальман немедленно назначил его главой Королевского дивана, т.е. королевской администрации, а также министром обороны, на которую приходилась почти четверть государственного бюджета. Доверенный короля Абдаллаха, бывший глава дивана аль-Тувайджри был отправлен в отставку. Через несколько месяцев шеф протокола аль-Тубайши последовал за ним [1, р. 67].

Ибн Сальман стал председателем Генеральной комиссии по развитию военной промышленности, а 29 января 2015 г. – главой Совета по экономике и развитию вместо ликвидированного Высшего экономического совета [2, р. 89].

Король ускорил перемены. За три месяца он издал более 100 декретов, существенно реорганизовав правительство Саудовской Аравии. Он отправил в отставку 33 крупных чиновника и назначил 35 новых, но не обычных бюрократов, а людей с практическим опытом. Он ликвидировал дюжину старых подкомитетов правительства, которые хотя и содержали раздутый штат, годами ничего не делали, и создал два новых. Один из них – Совет по политике и безопасности – формально возглавил Мухаммед ибн Наиф, а Комитет по экономике и экономическому развитию – Мухаммед ибн Сальман. Новые советы собирались каждую неделю, что убыстрило процесс принятия решений. Лишь сам Ибн Сальман и министр информации участвовали в обоих советах. Было ясно, что эти меры были запланированы Сальманом заранее.

23 марта 2015 г. Ибн Сальман стал председателем совета директоров Фонда государственных инвестиций. 1 мая, уже заняв пост заместителя кронпринца, он возглавил Высший совет *Saudi ARAMCO*, которая была отделена от Министерства нефти.

В качестве председателя Комитета по экономике и развитию Ибн Сальман взял под контроль не только большинство гражданских министерств, но и государственные компании. Через несколько месяцев король назначил новых руководителей высшего звена в ряде компаний, включая *Saudi ARAMCO* и *SABIC*. Мухаммед вывел *Saudi ARAMCO* из подчинения Министерству нефти, а Фонд общественных инвестиций, который распоряжался сотнями миллиардов долларов государственных средств, из подчинения Министерству финансов и поставил их под свой контроль.

Многие принцы из «племени» Аль Саудов вскоре лишились влиятельных позиций. Два сына короля Абдаллаха – Турки и Мишаль – потеряли посты губернаторов соответственно Эр-Рияда и Мекки. Принц Бандар ибн Султан, бывший многолетний посол в Вашингтоне, был освобожден от должности генерального секретаря Совета национальной безопасности. Важные посты заняли технократы, работавшими в эр-риядском Управлении развития, созданном королем еще в бытность губернатором.

29 апреля 2015 г. было объявлено, что 70-летний кронпринц Мукрин попросил освобождения от своих обязанностей «по состоянию здоровья». Д.Ранделл пишет, что Мукрин был вызван к королю и согласился подать в отставку в том случае, если ему сохранят его новый дворец и многие привилегии, и немедленно получил соответствующие обещания. Мукрин удалился в свое имение под Эр-Риядом [1, р. 68]⁶.

Кронпринцем король назначил Ибн Наифа, а своего сына – его заместителем. Всё это как бы укладывалось в формулу «коллективного руководства» среди наследников «Семёрки Судайри» (подробнее см.: [3, с. 54–55]) и соответствовало задачам Комитета преданности, т.к. готовилась передача высшей власти кому-либо из поколения внуков Ибн Сауда. Этот шаг отвечал и интересам США, которые тесно сотрудничали с Ибн Наифом⁷. Поэтому назначение заместителем кронпринца молодого Ибн Сальмана прошло гладко, без какого-либо сопротивления. Логика, видимо, была простая: Сальман уже стар и нездоров, в случае его смерти на троне на два-три десятка лет окажется Ибн Наиф, и всё останется по-старому как внутри «господствующего племени» Саудитов, так и в отношениях с США.

Новый кронпринц формально оставался министром внутренних дел и главой Комитета по политическим вопросам и безопасности. Но его власть уменьшалась. Личный диван кронпринца (его админист-

⁵ <https://www.reuters.com/article/us-saudi-politics-crownprince-idUKKBN0NK0C720150429> (accessed 30.01.2023)

⁶ См. также: Дударев К. Арабская весна короля Сальмана. *Независимая газета*. 19.10.2015.

⁷ <https://www.reuters.com/article/us-saudi-politics-crownprince...>

рация) в 2015 г. был ликвидирован. Следом за этим доверенный заместитель Ибн Наифа был снят с должности решением короля. В Министерстве внутренних дел несколько человек, преданных Ибн Сальману, были поставлены руководить разведкой и полицией.

Менялись позиции и других принцев. Давно больной Сауд аль-Фейсал, стоявший во главе МИДа, подал в отставку в 2015 г. и был заменен профессиональным дипломатом, бывшим послом в Вашингтоне Аделем аль-Джубейром. Были перемещены многие важные послы. Глава Министерства муниципальных и сельских дел, внук короля Абдаллаха, был заменен на бывшего руководителя Управления развития Эр-Рияда. В Министерстве обороны были заменены все командующие видами вооруженных сил. В 2016 г. подали в отставку последние технократы, назначенные королем Абдаллахом, – министр финансов Ибрахим аль-Асаф и министр нефти Али аль-Наими⁸.

Трудно сказать, кому Мухаммед ибн Сальман делегировал свои многочисленные полномочия по текущим делам. Но можно предполагать, что он нашел и компетентных, и лично доверенных лиц. У него в руках оказался контроль над доходами и расходами государства, и, соответственно, представление о том, кому, сколько и за что шли взятки, откаты и просто расходы на личные нужды. Изучением коррупции была занята специальная группа из европейских и арабских консультантов.

Для улучшения имиджа Ибн Сальман заявлял о себе как представителе саудовской молодежи (60% коренных саудовцев были моложе 30 лет) и создал Фонд помощи молодежи. За образец он взял американцев Стива Джобса, Билла Гейтса и Марка Цукерберга, поддерживая амбициозные устремления молодых людей среди своего окружения. Противники Мухаммеда ибн Сальмана сосредотачивали усилия на традиционных внутриклановых методах усиления власти, он же сделал упор на молодежь, понимая, что интернет был главной связующей силой [2, pp. 101, 109, 119].

Резкое падение цен на нефть в 2015 г. вновь обнажило риски для стабильности королевства, которая обеспечивалась доходами от её экспорта. Страна нуждалась в реформах.

Но пока что король и его сын занимались более срочными по их пониманию делами.

ВОЙНА В ЙЕМЕНЕ

Чтобы восстановить прежний дружественный режим в Йемене, свергнутый хуситами (организация «Ансар Аллах»), по инициативе Эр-Рияда члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), кроме Омана, а также Египет, Иордания, Марокко, Судан (при поддержке США, Великобритании и Франции) решили 25 марта 2015 г. вмешаться в йеменскую гражданскую войну.

США в течение трех с половиной лет помогали в этой войне Саудовской Аравии, вначале даже направив спецназ и вертолетную группу в Йемен. Саудовцы не только тратили огромные средства на военные действия, но и помогали признанному ими йеменскому правительству на миллиарды долларов.

По мнению многих исследователей, король Сальман и Ибн Сальман надеялись, что военная машина Саудовской Аравии и её союзников с самым современным вооружением, предоставленным США и Великобританией, за несколько недель сломит сопротивление «каких-то хуситов», сохранит в стране дружественный режим, принесет блестящую победу и увеличит престиж саудовского министра обороны.

Война затянулась на 8 лет, и конца её даже в 2022 году не было видно.

Первые бомбардировки не принесли победы. Саудовская Аравия и ОАЭ ввели наземные войска и понесли болезненные потери. К войне были привлечены многие тысячи наемников из Судана, Эритреи, Сомали, некоторых других африканских и даже латиноамериканских стран. Их боеспособность оказалась крайне низкой. Позднее в руках хуситов (йеменских шиитов) оказались ракеты средней дальности и беспилотники, с помощью которых они нанесли удары по промышленным и другим объектам королевства, а также Эмиратов⁹.

Война обернулась гуманитарной катастрофой для 25-миллионного населения Йемена. Жертвами бомбардировок и боев стали десятки тысяч мирных жителей и сотни гражданских объектов. Нехватка продовольствия грозила массовым голодом, а гуманитарная помощь задерживалась боевыми действиями, и её просто было мало.

⁸ https://m.polit.ru/news/2016/05/07/oil_minister/ (accessed 02.02.2023)

⁹ <https://lenta.ru/news/2022/01/31/ataka/>; <https://www.interfax.ru/world/830189> (accessed 10.02.2023)

Хотя война была на задворках западных СМИ, называвших ситуацию «прокси-войной» между Ираном и Саудовской Аравией, администрация США при Обаме ввела ограничения на поставки оружия Саудовской Аравии, ослабленные при Трампе¹⁰.

Стороны во внутриименном конфликте калейдоскопически менялись в зависимости от интересов лидеров племенных группировок. Бывший президент Али Абдаллах Салех (зейдит, т.е. шиит) временно присоединился к хуситам, потом встал на сторону их противников и был убит. В Южном Йемене окрепло движение сепаратистов, но одновременно завоевала позиции «Аль-Каида на Аравийском полуострове».

Когда в 2019 г. хуситы с помощью ракет среднего радиуса действия и беспилотных летательных аппаратов нанесли удары по ряду промышленных объектов в королевстве и ОАЭ, ущерб был незначительный. Но и США, и Саудовская Аравия обвинили в этом Иран, т.к. хуситы якобы не имели подобного оружия [2, р. 334]. В том же году Саудовская Аравия вновь разрешила США использовать базу Эмир Султан, на которой разместились авиация, силы ПВО и нескольких тысяч военнослужащих [1, р. 236].

В Йемене складывалась патовая ситуация¹¹.

ШИИТЫ ВОСТОЧНОЙ ПРОВИНЦИИ

Внутренними вызовами, с которыми столкнулись новый король Сальман и его сын, были терроризм джихадистов из «Аль-Каиды» и «Аль-Нусры» и выступления шиитов в Восточной провинции. В ответ они избрали метод жесткого подавления любой активной оппозиции.

2 января 2016 г. прошли самые массовые казни в Саудовской Аравии с 1980 г. – всего 47 человек – из них 43 обвиняемых в терроризме и 4 шиита из Восточной провинции, включая проповедника Нимра Бакира Амина ан-Нимра. Он был ранен и арестован еще в июле 2012 г. в ходе волнений «Арабской весны», его приговорили к смертной казни за «разжигание розни и расшатывание национального единства», «призывы к беспорядкам» и «выходу из повиновения властям». Король Сальман утвердил смертный приговор, который был приведен в исполнение 2 января 2016 г.¹²

Шииты организовали шествие из поселка Аль-Аламия в город Аль-Катиф с резкими антиправительственными лозунгами. Для подавления волнений были введены войска.

Антисаудовские выступления прошли на Бахрейне, в Ираке, Сирии, Ливане, Пакистане. В Тегеране толпа напала на саудовское посольство, смяла охрану и частично сожгла здание. В ответ Эр-Рияд разорвал дипломатические отношения с Тегераном. За ним последовали Бахрейн, Судан, Джибути и Сомали. ОАЭ отозвали своего посла и объявили о снижении уровня дипломатических отношений. Кувейт тоже отозвал посла.

В 2016–2020 гг. Восточная провинция видела то нарастание, то спад столкновений между шиитами и полицией и Национальной гвардией. В мае 2017 г. власти пытались снести часть поселка Аль-Аламия бульдозерами. В ходе последующих столкновений 15–20 человек были убиты¹³.

Но 23 апреля 2019 г. состоялась казнь 37 обвиняемых, из которых 32 были шиитами. В своих последних выступлениях на суде 21 приговоренный заявил, что они осуждены за признательные показания под давлением и пытками. 14 были осуждены за участие в протестах еще 2011–2012 гг. в Восточной провинции (сообщала *Human Rights Watch*). Казнь была совершена «за преступления, связанные с терроризмом», «принятие террористического и экстремистского мышления и создание террористических ячеек для коррупции и дестабилизации безопасности». Некоторые были обвинены за преступления, «которые они якобы совершили несовершеннолетними, когда им еще не было и 18 лет»¹⁴.

Параллельно с силовыми методами власти стремились наладить диалог и достичь компромисса с частью шиитской элиты.

Король Сальман встречался публично с шиитскими лидерами, включая Хасана аль-Саффра, ввел представителей города Аль-Аламийа в Консультативный совет. Появился шиит министр без портфеля в правительстве, президентом *Saudi ARAMCO* стал шиит, а главой проекта Неом – тоже шиит [1, pp. 241–242].

¹⁰ См.: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4008021> (accessed 06.03.2023)

¹¹ <https://www.google.com/search?q=%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%B2+%D0%B9%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD&sxsrf=AJOqlzXNOQt37QTqMT0K4> (accessed 27.02.2023)

¹² Подробнее см.: https://ria.ru/person_Nimr_al-Nimr/ (accessed 08.01.2023)

¹³ См.: https://en.wikipedia.org/wiki/2017%E2%80%932020_Qatif_unrest (accessed 09.01.2023)

¹⁴ <https://rtvi.com/news/v-saudovskoy-aravii-v-2019-godu-kaznili-rekordnoe-chislo-lyudey/> (accessed 09.01.2023)

Дискриминация шиитов в Восточной провинции всё же оставалась нерешенной проблемой, несмотря на уступки властей в бизнесе, местной администрации, образовании. Антишиитский догматический настрой ваххабитской корпорации воздействовал на взгляды саудовцев-суннитов, на местные СМИ и на руководство страны. Постоянная напряженность в саудовско-иранских отношениях, вылившаяся в «холодную суннито-шиитскую войну», не позволяли властям и религиозному меньшинству достигнуть компромиссного урегулирования.

ПРЕДПОСЫЛКИ РЕФОРМ

В среднем доходы от нефти составляли 80% государственного бюджета и 40% саудовского ВВП. На деле значительная часть ВВП ненефтяного сектора оставалась зависимой от государственных расходов и субсидий, которые были производными от продажи нефти. В начале 2016 г. баррель упал до \$32. Важно отметить, что в США происходил быстрый рост добычи сланцевой нефти, что добавило миллиарды баррелей на глобальные рынки и способствовало падению цен.

Субсидирование нефтепродуктов, энергии и воды стало проклятием в Саудовской Аравии. Бензин и дизельное топливо продавались ниже рыночных цен на сырую нефть. В течение многих лет средняя саудовская семья платила \$0,025 за киловатт электроэнергии по сравнению с \$0,13 в США и \$0,45 в Германии. Неудивительно, что с 2010 по 2015 г. потребление электроэнергии выросло на одну треть. Та же ситуация была с ценами на воду. Примерно \$1 стоил кубометр опресненной воды и еще \$2–3 – транспортировка её вглубь страны. Однако у многих была возможность покупать кубометр воды за \$0,03, т.е. в 100 раз дешевле. Вода стала настолько дешевой, что житель пустыни стал потреблять её столько же, сколько в обильной водой Канаде, и в 3 раза больше среднего европейца¹⁵.

Саудовская промышленность была неэффективным потребителем энергии. В 2016 г. ненефтяная промышленность обеспечивала 15% саудовского ВВП, но потребляла 40% субсидированной энергии в стране. В результате Саудовская Аравия использовала больше энергии на производство единицы ВВП, чем любая другая из стран «двадцатки».

Пользуясь огромными субсидиями на бензин, на опресненную воду и электроэнергию, к 2015 г. саудовцы внутри страны использовали примерно 20% своего собственного производства нефти. Если бы такая ситуация сохранялась, то, возможно, к 2030 г. королевство потребляло бы три четверти добытой нефти.

Хотя в начале правления короля Сальмана государственная казна была полна, резкое падение цен на нефть скоро создало критическую ситуацию. Дефицит бюджета в 2015 г. достиг 15% ВВП – \$98 млрд. Нужно было сокращать расходы, увеличивать и диверсифицировать доходы, вводить налоги. Были отложены выплаты по контрактам госсектора, сокращены субсидии на бензин, электричество, воду, которые вместе потребляли 10% ВВП¹⁶.

В 2016 г. цены на бензин выросли на 50%, на электричество – на 100%, на газ – на 123%. Частные промышленные фирмы были предупреждены, что в ближайшие годы они будут платить полную цену за горючее и воду [1, р. 214]. Резко поднялась стоимость патентов на работу для иностранцев.

Король Сальман начал сокращать государственные субсидии, ограничивал не только темпы роста заработной платы, но в ряде случаев саму заработную плату, в том числе высших чиновников, вводил налоги, которых раньше практически не было. Было объявлено о необходимости «сократить расходы на аппарат управления и повысить эффективность использования ресурсов» [4, с. 138].

Саудовская Аравия избежала резких протестов по поводу увеличения налогов и цен, потому что были приняты меры помощи самым бедным слоям. Для них сохранились некоторые субсидии.

В 2016 г. дефицит снизился, но все равно оставался высоким, хотя расходы бюджета значительно сократились.

Во втором десятилетии XXI в. Саудовская Аравия имела более или менее современную инфраструктуру, в т.ч. финансовую, многие социальные службы, но рынок труда искажился. Саудовцы стремились получить занятость в госаппарате и не платить налоги. Иностранцы рабочие также не платили налоги.

¹⁵ О стоимости 1 куб. м воды в отдельных городах, включая Саудовскую Аравию, см.: <https://www.vrx.ru/treasury/347.html> (accessed 19.02.2023)

¹⁶ https://www.gazeta.ru/business/news/2015/11/02/n_7842005 (accessed 15.02.2023)

Иностранцы, которых было 10% населения в 1970 г., во втором десятилетии XXI в. составляли примерно треть жителей и занимали 85% рабочих мест в ненефтяном частном секторе.

Абсолютное большинство населения жило в городах. Занятость в сельском хозяйстве исчезала, на работу нанимали иностранцев. Даже у бедуинов появились иностранцы-пастухи.

В искаженном рынке труда были заинтересованы многие. Работа в госсекторе для саудовцев считалась делом само собой разумеющимся. Саудовские бизнесмены зависели от постоянного притока иностранных рабочих невысокой квалификации, но дисциплинированных и дешевых. Улемы настаивали на том, чтобы держать женщин дома. Число иммигрантов в стране приближалось к 10 млн, а среди коренного населения наблюдалась высокая безработица¹⁷.

В 2015 г. цены на нефть упали почти втрое. Причем в стране продолжались высокий демографический рост, еще более высокая прибавка численности «правлящего племени» и увеличение его аппетитов и расходов. Несколько оставшихся живых сыновей Ибн Сауда получали плату непосредственно из королевского дивана по несколько миллионов долларов в год. Большинство принцев и принцесс имели стипендии через специальное агентство. Уровень выплат различался. Внук короля Ибн Сауда получал примерно \$200 тыс. в год, а правнук – \$100 тыс. Сыновья племянников Абд аль-Азиза получали по \$50 тыс. в год. Потомки двоюродных братьев короля-основателя – меньше. Отдаленные кланы, может быть, не получали ничего. Члены семьи Аль аш-Шейха, а также важных лидеров племен получали субсидии еще со времен основания королевства [1, pp. 133–134].

Члены племени Аль Саудов соперничали за получение престижных должностей и стипендий, пополняли свои доходы, используя связи с бизнесом, способствуя получению выгодных контрактов на строительство через свои связи с госаппаратом. Никакой прежней «демократии» в пустыне не было, но логика патронатно-клиентельных отношений в прежнем виде пока доминировала.

Осуществлять эту политику становилось всё труднее. Впервые с 2010 г. темпы роста ВВП в Саудовской Аравии ушли на отрицательное поле, но рост был необходим хотя бы для поддержания достигнутых стандартов потребления, распределения доходов и стабильности в обществе.

Необходимость перестройки и экономики, и госструктуры, и социальной жизни была очевидной. Об опасности чрезмерной зависимости от нефти, о «саудизации», развитии альтернативных отраслей говорил и король Абдаллах, который начал делать осторожные шаги в этом направлении. Но, сталкиваясь с «коллективным сопротивлением» старших принцев первого и второго поколения, которые выступали против серьезных реформ, он не мог пойти на серьезные меры.

Реформы в условиях нарастающего кризиса стучались в дверь.

РЕФОРМЫ. «ВИДЕНИЕ: 2030»

План коренных реформ под названием «Видение Саудовской Аравии: 2030» был разработан в 2015 г. специальной командой, которую подобрал Ибн Сальман. За образец он взял историю развития Эмиратов – особенно Дубая. Он нанял соответствующих экономистов и социологов, хотя в предложенных темпах осуществления плана чувствовалось молодое нетерпение человека, который понимал необходимость перемен и спешил сам встать во главе страны, чтобы осуществить амбициозные цели.

Международные консалтинговые фирмы получили заказы на сотни миллионов и миллиарды долларов. Они всегда были готовы планировать всё, что угодно, делать красивые диаграммы, отчеты, расчеты на сотнях и тысячах страниц, но никогда не отвечали за результаты. Ибн Сальман пытался предложить оплачивать проекты по результатам их осуществления, но получал отказы [6]. В плане «Видение: 2030» была намечена перестройка экономики на принципах открытости, приватизации, избавления от нефтяной зависимости, сбалансирования бюджета, повышения качества жизни, женской эмансипации, сужения сферы полномочий религиозного истеблишмента. Всё это совпало с пожеланиями «либерального образованного класса», который надеялся на «реформаторов во власти» (подробнее см.: [6]).

Была поставлена задача уменьшить зависимость Саудовской Аравии от нефти, диверсифицировать её экономику с упором на частный сектор. Важное место занимало развитие туризма и рекреационной

¹⁷ Уровень безработицы в КСА в IV кв. 2021 г. снизился до 11%, достигнув минимального значения за последние 10 лет (данные Главного управления статистики Саудовской Аравии). По сравнению с аналогичным периодом 2020 г. уровень безработицы в Королевстве сократился на 2,6%. (прим. ред.).

сферы. Объектами культурного туризма были назначены набатейские памятники Мадаин Салех в Хиджазе, исторический центр Джидды, наскальные рисунки провинции Хаиль и квартал Ат-Турейф исторической столицы Ад-Дарья. Учитывая, что для немусульман пляжный отдых – основа туризма, предполагалось его развивать на побережье и озелененных островах северо-запада страны, где территория примерно 25 тыс. кв. км с центром в сверхсовременном, скорее футуристическом, городе Неоне выделялась в особую экономическую зону с облегченным визовым режимом. В Неоне намечалось развитие инновационных наукоемких технологий.

Туризм и паломничество должны были стать одним из основных источников дохода. Планировалось увеличить число паломников умры с 8,5 млн в 2015 г. до 30 млн в 2030 г. Уже в 2018 г. было 15 млн, но пандемия *COVID-19* резко сократила паломничество.

Увеличение доходов от хаджа представлялось заманчивым. Число паломников в дни хаджа должно было вырасти многократно, а для их обслуживания создавалась дополнительная инфраструктура, в том числе новые аэропорты в Таифе и Джидде, строился крупнейший исламский музей мира.

Необходимо было изменить рынок труда. На въезд иностранной рабочей силы вводились специальные налоги и квоты, чтобы обеспечить переток саудовской рабочей силы из госсектора в частный. Для этого нужна была переподготовка кадров, ломка психологии большинства. Задача повышения доли женщин на рынке труда с 22 до 30% сочеталась с вызовом традициям.

План «2030» предусматривал сократить безработицу в 2022 г. с помощью создания рабочих мест в частном секторе, резко увеличить занятость саудовцев в розничной торговле, где большинство мест было заполнено иностранцами. Предполагалось закрывать мелкие лавочки, где нанимали гастарбайтеров, и развивать большие магазины, супермаркеты, молы розничной торговли.

26 апреля 2016 г. на заседании кабинета министров во главе с королем Сальманом наследный принц изложил программу «Видение Королевства Саудовской Аравии: 2030». Кабинет одобрил этот документ. 6 июня того же года была принята программа первого этапа его реализации – «Национальный поворот 2020 года», также представленная принцем. Король Сальман заявил, что этот план принимается в условиях снижения цен на нефть, региональных и международных экономических и финансовых вызовов и дестабилизации в странах-соседях. Подразумевались расходы на военную операцию в Йемене, помощь сирийской вооруженной оппозиции, участие в возглавляемой США антитеррористической коалиции против ИГИЛ, а также на войну со сторонниками «Аль-Каиды» и ИГИЛ на саудовской территории [4, с. 147–148].

Государство сохраняло за собою общий контроль над экономикой, но поддерживало частный бизнес. Была поставлена задача уже к 2020 г. ликвидировать абсолютную зависимость от нефти, чтобы осуществить план даже при ценах \$30 за баррель, а ненефтяной сектор увеличить с 16% ВВП до 50% ВВП. Генерирующие мощности должны были быть созданы на основе солнечной энергии, энергии ветра.

Фонд общественных инвестиций был реструктурирован и превратился в Суверенный фонд благосостояния, чтобы обеспечить доходы государства, не связанные с экспортом нефти. Через два месяца после прихода к власти Сальмана этот фонд был подчинен новому Совету по экономике и развитию во главе с Ибн Сальманом. Его план состоял в том, чтобы превратить *Saudi ARAMCO* в акционерную компанию с капиталом примерно \$2 трлн, которая будет вкладывать деньги не только в Саудовской Аравии, но и за границей, и приносить доходы, даже если цена на нефть падает. Была поставлена задача продать часть *Saudi ARAMCO*. (В 2019 г. Саудовская Аравия смогла собрать \$25,6 млрд, продав 1,5% компании местным инвесторам. Это было самое большое *IPO* (публичное размещение акций) в истории¹⁸.)

Помимо нефтехимии и нефтепереработки решили развивать горную промышленность. Она давала в 2015 г. 4% саудовского ВВП. Предполагалось, что она удвоит этот процент к 2030 г. и создаст 90 тыс. мест для горняков. Речь шла о добыче фосфатов, бокситов, золота, меди и цинка. Вместо Министерства нефти было создано новое Министерство минералов и промышленности [6].

СОПРОТИВЛЕНИЕ РЕФОРМАМ

Ибн Сальман нуждался в технократах и квалифицированных чиновниках, а не в религиозных улемах или вождях племен, чтобы осуществить «Видение: 2030». Без их поддержки он не мог добиться ус-

¹⁸ <https://www.rbc.ru/economics/11/12/2019/5df0a24a9a7947a712349b659> (accessed 12.02.2023)

пеха, но она не была гарантирована. Раньше бюрократы пользовались большой степенью автономии и были независимы от наблюдения со стороны Королевского дивана или кого-либо вне госаппарата. Теперь их контролировали. Некоторые из них чувствовали себя в опасности, других просто оскорбляло, что за ними следят двадцатипятилетние иностранные консультанты. Некоторые опасались, что приватизация уменьшит их влияние и возможности обогащения. Многие бюрократы были заинтересованы в сохранении прежней коррупционной системы, в непотизме и в синекурах вместо работы.

Неожиданным тормозом стала деятельность Консультативного совета (маджлис-аш-шура). Во главе его всегда стояли консервативные улемы. В маджлис вошли некоторые офицеры в отставке, бизнесмены или лидеры племен, но большинством были бывшие бюрократы, ученые или журналисты. Более 70% имели степени по светским специальностям в основном западных университетов. Это не значило, что все они придерживались светских убеждений. Консультативный совет не голосовал за «Видение: 2030», за превращение *Saudi ARAMCO* в корпоративную компанию, или за введение налога на добавленную стоимость. Дважды члены Совета блокировали голосование за разрешение женщинам водить машину. Король уменьшил заработную плату членам Совета и маргинализировал его влияние [1, p. 123].

Руководители *Saudi ARAMCO* и Министерства нефти были отправлены в отставку, потому что они не согласились с превращением *Saudi ARAMCO* в акционерную компанию с прозрачностью отчетов и жестким контролем над расходами и доходами.

Для выполнения намеченных реформ было необходимо отказываться от некоторых наиболее жестких форм ваххабизма. Принципы ислама оставались основой жизни, но воплощались в новых законах, решениях, делах. «Власти отказались от прежнего консервативного курса, основанного на запретах и экстремистском толковании ислама, в пользу религиозной умеренности, модернизации экономики и всего саудовского общества» [5].

Было анонсировано и дано разрешение женщинам водить машины, в т.ч. грузовые. Это имело не только символическое, но и экономическое значение. При неразвитости общественного транспорта женщины могли ездить на работу только на личных автомобилях. Раньше для этого был необходим шофер. Появилась возможность самим женщинам добираться за рулем до места работы. Должна была меняться роль женщины в обществе и экономической жизни [5, с. 100].

Формально всё руководство ваххабитской корпорации оставалось на своих местах и при своих зарплатах и привилегиях. По-прежнему важные министерства и ведомства занимали члены семьи Аль аш-Шейха. В отличие от Ататюрка в Турции или шаха в Иране король и его сын сохраняли достоинство и доходы улемов на определенных условиях.

Но функции полиции нравов (Лига поощрения добродетелей и отвращения от греха) резко урезались. Мутава запрещали следить за поведением людей на улицах и в торговых центрах, тем более арестовывать кого-либо. В Высший совет фетв были введены женщины-муфтии. Послом Саудовской Аравии в США стала Римма – дочь бывшего посла в США Бандара ибн Султана, в министерствах, ведомствах, корпорациях появлялось всё больше женщин на важных постах. На массовых мероприятиях – футболе, концертах, рок-концертах на свежем воздухе собирались вместе тысячи мужчин и женщин, что было, с точки зрения ортодоксов, недопустимым смешением полов. Но какие-либо элементы критики со стороны ваххабитской корпорации официально не раздавались и не допускались. Были арестованы несколько тысяч нелояльных властям имамов мечетей [5, с. 101].

Многие улемы сопротивлялись реформам, так как они не хотели никакой письменной конституции, за исключением Корана, никаких кодексов, которые бы подорвали их авторитет как единственных интерпретаторов юридических документов [1, p. 103].

Дело шло трудно. По мнению Д.Ранделла, большая часть религиозного истеблишмента и значительная часть населения выступали против социальной либерализации. Некоторые не хотели перемен вообще, другие считали, что перемены происходят слишком быстро, третьи полагали, что на перемены влияют иностранцы. В любом случае оппозиция предпочитала бы восстановление религиозной ортодоксии.

Программа реформ и сама активная деятельность Ибн Сальмана вызывала недовольство и сопротивление высшей элиты. Особенно опасным для многих казалось решение об акционировании *Saudi ARAMCO*, т.к. этот шаг предполагал квалифицированный аудит всех доходов и расходов компании, а значит и тех отчислений, которые непосредственно шли принцам и принцессам вне официального бюджета.

та. Предполагался контроль и прозрачность доходов и расходов, что наносило удар по интересам членов высшего эшелона «правлящего племени» [1, p. 106].

«Видение: 2030» стремилось ликвидировать посредников в получении правительственных контрактов. Многие из них крупно зарабатывали на своих услугах, но оказались не нужны. Бизнесмены вдруг заметили, что их тесные связи с высшими принцами уже не гарантируют ни получения заказов, ни быстрых платежей. Введение впервые в саудовской истории налога на добавленную стоимость означало, что бизнес должен предоставлять точные сведения налоговым контролерам. Те, кто хотел избежать налогов, просто закрывали свои лавки или предприятия [1, p. 115].

Тем не менее, как и преданные семейству улемы, торговые палаты обычно поддерживали правительственную политику. Особенно если они надеялись приватизировать лакомые куски государственной собственности.

Бизнес был заинтересован, прежде всего, в стабильности, а также в государственных заказах, обильных субсидиях, но ограниченной регуляции и отсутствии налогов. Теоретически он выступал за либерализацию и приватизацию, но был против увеличения численности коренных жителей среди рабочих, против раскрытия данных о доходах и расходах, против введения налогов [1, p. 114].

Технократы встретили реформы по-разному. Закоренелые взяточники были против, хотя значительная часть профессионалов – «за», среди них работники министерств, ориентированных на развитие здравоохранения, коммуникаций, транспорта, нефтехимии. Их отличало именно хорошее техническое образование [1, p. 112].

Для осуществления амбициозных планов было необходимо сотрудничество со стратегическими союзниками, особенно с США. В июне 2016 г. Ибн Сальман посетил Вашингтон, где встретился с президентом Обамой, главами внешнеполитического, оборонного и торгового ведомств, директором ЦРУ, провел беседы в Конгрессе. Он осуществил контакты с руководителями военно-промышленных компаний «Боинг», «Локхид Мартин», инвестиционных корпораций, ведущих американских университетов, посетил Марка Цукерберга в штаб-квартире Фейсбука и создателя Твиттера Джека Дорси, чтобы поговорить о внедрении инновационных технологий в самой Саудовской Аравии. Планировалось создание развлекательных центров также с помощью американцев [4].

Пропаганда реформ и сказочного будущего Саудовской Аравии вызывала поддержку в США и других западных странах, улучшало имидж Ибн Сальмана внутри и вне страны. Программа соответствовала также взглядам проправительственных «либералов».

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ И США. ВИЗИТ ТРАМПА

Затяжная война в Йемене вызвала отрицательный отклик в США и в целом на Западе, что заставило президента Обаму после первоначальной поддержки частично заблокировать передачу разведанных саудовцам в связи с этой войной и приостановить продажу 16 тыс. устройств для более точного наведения бомб на цели [7, p. 310].

В сентябре 2016 г. Конгресс США принял резолюцию «Справедливость против спонсоров терроризма» (*JASTA*), которая позволяла обращаться в суд раненым или членам семей погибших в теракте 11 сентября 2001 г. для требования компенсации от Саудовской Аравии. Сенат преодолел вето Обамы, и акт вошел в силу¹⁹. Он добавил горечи в отношения между Саудовской Аравией и США.

Резко негативно саудовское руководство восприняло важнейшее «атомное соглашение» июля 2015 г. с Ираном, против которого высказались только Израиль и Саудовская Аравия. Речь шла о Совместном всеобъемлющем плане действий по иранской ядерной проблеме (СВПД), подписанном Россией, США, Великобританией, Китаем, Францией, Германией и Ираном с целью предотвратить появление ядерного оружия у Ирана.

Однако когда в сентябре 2015 г. король Сальман посетил Обаму, он заявил о поддержке СВПД, не желая и дальше портить отношения с Вашингтоном²⁰.

¹⁹ <https://arabmir.net/stati-mnenie-eksperta/jasta-kurs-na-sohranenie-liderstva-ssha-v-mire-ili-shag-k-razryvu-amerikano> (accessed 25.02.2023)

²⁰ <https://regnum.ru/news/polit/1963697.html> (accessed 18.09.2021)

Смена главы администрации США многое изменила. Эр-Рияд приветствовал решение президента Трампа разорвать «атомное соглашение» с Ираном. О возможности создания Саудовской Аравией ядерного оружия, «если к этому её вынудит Иран», заявил позднее, в марте 2018 г., Ибн Сальман²¹.

Но даже при президенте Обаме отношения с США оставались стратегическим стержнем внешней политики Эр-Рияда. Их объединяла и враждебность к Башару Асаду, и недовольство усиливающимся влиянием Ирана в Сирии и Ираке. Правда, борьба против ИГИЛ в Ираке и Сирии отодвинула задачу свержения Асада на второе место в американских приоритетах. Была создана антитеррористическая коалиция, включившая и Саудовскую Аравию. Конфронтация Саудовской Аравии с Ираном, принявшая антииитский характер, поддерживалась и поощрялась Вашингтоном. Поэтому американская администрация как бы не замечала событий в Восточной провинции Саудовской Аравии.

Несмотря на все трения, внешней опорой саудовского режима во всех отношениях – от финансовых до технологических и военных, а главное – в деле обеспечения безопасности – всё равно оставался Вашингтон. Его позиция оказывала существенное влияние на расклад сил и в «племени Саудидов».

Когда в США сменилась администрация и президентом стал Дональд Трамп, Ибн Сальман приехал в Вашингтон в качестве министра обороны, чтобы встретиться с представителями Пентагона. Он смог посетить Трампа, и краткий визит превратился в продолжительную беседу²².

Бизнесмен по психологии, Трамп хорошо понимал значение саудовских миллиардов и саудовской нефти для США. Поэтому первой страной, куда он решил совершить международный визит, была Саудовская Аравия. (Впрочем, немедленно после этого он посетил Израиль.) 21 мая 2017 г. он прибыл в Эр-Рияд. После переговоров с королем Сальманом два лидера подписали наспех подготовленные соглашения о продаже королевству американского оружия и другой техники на \$350 млрд в течение 10 лет. В данном случае речь шла лишь о рамочных соглашениях, но пропагандистски обе стороны выигрывали.

Но это не всё. Саудовское руководство пригласило на встречу с президентом США 54 глав государств и правительств – членов Организации исламского сотрудничества (кроме Ирана, Турции, Сирии и Палестины; по разным причинам не приехали лидеры Марокко и Судана). Трамп произнес перед ними речь. Он резко осудил ИГИЛ, «Аль-Каиду», ХАМАС. Как обычно, в своем выступлении он не различал шиитов и суннитов, но не мог обойти без резких выпадов против Ирана, который «дестабилизировал мир», осуществив вмешательство в Сирии. Несколько резких слов у него нашлось и против Катара [7, р. 318].

Король Сальман, президент США Трамп и президент Египта ас-Сиси открыли новый Центр по борьбе с экстремизмом в Эр-Рияде.

Забегая хронологически вперед, отметим, что президент Трамп вел свою игру на Ближнем Востоке, пытаясь (правда, неудачно) получить симпатии еврейской общины США, которая традиционно поддерживала Демократическую партию.

6 декабря 2017 г. президент Трамп признал Иерусалим столицей Израиля и объявил о переносе сюда американского посольства из Тель-Авива. Это вызвало критику и в ООН, и в Европейском Союзе, включая союзников США, и в Организации исламской солидарности. Турция провела по этому поводу встречу на высшем уровне почти всех президентов и премьер-министров мусульманских государств, которые осудили этот шаг США, но Саудовская Аравия направила туда второстепенного министра. Однако хранитель двух благородных святынь король Сальман не мог позволить поддержать этот шаг Вашингтона. Склонить на свою сторону большинство евреев в США Трампу не удалось²³.

Израиль стал несомненным бенефициаром «Арабской весны». Государственные и военные структуры арабских стран были ослаблены или разбиты. Какое-либо единство действий против Израиля даже не просматривалось. С помощью США и американских денег Израиль установил дипломатические отношения с ОАЭ, Бахрейном, Суданом, Марокко. С точки зрения саудовцев Израиль был реальностью, но пойти на дипломатические отношения с ним хранителю двух благородных святынь было пока невозможно. Внутри Саудовской Аравии те, кто выступал за большую модернизацию и «озападнивание»

²¹ Saudi crown prince: If Iran develops nuclear bomb, so will we. CBS. 15.03.2018. <https://www.Cbsnews.com/news/Saudi-crown-prince-mohammed-bin-salman-iran-nuclear-bomb-saudi-arabia/> (accessed 18.09.2021)

²² <https://regnum.ru/news/polit/2249456.html> (accessed 29.01.2023)

²³ <https://stmegi.com/posts/58663/mnenie-bolshinstvo-evreev-ssha-vystupayut-protiv-perenosa-posolstva-v-ierusalim/> (accessed 26.12.2022)

страны, поддерживали сближение с Израилем, а их противники и внутренняя и внешняя оппозиция режиму, особенно джихадисты, оперировали старыми исламистскими лозунгами [8].

В январе 2020 г. появился план «Сделка века», разработанный Д.Кушнером, зятем президента Трампа, самым произраильским руководителем администрации в истории США. Единственная страна в мире – США одобрили аннексию Голанских высот Израилем, перенесли посольство из Тель-Авива в Иерусалим. «Сделка века» по логике бизнесмена Кушнера и бизнесмена Трампа предусматривала согласие палестинцев на израильские условия «мирного урегулирования» в ответ на крупные финансовые вложения (\$50 млрд, в основном – за счет нефтяных монархий Перидского залива). Палестинцы должны были отказаться от создания реально независимого государства, от Иерусалима – в обмен на получение «столицы» в дальнем пригороде Иерусалима, от ликвидации израильских поселений на Западном берегу, от возвращения беженцев. Палестинский лидер Махмуд Аббас назвал план США «заговором» и «вероломством». Лига арабских государств единогласно отклонила план²⁴.

Это осложняло саудовско-американское сотрудничество. Но по отношению к палестинцам саудовцы не стеснялись в выражениях. Ориентация ХАМАС сначала на Египет (ХАМАС был частью «братьев-мусульман»), затем на Иран, а после 2017 г. и на Катар, позволила тогдашнему главе внешнеполитического ведомства Адилу аль-Джубейру назвать эту организацию «экстремистской террористической», подчеркнув её связи с «братьями-мусульманами»²⁵.

Было нереальным ожидать, что Израиль изменит свою позицию по Западному берегу и Иерусалиму. Поэтому возможность каких-то публичных саудовских шагов, направленных на установление дипотношений с Израилем, оставалась ограниченной. Саудовское руководство было вынуждено учитывать исламистские настроения и внутри и вне страны. Правда, саудовское воздушное пространство было открыто для израильских гражданских самолетов. Шли контакты между двумя странами по линии разведок.

Над всем господствовала антииранская риторика, хотя в конце концов и она была в значительной степени искусственно создана для внутреннего потребления в Израиле и Саудовской Аравии, но одновременно удовлетворяла Вашингтон [8, с. 64].

Ибн Сальман, оценивая внешнюю политику, внешние угрозы, заявлял о «треугольнике зла», в который входили Иран, Турция и исламистские экстремистские группы [2, р. 298].

В марте 2018 г. Ибн Сальман вновь посетил США. Он встречался с Марком Цукербергом, Биллом Гейтсом и Тимом Куком из компании *Apple*, обедал с Джефом Безосом и фотографировался с основателем *Google* Сергеем Брином, лидерами других крупных корпораций. Но он убедился, что здесь считают его просто распорядителем одного триллиона долларов, на которые он должен просто покупать всё, что ему нужно, а сами крупные компании не спешили вкладывать деньги в Саудовскую Аравию. 20 марта он посетил Белый дом и услышал от президента те же самые идеи [2, р. 300].

В нескольких своих твитах в июне 2017 г. Трамп подтвердил свои опасения насчет финансирования со стороны Дохи экстремистских и террористических организаций. Слова остались словами и не помешали теснейшему военному сотрудничеству США с Катаром. Здесь находилась база Аль-Удайд с 10 000 американских военнослужащих, самая крупная на Ближнем Востоке после передачи базы Эмир Султан Саудовской Аравии. На ней расположилось Центральное командование США, отсюда совершали боевые вылеты в Сирию, Ирак и Афганистан [9]²⁶. И Пентагон, и Государственный департамент прилагали усилия, чтобы «помирить» двух своих союзников²⁷.

Обострение саудовско-катарских отношений не было чем-то новым. Еще в 2013–2014 гг. Саудовская Аравия, Бахрейн и ОАЭ отзывали своих послов из Катара в знак протеста против проводимой ди-настией Аль Тани внешней политики. Конфликт был временно улажен. Но благодаря своим деньгам Катар наращивал влияние в регионе. В Катаре сложились сильные позиции «братьев-мусульман», а потом был создан практически действующий союз с «братьями-мусульманами» и Турцией, которая претендовала на особую роль на Ближнем Востоке. В Катаре появилась турецкая военная база [10].

Но Катар сохранял сотрудничество с Ираном.

²⁴ <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7629489> (accessed 23.02.2023)

²⁵ Saudi FM: Qatar must stop supporting HAMAS, Brotherhood. *Aljazeera*, 07.06.2017. <https://www.aljazeera.com/news/2017/6/7/saudi-fm-qatar-must-stop-supporting-amas-brotherhood> (accessed 10.02.2023)

²⁶ Qatar Hosts Largest US Military Base in Mideast. *CNN*. 05.06.2017.

²⁷ Reuters, 14.06.2017.

Воспользовавшись репликой Трампа с осуждением Катара, Эр-Рияд в июне 2017 г. разорвал с ним отношения. Саудовская Аравия и Эмираты убедили Бахрейн и Египет присоединиться к изоляции Катара. Относительно нейтральную позицию заняли Пакистан, Оман и Кувейт [7, pp. 321, 325]. В Эр-Рияде обвиняли Доху в «поддержке терроризма и экстремизма», т.е. «братьев-мусульман», ХАМАС и «Хезболлы», которые якобы были «инструментами иранского экспансионизма» [10, с. 144].

Главное требование Саудовской Аравии к Катару состояло в том, чтобы он прекратил сотрудничество с Ираном. Но Катар вместе с Ираном владел самым крупным в мире газовым месторождением на шельфе с запасами, эквивалентными 230 млрд баррелей нефти, что лишь немного уступало совокупным месторождениям нефти и газа в Саудовской Аравии. Доха не могла позволить себе разрыв отношений с Ираном.

В Эр-Рияде болезненно воспринимался «фактор Аль-Джазир», которая вела неугодную Саудовской Аравии пропаганду, оправдывая тезис «братьев-мусульман» о праве арабских масс на восстание против властей, следуя нормам шариата.

Естественно, что ультиматумы Саудовской Аравии Катар выполнить не мог. На словах президент США согласился с оценкой позиции Катара, но настаивал на примирении своих союзников в Персидском заливе [7, р. 324]. Демонстрация «примирения» произошла на саммите ССАГПЗ в январе 2021 г. в саудовском г. Аль-Уле, где состоялась личная встреча Мухаммед ибн Сальмана и эмира Тамима Аль Тани [10, с. 146].

ОТНОШЕНИЯ С РОССИЕЙ. НОВОЕ ПАРТНЕРСТВО

По-новому сложились отношения с Россией после того, как королем Саудовской Аравии стал Сальман и приобрел особый вес его сын Мухаммед. Установилось техническое взаимодействие двух стран в организации эвакуации российских граждан, арабов, граждан СНГ и других стран из Йемена после начала там военных действий. В конце марта 2015 г. на самолетах и судах были эвакуированы семьи с детьми от смешанных браков, включая некоторых граждан из арабских стран, а также из Европейского Союза.

В июне 2015 г. принц Мухаммед ибн Сальман посетил Москву, где состоялась его первая встреча с президентом России В.В.Путиным.

Двум государствам нужно было сосредоточиться на нефтяных делах. Король Сальман и его новый министр нефти Халид аль-Фалих (2016–2019) решили договориться с Россией и обеспечить уменьшение глобального нефтяного производства, чтобы сохранить цены. В декабре 2016 г. удалось выйти на соглашение между странами ОПЕК и Россией, а также с 9 другими государствами, добывающими нефть. Был создан ОПЕК+, его участники договорились снизить добычу и изъять с мировых рынков её излишки. Результаты были успешными. В сентябре 2018 г. цена нефти достигла \$70 за баррель. Соглашение ОПЕК+ показало взаимную заинтересованность в сотрудничестве Москвы и Эр-Рияда.

Наконец, 4–7 октября 2017 г. состоялся исторический визит короля Сальмана в Москву в сопровождении огромной делегации – примерно 1000 человек. Было подписано 14 межправительственных и межведомственных соглашений, меморандумов, протоколов о крупных коммерческих контрактах. Взаимовыгодное партнерство с Россией явно увеличивало престиж Сальмана внутри страны, несколько расширяло свободу маневра на международной арене (подробнее см.: [11]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Система власти Саудидов, разработанная королем Фейсалом, продержалась более 40 лет и обеспечила относительную стабильность государства. Трон, а значит и высшая власть, передавался от одного из сыновей короля-основателя Ибн Сауда другому. При этом сохранялись почти независимые пирамидальные патронатно-клиентельные структуры на базе министерств и ведомств во главе с несколькими родными или кровнородственными принцами, которые согласовывали главные политические решения.

Во втором десятилетии XXI века на высшую власть после короля Сальмана мог «легально» претендовать кто-либо из нескольких сот внуков и правнуков Ибн Сауда. Система пирамидально-группового феодализма не могла в прежнем виде обеспечить единство Саудидов, стабильность в стране, интересы

новых социальных групп и надежное социально-экономическое развитие. Король Сальман и его сын Мухаммед видели выход из кризиса в укреплении «вертикали» власти с помощью усиления её авторитарного характера.

(Окончание следует)

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Rundell D.H. 2021. Vision or Mirage. Saudi Arabia at the Crossroads. I.B. Tauris. L.: Bloomsbury Publishing Plc. ISBN: 978-1-8386-0593-3.
2. Hope B., Scheck J. 2020. Blood and Oil. Mohammed bin Salman's Ruthless Quest for Global Power. N.Y.: Hachette Book Group. ISBN 978-0-306-84666-3 (hardcover), ISBN 978-0-306-92381-4 (paperback).
3. Васильев А.М. Саудовская Аравия. Новые вызовы королевству. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 9. С. 54–55. DOI: 10.31857/S032150750021786-6
Vasiliev A.M. 2022. Saudi Arabia. New challenges to the kingdom. *Asia and Africa today*. № 9. Pp. 54–55. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750021786-6
4. Косач Г.Г. «Видение: 2030». Саудовские реформы. *Свободная мысль*. 2016. № 6. С. 147–148.
Kosach G.G. 2016. "Vision: 2030". Saudi reforms. *Svobodnaya Mysl*. № 6. Moscow. (In Russ.)
5. Косач Г.Г. Саудовская Аравия после Арабской весны: меняющаяся внутренняя политика. *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. DOI: 10.31857/S086919080015050-2
Kosach G.G. 2021. Saudi Arabia after the Arab Spring: changing domestic policy. *Vostok/Oriens*. № 3. (In Russ.). DOI: 10.31857/S086919080015050-2
6. Дударев К.П. Ветры перемен над Саудовской Аравией. *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 11. С. 39–44.
Dudarev K.P. 2017. Wind of change over Saudi Arabia. *Asia and Africa today*. № 11. Pp. 39–44. (In Russ.)
7. Hiro Dilip. 2018. Cold War in the Islamic World: Saudi Arabia, Iran and the Struggle for Supremacy. Oxford University Press.
8. Косач Г. Саудовская Аравия и Израиль: палестинский контекст. *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 1. С. 64. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-61-69
Kosach G. 2021. Saudi Arabia and Israel: The Palestinian context. *World Economy and International Relations*. Vol. 65, № 1. Pp. 61–64. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-61-69
9. Taylor Adam. As Trump tries to end 'endless wars,' America's biggest Mideast base is getting bigger. August 21, 2019. <https://www.washingtonpost.com/world/as-trump-tries-to-end-endless-wars-americas-biggest-mideast-base-is-getting-bigger/2019/08/20/47ac5854-bab4-11> (accessed 12.01.2023)
10. Косач Г.Г. Во имя национальных интересов: внешняя политика Саудовской Аравии после «Арабской весны». *Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика*. 2021. № 4. С. 144.
Kosach G.G. 2021. In the name of the national interests: Foreign policy of Saudi Arabia after the Arab Spring. *Moscow University Bulletin of World Politics. Ser. 25*. № 4. P. 144.
11. Озеров О.Б. Саудовско-российские отношения: тернистый путь к новым высотам. *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 11. С. 18–25. DOI: 10.31857/S032150750001783-3
Ozerov O.B. 2018. Saudi – Russian relations: The thorny path to new heights. *Asia and Africa today*. № 11. Pp. 28–25. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750001783-3

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Васильев Алексей Михайлович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, почетный президент Института Африки РАН; зав. кафедрой африканистики и арабистики РУДН; главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня», Москва, Россия.

Alexey M. Vasiliev, member, Russian Academy of Sciences, Dr.Sc. (History), Professor; Honorary President, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Chair, Department of African and Arab Studies, RUDN University; Editor-in-Chief, "Asia and Africa today" journal, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 03.01.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 07.02.2023

Принята к публикации
(Accepted) 05.03.2023

DOI: 10.31857/S032150750025001-3

Порты Тайваня – ключевая инфраструктура или интеграционный механизм воссоединения?

© Семенова Н.К.^a, 2023

^a Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7872-8972; semenovanelli-2011@mail.ru

Резюме. Тайвань, провинция Китая, имеет уникальный опыт развития – за короткое время благодаря индустриализации он прошел путь от обычных развивающихся экономик на обочине цивилизации до развитой современной экономики. Более 95% импорта и экспорта Тайваня приходится на морские перевозки, которые являются не только основной транспортной опорой тайваньской внешней торговли, но и важным звеном в глобальных операциях и стратегиях глобального развертывания тайваньских предприятий. С появлением новых серьезных региональных конкурентов Тайвань, хотя и утратил свои позиции в портовой отрасли, продолжает оставаться одной из ведущих экономик мира. Материковый Китай был и остается основным экспортным рынком Тайваня. Учитывая, что более 40% экспорта Тайваня и более 20% его импорта приходится на торговлю через пролив с материковым Китаем, экономические связи с Китаем играют значительную роль в экономике Тайваня.

Ключевые слова: Тайвань, КНР, портовая динамика, «взаимодействие через пролив»

Для цитирования: Семенова Н.К. Порты Тайваня – ключевая инфраструктура или интеграционный механизм воссоединения? *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 3. С. 21–29. DOI: 10.31857/S032150750025001-3

Ports of Taiwan: Key Infrastructure or Integration Mechanism of Reunification?

© Nelli K. Semenova^a, 2023

^a Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7872-8972; semenovanelli-2011@mail.ru

Abstract. Taiwan (a province of China) has a unique development experience – in a short time, thanks to industrialization, it has gone from ordinary developing economies on the margins of civilization to a developed modern economy. More than 95% of Taiwan's import and export trade relies on maritime transportation, which is not only the main transport pillar of Taiwan's foreign trade, but also an important link in the global operations and global deployment strategies of Taiwanese enterprises. With the emergence of new serious regional competitors, Taiwan, although it has lost its position in the port industry, continues to be one of the world's leading economies. East Asian port competition creates a strong incentive for the modernization, expansion and decarbonization of ports in Taiwan Province. Mainland China has been and remains Taiwan's main export market. Given that more than 40% of Taiwan's exports and more than 20% of its imports come from cross-strait trade with mainland China, economic ties with China play a significant role in Taiwan's economy. Political differences between the island and the mainland directly affect the economic situation between the two sides of the strait.

Keywords: Taiwan, China, port dynamics, “cross-strait interaction”

For citation: Semenova N.K. Ports of Taiwan: Key Infrastructure or Integration Mechanism of Reunification? *Asia and Africa today*. 2023. № 3. Pp. 21–29. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750025001-3

ВВЕДЕНИЕ

Тайвань является важным перевалочным пунктом для азиатско-тихоокеанских маршрутов глобальной системы судоходства. Уникальное географическое положение этой провинции КНР (далее Тайвань), сделало его транзитным центром для дальних и ближних морских перевозок в Восточной Азии (ВА). В связи с недавним экономическим подъемом Китая и Юго-Восточной Азии, а также развитием торговой системы Большой Восточной Азии конкуренция между азиатскими портами возросла. Природные преимущества и постоянно повышающаяся эффективность тайваньских портов стали важным

фактором портовой конкуренции в Азиатско-Тихоокеанской экономике. Провинция Тайвань и связанные с ней острова находятся к юго-востоку от материкового Китая и отделяются от него 160-километровым Тайваньским проливом.

Экономика Тайваня имеет уникальный опыт развития – за несколько десятилетий, благодаря индустриализации, которая успешно осуществляется на протяжении последних 3 десятилетий, провинция прошла путь от обычных развивающихся экономик на обочине цивилизации до развитой современной экономики. Согласно экспертной оценке, к основным факторам этого успеха можно отнести: выгодное экономико-географическое положение¹; нахождение у власти авторитарных режимов, что в течение длительного времени обеспечивало наиболее эффективное управление имеющимися ограниченными ресурсами [1, pp. 25–29]; долгосрочная протекционистская политика², активное привлечение иностранных инвестиций на протяжении многих лет при низких затратах на оплату труда [2, pp. 821–829]; сотрудничество с США во время холодной войны как с самой платежеспособной державой³; ориентация на развитие высокотехнологичных производств, в основном электроники, пластмасс и полимеров [3, pp. 29–33]; активное развитие экономических отношений с континентальным Китаем⁴.

Более 95% импортной и экспортной торговли Тайваня зависит от морских перевозок, которые являются не только основной транспортной опорой внешней торговли Тайваня, но и важным звеном в глобальных операциях и стратегиях мирового размещения тайваньских предприятий. Вследствие этого основной объем производства в судоходстве обеспечивается морской отраслью Тайваня. Учитывая, что более 40% экспорта и более 20% импорта Тайваня приходится на торговлю с континентальным Китаем «через пролив», экономические связи с КНР играют существенную роль в экономике провинции Тайвань.

ТАЙВАНЬ В РЕЙТИНГАХ МИРОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ МОРСКИХ ПЕРЕВОЗОК

Тайвань – один из четырех т.н. «азиатских тигров», новых индустриальных стран первой волны; по итогам 2021 г. (см. табл. 1) он находился на 7-м месте в портовом рейтинге Восточноазиатской портовой системы (ВАПС) по контейнерообороту. Согласно сообщению швейцарского *Международного института развития менеджмента (IMD)*, в июне 2022 г. экономика Тайваня по индексу конкурентоспособности занимала 7-е место в мире и 3-е – в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР)⁵.

В Восточноазиатской портовой системе наблюдается наибольшая активность в мире. Из 12 экономик-участниц рейтинга ВАПС (см. табл. 1) десять входят в списки лидеров по различным показателям морских перевозок.

Географические преимущества и строение береговых линий государств ВА обусловило наличие в регионе высокой портовой концентрации, порождающей серьезную конкуренцию между портами ВАПС, что способствует повышению эффективности работы портов. Конкуренция в региональной судоходной отрасли также влияет на развитие портов – под её давлением они вынуждены принимать всё более крупные суда, что стимулирует инвестиционную мотивацию для модернизации терминалов.

С появлением новых серьезных региональных конкурентов Тайвань хотя несколько утратил свои позиции в портовой отрасли, но продолжает оставаться одной из ведущих мировых экономик (19-е место в мире в 2020 г.)⁶ и входит в состав форвардов морской судоходной и портовой индустрии, что подтверждается мировыми отраслевыми рейтингами. А именно: Тайвань занимает 2-е место в рейтинге (2021) экономик по количеству прибытий судов в порты и среднему времени пребывания в порту⁷, 5-е – по глобальному индексу (2021) эффективности контейнерных портов (*CPPI*) (порт Гао-

¹ Митрофанова И.Б., Лиознер В.Л. Этапы политико-экономического развития Тайваня. *География и экология в школе XXI века*. 2019, № 8, с. 47–51.

² Мозиас П.М. Тайвань, экономические итоги президентства Чэнь Шуйбяня. *Общество и государство в Китае*. 2009. Т. 39. № 1, с. 181–205.

³ Набока А.В. Политика США в отношении Тайваня в конце 60-х годов XIX века. *Общество и государство в Китае*. 2012. Т. 42, № 2, с. 252–255.

⁴ Тайвань на рубеже веков: новые условия и новые вызовы. Отв. ред. Карнеев А.Н. М.: ИСАА МГУ, 2001. 346 с.

⁵ <https://www.bworldonline.com/top-stories/2022/06/15/455047/phl-competitiveness-ranking-improves/> (accessed 13.01.2023)

⁶ Согласно статистике МВФ, ВВП Тайваня в 2021 г. составил \$0,79 трлн с годовым темпом роста 6,45%. (In Chin.). <https://www.fintechgo.com.tw/FinDiary/Article/5216198913846> (accessed 13.01.2023)

⁷ Maritime transport. <http://stats.unctad.org/maritime> (accessed 29.01.2023)

сюн)⁸, 7-е – в рейтинге (2022) крупнейших контейнерных морских линий мира⁹, 11-е – в рейтинге (2021) экономик-лидеров по индексу обслуживания линейного судоходства¹⁰, 12-е – в рейтинге (2021) долей крупнейших экономик-судовладельцев мирового флота по грузоподъемности¹¹, 15-е место – в рейтинге (2021) крупнейших экономик-судовладельцев по стоимости торгового флота¹².

Таблица 1. Показатели пропускной способности и коэффициенты прироста пропускной способности портов экономик ВАПС 2000–2020 гг. (млн TEU*)

Table 1. Throughput indicators and throughput growth rates of ports in UAPS economies 2000–2020 (mln TEUs)

№	Экономика	2000 г.	2010 г.	2020 г.	Коэффициент роста, 2020/2000 (%)	Коэффициент роста, 2020/2010 (%)
1.	КНР	41,00	131,99	245,10	498	86
2.	Сингапур	17,10	29,15	36,87	116	26
3.	Республика Корея	9,03	18,52	28,43	215	53
4.	Малайзия	4,64	16,84	26,66	475	58
5.	Япония	13,10	18,97	21,39	63	13
6.	Гонконг (САР КНР)	18,10	23,60	17,33	–4	–27
7.	Тайвань (провинция КНР)	10,51	12,50	М,59	39	17
8.	Индонезия	3,80	9,01	14,03	269	56
9.	Вьетнам	1,19	5,89	12,42	944	111
10.	Таиланд	3,18	6,82	10,21	221	50
11.	Филиппины	3,03	5,59	7,51	148	34
12.	Камбоджа	0,25	0,29	0,76	205	167
13.	КНДР	–	–	–	–	–

Примечание: * Двадцатифутовый эквивалент (Twenty-foot equivalent unit, TEU) – условная единица измерения вместимости грузовых транспортных средств; «–» – данные отсутствуют.

Данные округлены.

Составлено и рассчитано по: <https://www.mardep.gov.hk/hk/fact/pdf/2000.Pdf> (In Chin.); <https://data.worldbank.org/indicator/IS.SHP.GOOD.TU?end=2020&start=2000&view=chart> (In Chin.); https://www.mardep.gov.hk/en/fact/pdf/portstat_pamphlet05.pdf (In Chin.); <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#> (accessed 13.01.2023); [5].

ТАЙВАНЬСКАЯ ПОРТОВАЯ СЕТЬ. МЕЖДУ МОДЕРНИЗАЦИЕЙ И СТАГНАЦИЕЙ

На Тайване работают 7 крупных международных торговых портов¹³, которые, в соответствии с положениями Закона о торговых портах¹⁴, управляются *Taiwan International Ports Corporation, Ltd.* (TIPC). В их числе: Килунг (Цзилун), Тайбэй, Суао, Тайчжун, Гаосюн, Аньпин и Хуалянь. А также 4 внутренних торговых порта, в их числе: Будай, Пэнху, Кинмэнь (Цзиньмэнь) и Мацу.

Об уровне тайваньских портов говорит тот факт, что в 2020 г. два из них – Гаосюн и Тайчжун – вошли в Топ-100 лучших портов мира, заняв соответственно 16-е и 95-е место в рейтинге по версии

⁸ Container Port Performance Index. <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/66e3aa5c3be4647add01845ce353992-0190062022/original/Container-Port-Performance-Index-2021.pdf> (accessed 29.01.2023)

⁹ Alphaliner TOP 100 / 20 Apr 2022. <https://alphaliner.axsmarine.com/PublicTop100/> (accessed 29.01.2023)

¹⁰ <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/dimView.aspx> (accessed 29.01.2023)

¹¹ <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=80100> (accessed 29.01.2023)

¹² Clarksons Research. Shipping Review and Outlook, Spring 2021. <https://www.crsi.com/acatalog/shipping-review-and-outlook.html> (accessed 29.01.2023)

¹³ Всего на Тайване 13 портов, включая внутренние, вспомогательные и островные (прим. авт.).

¹⁴ April 28th, 110. The database of national laws and regulations was established by the Ministry of Law. (In Chin.). <https://law.moj.gov.tw/LawClass/LawAll.aspx?pcode=K0080001> (accessed 13.01.2023)

*Lloyd's List Intelligence*¹⁵. В 2021 г. порт Гаосюн на одну позицию улучшил свой рейтинг, порт Тайчжун выбыл из рейтинга Топ-100.

Контейнерные перевозки на Тайване осуществляют четыре крупнейших порта: Гаосюн (9,864 млн TEU в 2021 г.), Тайбэй (2,009 млн), Тайчжун (1,979 млн), и Килунг (1,601 млн TEU) (см. табл. 2).

Таблица 2. Контейнерооборот международных торговых портов Тайваня (провинции Китая) (млн TEU)
Table 2. Container turnover of international trade ports of Taiwan (Province of China) (mln TEUs)

	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Гаосюн	9,781	9,937	10,593	10,264	10,465	10,271	10,455	10,428	9,622	9,864
Тайбэй	1,097	1,029	1,258	1,335	1,477	1,562	1,660	1,620	1,618	2,009
Тайчжун	1,395	1,467	1,514	1,447	1,535	1,661	1,744	1,794	1,821	1,979
Килунг	1,607	1,613	1,685	1,445	1,388	1,418	1,471	1,455	1,532	1,601
Другие	...	...	...	...	0,001	...	...	...	...	...
Всего:	13,881	14,046	15,05	14,491	14,866	14,911	15,321	15,298	14,593	15,445

Примечание: данные округлены.

Составлено по: file:///C:/Users/Asus/Downloads/ (In Chin.); <https://www.twport.com.tw/chinese/Form.aspx?n=36053A4FF190A925> (In Chin.); <https://kh.twport.com.tw/chinese/Form.aspx?n=360DAF4A64D2A4B0> (In Chin.); <https://tc.twport.com.tw/chinese/Form.aspx?n=825B8C624F143C3B> (In Chin.) (accessed 15.01.2023)

Контейнерооборот портов Тайваня по итогам 2021 г. стал рекордным за десятилетие, при этом среднегодовая динамика показателей по контейнерообороту с 2012 г. составила 1,13%, что указывает на стагнацию в развитии контейнерного сегмента тайваньских портов¹⁶. Основной причиной этого явления можно назвать усиление портовой конкуренции в Восточной Азии. Нельзя также сбрасывать со счетов влияние торговой войны США против Китая, несмотря на обособленное от КНР портовое хозяйство Тайваня.

Совокупный грузооборот тайваньских портов составил 245,898 млн т (228,42 млн т в 2020 г.)¹⁷, показав прирост 7,7% к предыдущему году, при этом обработка внешнеторговых грузов выросла на 6,6% к 2020 г. (см. табл. 3).

Таблица 3. Грузооборот международных торговых портов Тайваня в 2012–2021 гг. (млн т)
Table 3. Throughput of Taiwan International Trade Ports 2012–2021 (mln t)

Порт	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Гаосюн	123,756	115,034	122,951	110,902	116,621	116,071	118,798	114,025	108,549	120,121
Тайчжун	64,191	70,084	72,305	73,633	75,459	75,348	74,062	69,591	70,883	73,248
Тайбэй	15,205	17,514	18,997	18,776	20,744	23,123	18,735	17,234	17,890	20,733
Килунг	22,188	21,436	21,613	19,367	17,224	17,464	17,282	15,391	16,191	16,587
Хуалянь	10,693	13,069	13,389	12,016	9,689	8,666	8,741	8,834	9,150	9,013
Суао	4,717	4,928	5,002	4,890	4,848	4,192	4,702	4,250	4,174	4,383
Аньпин	1,167	1,401	1,224	1,097	1,438	1,620	1,469	1,520	1,579	1,813
Всего:	238,916	243,466	255,481	240,681	246,023	246,484	243,788	230,845	228,417	245,898

Составлено по: file:///C:/Users/Asus/Downloads/10年統計年報.pdf (In Chin.); <https://kl.twport.com.tw/su/Form.aspx?n=67CEBD8D706A0424> (In Chin.); <https://kl.twport.com.tw/tp/Form.aspx> (In Chin.); <https://kl.twport.com.tw/chinese/Form.aspx> (In Chin.) (accessed 16.01.2023)

¹⁵ Lloyd's List One Hundred Ports 2021. <https://lloydslist.maritimeintelligence.informa.com/-/media/lloyds-list/images/top-100-ports-2021/top-100-ports-2021-digital-edition.pdf> (accessed 14.01.2023)

¹⁶ 臺灣港務公司. Taiwan Port Corporation. (In Chin.). <https://www.twport.com.tw/en/Form.aspx> (accessed 18.01.2023)

¹⁷ 109 Years of the Republic of China Statistical Annual Report on Seaports. (In Chin.). file:///C:/Users/Asus/Downloads/109年統計年報.pdf (accessed 14.01.2023)

Динамика грузооборота портов Тайваня также имеет признаки стагнации – за период 2012–2021 гг. среднегодовой прирост составил только 0,29%, наивысший показатель по грузообороту (255,48 млн т) наблюдался в 2014 г. Лидирующие порты Гаосюн и Килунг завершили десятилетие с отрицательной динамикой: -2,94% и -25,24% соответственно. Порты Тайчжун и Тайбэй улучшили свои показатели по грузообороту в этот период соответственно на 14,11% и 36,36% (см. табл. 3).

В 2021 г. международные тайваньские порты приняли 76,586 тыс. судов (76,055 тыс. в 2020 г.)¹⁸, рост показателя составил менее 0,7%. Число тайваньских морских пассажиров составило 2320,89 тыс. чел. (4283,15 тыс. – в 2020 г., 15040,76 тыс. – в 2019 г.)¹⁹, снизившись по сравнению с 2019 г. почти в 6,5 раза. Причиной столь значительного снижения пассажирооборота стали, в первую очередь, карантинные мероприятия в связи с *COVID-19* и закрытие пассажирских перевозок через Тайваньский пролив, а также осложнение политической ситуации между берегами Тайваньского пролива под влиянием торговой войны США и КНР.

Указанные причины в меньшей степени оказали влияние на торговую деятельность портов на Тайване. Совокупный объем погрузки и разгрузки контейнеров в международных коммерческих портах на Тайване составил 15,46 млн *TEU*, что на 5,9% превысило показатели 2020 г., и это позволило восстановить допандемийную динамику (см. табл. 2).

Все тайваньские порты, кроме порта Хуалянь, находятся на территориях специальных экономических зон (СЭЗ), которые являются важнейшим инструментом интенсификации экспорта²⁰. С точки зрения административного управления порты провинции не входят в портовые группы континентального Китая, но экономически они тесно связаны с ними.

КИТАЙ – ТАЙВАНЬ: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ УСПЕХИ. КТО РАБОТАЕТ НА РАЗРЫВ?

Взаимоотношения между континентальным Китаем и провинцией Тайвань, т.н. «отношения между двумя берегами (Тайваньского – *прим. авт.*) пролива»²¹, имеют важное значение для экономики Тайваня, т.к. после проведения детального разделения труда в отрасли по обе стороны пролива они работают в непрерывной трудноразделимой цепочке поставок. Материковый Китай был и остается основным экспортным рынком Тайваня.

Действующая система сообщения между двумя сторонами Тайваньского пролива именуется «большие три звена» (三通) – прямое сообщение для почты, бизнеса и навигации – и «малые три звена» (小三通) – трехсторонняя модель связи берегов Тайваньского пролива для мелкомасштабной торговли, навигации и перевозки пассажиров между провинцией Фуцзянь (КНР) и уездами Цзиньмэнь и Ляньцзян (о. Тайвань). С момента открытия прямых морских пассажирских и грузовых рейсов были сэкономлены время и затраты на обмены через пролив, укрепились экономические и торговые связи, увеличилось число туристических поездок между двумя сторонами, а объем пассажирских и грузовых перевозок ежегодно до 2019 г. показывал тенденцию к росту. Это заложило важную основу для взаимовыгодного сотрудничества и взаимной выгоды для обеих сторон пролива.

Напомним, что в 1949 г. по политическим и военным причинам обе стороны Тайваньского пролива прервали сообщение. В 1979 г. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей материкового Китая в «Послании к соотечественникам на Тайване» [6] предложил, чтобы обе стороны пролива немедленно «связались между собой в торговле, почте и воздушной навигации» – «Три звена» (三通). В 1987 г. руководство Тайваня дало разрешение тайваньцам ездить в континентальный Китай для осмотра достопримечательностей и с семейными визитами. В то время еще не было официального транспортного сообщения между двумя сторонами Тайваньского пролива, и тайваньские пассажиры должны были ехать в материковый Китай транзитом через британский Гонконг. С 1988 г., с развитием не прямой торговли через пролив, тайваньские торговые суда опосредованно, заходя в третьи

¹⁸ 臺灣地區國際商港進出港船舶. Ships entering and leaving Taiwan's international commercial ports. (In Chin.). <https://twport.com.tw/chinese/Form.aspx> (accessed 15.01.2023)

¹⁹ <https://www.twport.com.tw/chinese/Form.aspx> (accessed 16.01.2023)

²⁰ Free Trade Zones. <https://investtaiwan.nat.gov.tw/showPageeng248?lang=eng&search=248> (accessed 16.01.2023)

²¹ В задаче данной статьи не входит исследование исторических фактов и политических причинно-следственных связей возникновения взаимоотношений «между двумя сторонами (Тайваньского. – *Н.С.*) пролива». Эта тема достаточно широко представлена в отечественной и зарубежной библиографии.

порты, перевозили торговые грузы между двумя берегами пролива. Материк предоставил тайваньским судам преференциальный режим и последовательно разрешал тайваньским судоходным компаниям создавать собственные и совместные предприятия и судоходные представительства на материке, что повысило конкурентоспособность судоходных компаний по обе стороны пролива на рынке международных перевозок [7].

В апреле 1997 г. было запущено пилотное прямое судоходство из Фучжоу и Сямыня в порт Гаосюн на Тайване, что положило конец 48-летней истории, когда коммерческие суда через Тайваньский пролив не могли плавать напрямую, но должны были проходить через третий порт. 4 ноября 1997 г. Фонд обменов в проливах (*Straits Exchange Foundation*, Тайвань) и Ассоциация по связям через Тайваньский пролив (*Association for Relations Across the Taiwan Straits*, КНР) подписали «Соглашение о судоходстве через пролив»²². Прямое морское судоходство через пролив началось 15 декабря 1997 г. С 1998 г. торговые и грузовые суда, пересекающие пролив, проходили через третьи порты (остров Исиаки в Японии, порт Мокпо в Южной Корее, порт Гонконг в КНР и т.д.) для обмена заказами без смены судов.

В 2001 г. были открыты морские пассажирские и грузовые маршруты между островами Цзиньмэнь, Мацу (Тайвань) и прибрежными районами провинции Фуцзянь (КНР) – т.н. «три малых звена»²³. Морской маршрут «Три малых звена» – самый удобный канал для путешествий между двумя берегами пролива. Прямое морское, воздушное и почтовое сообщение между двумя сторонами пролива было полностью запущено 15 декабря 2008 г., ознаменовав наступление эпохи «трех связей» через пролив.

В настоящее время через 13 портов на Тайване и 55 морских и 17 речных портов на континенте осуществляется прямое судоходное сообщение через Тайваньский пролив, что способствует экономии времени от 16 до 27 часов на каждом рейсе и средств – более 1,2 млрд юаней в год²⁴.

В 2020 г. в общей сложности в тайваньских портах было обработано 22,98 тыс. входящих и исходящих судов «через пролив», при этом на международные и внутренние коммерческие порты приходилось около 80% и 20% соответственно. С 2012 по 2019 г. двусторонний пассажиропоток «через пролив» увеличился с 1,67 млн до 2,28 млн чел., из которых на долю порта Гаосюн приходилось около 90%. По сообщениям тайваньских СМИ, наивысший показатель пассажиропотока через пролив наблюдался в 2013 г., когда число туристов с материка достигло 2,87 млн, число тайваньских соотечественников, отправлявшихся на материк достигло 3,07 млн чел.²⁵ Пострадавшие от эпидемии *COVID-19* пассажирские перевозки через пролив сократились до 130 тыс. пассажиров, а в 2021 г. они были полностью приостановлены.

В 2020 г. объем погрузки и разгрузки контейнеров при прямых перевозках через пролив составил 2,566 млн *TEU*, из которых на порт Гаосюн приходилось около 50% от общего объема. В 2021 г. контейнерооборот составил 2,414 млн *TEU*, снизившись по сравнению с предыдущим годом на 5,9%. Динамика морских контейнерных перевозок международными торговыми портами Тайваня через Тайваньский пролив за период 2012–2021 гг. была неравномерной, без стойкой тенденции к увеличению. Позитивная динамика наблюдалась в 2012–2016 гг., когда рост контейнерооборота составил 18,8%²⁶.

В 2021 г. объем прямых морских перевозок между двумя берегами пролива составил 52,4 млн т, что превышает показатель предыдущего года на 0,8%. Объем наливных грузов, жидких химикатов и сжиженного газа составил 16,9 млн т, 4,41 млн т и 660 тыс. т, что на 4%, 3,4% и 14,1% больше, чем в 2020 г., соответственно²⁷.

Грузовые перевозки «континент-остров» на Тайване в основном базируются на международных торговых портах, объем обработки грузов в 2021 г. составил рекордный за десятилетие показатель – 168,1 млн фрахтовых т, превысив показатель 2020 г. на 57,37%. Такой существенный рост, по нашему мнению, обусловлен общемировым ростом стоимости фрахта в связи с общей мировой турбулентной

²² 海峽航運協定. 全國法規資料庫. Strait Shipping Agreement. National Regulatory Database. (In Chin.). <https://law.moj.gov.tw/LawClass/LawAll.aspx?pcode=Q0070012> (accessed 18.01.2023)

²³ <http://news.sina.com.cn/c/2008-11-04/174216587161.shtml> (accessed 19.01.2023)

²⁴ 109 Years of the Republic of China Statistical Annual Report on Seaports...

²⁵ In 2013, the number of tourists visiting Taiwan was the most from the mainland, and Taiwan compatriots went abroad the most to the mainland. (In Chin.). <https://www.mfa.gov.cn/ce/ceus/chn/zt/twzt/t1129425.htm> (accessed 21.01.2023)

²⁶ 中華民國 109 年 航港統計年報. 109 Years of the Republic of China Statistical Annual Report on Seaports...

²⁷ The development of the waterway transportation market in 2021 and the market outlook in 2022. (In Chin.). http://www.gov.cn/xinwen/2022-03/17/content_5679521.htm (accessed 23.01.2023)

ситуацией (связанной с пандемией), осложняющей международную морскую торговлю, и сложившейся в связи с этим ситуацией в портах (нехватка контейнеров, заторы, происшествие в Суэцком канале и т.п.)²⁸. Исследование динамики фрахта прямых перевозок через пролив международными торговыми портами Тайваня в 2012–2021 гг. демонстрирует, что за этот период показатель развивался неравномерно: в 2012–2014 гг. – устойчивый рост с 95,497 млн фрахтовых т до 111,056 млн, затем в 2015–2018 гг. – тенденции к снижению и в 2019 г. по уже указанным причинам – резкое снижение до уровня 2013 г. Среднегодовой рост показателя составил 7,6% за десятилетие с учетом экстраординарного скачка в 2021 г. (см. табл. 4).

Таблица 4. Объем прямых перевозок грузов через пролив международными торговыми портами Тайваня (провинции Китая) в 2012–2021 гг. (млн т)

Table 4. The volume of direct cargo transportation across the Strait by the international trade ports of Taiwan (Province of China) in 2012–2021 (Mt)

	Порт	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Международные коммерческие порты	Гаосюн	46,040	48,858	52,720	51,938	51,792	50,166	50,518	45,646	44,233	...
	Тайчжун	18,160	19,905	21,202	20,856	22,173	20,503	21,502	23,406	26,500	...
	Кнлунг	20,859	21,331	22,793	23,312	22,860	23,111	23,188	22,623	23,795	...
	Тайбэй	7,675	10,060	11,781	12,455	12,685	10,421	10,325	9,057	10,642	...
	Суао	0,481	0,322	0,443	0,391	0,228	0,235	0,295	0,247	0,269	...
	Хуалянь	0,205	0,391	0,421	0,388	0,214	0,165	0,140	0,149	0,180	...
	Аньпин	0,084	0,102	0,089	0,069	0,044	0,050	0,143	0,111	0,082	...
	Подитог:	93,505	100,969	109,500	109,439	109,997	104,653	106,111	101,239	105,702	...
Внутренние ком- мерческие порты	Пенху	—	—	—	—	—	—	—	—	—	...
	Будай	1,982	1,682	1,606	1,285	1,249	1,256	1,676	1,546	1,112	...
	Мацу	0,990	1,159	1,128	0,792	0,719	0,855	1,007	1,128	0,783	...
	Кинмэнь	0,509	0,414	0,355	0,385	0,449	0,307	0,309	0,293	0,273	...
	Подитог:	0,483	0,109	0,123	0,107	0,081	0,094	0,360	0,125	0,056	...
Итого:		95,487	102,651	111,056	110,724	111,246	105,909	107,787	102,785	106,815	168,100

Примечания: «...» – данные не опубликованы; «–» – порт не принимает участия в перевозках грузов через Тайваньский пролив. Данные округлены.

Составлено по: file:///C:/Users/Asus/Downloads/109年統計年報.pdf (In Chin.); http://www.gov.cn/xinwen/2022-03/17/content_5679521.htm (In Chin.) (accessed 20.01.2023)

За 10 лет объем торговли «через пролив» удвоился: в 2011 г. он составил \$160,03 млрд, в 2021 г. увеличился до \$328,34 млрд. В 2020 г. тайваньский экспорт в КНР (включая Гонконг) достиг \$136,74 млрд, что составляет 43,8% (23,7% в 1999 г., 40,9% в 2007 г.) от общего объема экспорта провинции²⁹.

Согласно статистике Главного таможенного управления КНР³⁰, в 2021 г. материковый импорт из Тайваня составил \$249,98 млрд, т.е. увеличился в годовом исчислении на 24,7%, материковый экспорт на Тайвань составил \$78,36 млрд (+30,4% к 2020 г.). Положительное сальдо торгового баланса с материком в 2021 г. достигло \$104,74 млрд, а экспорт Тайваня на материк (включая Гонконг) достиг 42,3% от общего объема экспорта Тайваня; импорт из материковой части – 22,1% всего импорта Тайваня³¹.

²⁸ Мингазов С. Блокировка Суэцкого канала обходится в \$400 млн в час для мировой торговли. <https://www.forbes.ru/news-room/biznes/424583-blokirovka-sueцкого-kanala-obhoditsya-v-400-mln-v-chas-dlya-mirovoy-torgovli> (accessed 23.01.2023)

²⁹ 台湾出口中国占比攀升 引爆经济彼此依赖或“脱钩”辩论. Rising proportion of Taiwan's exports to China triggers debate on economic interdependence or “decoupling”. (In Chin.). <https://www.bbc.com/zhongwen/simp/chinese-news-55587490> (accessed 24.01.2023)

³⁰ 中华人民共和国海关总署. General Administration of Customs of the PRC. (In Chin.). <http://www.customs.gov.cn/> (accessed 24.01.2023)

³¹ 中華民國財政部. Ministry of Finance of the Republic of China. (In Chin.). www.mof.gov.tw (accessed 24.01.2023)

В 2021 г. объем прямых морских перевозок между двумя берегами Тайваньского пролива составил 52,4 млн т, что на 0,8% больше, чем в 2020 г. Объем наливных грузов, жидких химикатов и сжиженного газа составил 16,9 млн т, 4,41 млн т и 660 тыс. т соответственно (что на 4%, 3,4% и 14,1% больше, чем в предыдущем году). Объем контейнеров составил 2,414 млн TEU, увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 1,9% (вес груза снизился на 2,1% по сравнению с предыдущим годом).

Приведенная выше статистика подтверждает тезис о серьезной экономической зависимости Тайваня от континентального Китая. Детальное разделение труда в портовой отрасли, проведенное по обе стороны пролива, взаимоувязывает непрерывную и неразрывную цепочку поставок. Перенастройка этой системы «на разрыв», провоцируемая США, подводит экономику Тайваня к краю пропасти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В связи с продолжающейся сложной международной политической и внешней экономической обстановкой, ухудшением отношений между двумя сторонами пролива развитие экономических и торговых отношений острова и материка в ближайшие годы имеет большую степень неопределенности. Политические разногласия Пекина и Тайбэя влияют не только на тайваньскую и китайскую (материковую) экономическую ситуацию, но и на уровень региональной безопасности в Восточной Азии, включая дальнейший раскол между КНР и США, подтягивание к «тайваньскому вопросу» американских союзников – Японии и Южной Кореи, укрепление российско-китайского военно-стратегического взаимодействия в Южно-Китайском море. Сохранение статус-кво пока остается единственным верным решением для поддержания стабильных взаимовыгодных торговых отношений.

После провокационных действий западных стран в августе 2022 г. [8] и с учетом усиления антикитайской повестки на тайваньском направлении американской администрации и республиканской нижней палаты Конгресса в текущем 2023 г. высока вероятность серьезных потрясений и для портовой отрасли и в целом для экономики провинции.

Ответ Китая на несогласованные визиты официальных лиц США на Тайвань будет глубоким и далеко идущим. Подтверждение этому – крупномасштабные военные учения КНР в зоне острова. При продолжении эскалации в регионе Пекин может ввести частичное или полное оцепление этой зоны до стабилизации ситуации. Совершенно очевидно, что в 2023–2024 гг. порты Тайваня (провинции КНР) будут серьезно ограничены в своей деятельности и в краткосрочной перспективе, вероятно, существенно снизят свои рекордные показатели, наблюдавшиеся в 2021 г. Состояние стратегической напряженности в Тайваньском проливе может существенно отразиться на работе портов в дельте Жемчужной реки (КНР), близлежащих портовых шлюзовых регионах. Учитывая высокую долю региона ВА в мировой морской торговле, последствия будут заметны и на общемировом уровне.

Ситуация в Тайваньском проливе в 2023 г. может оказать влияние не только на региональный уровень портовой активности, но и на всю судоходную отрасль мира. Будет ли этот эффект кратковременным, или последствия распространятся и на среднесрочную перспективу, будет зависеть от скорости решения возникшей напряженности. Определенно можно констатировать, что руководство КНР заинтересовано в скорейшем и мирном решении спровоцированной Западом ситуации для поддержки соотечественников на Тайване.

Торгово-экономическая интеграция острова и материка перешла в новое качество – военно-политическое балансирование на грани войны и мира, выйдя за рамки китайско-тайваньского диалога в формат противостояния великих держав – Китая и США. Предложенный Пекином проект мирного возвращения острова в «лоно Родины» по вине Вашингтона плавно, но неотвратно эволюционирует в сторону хаотизации Восточной Азии, появления на базе тайваньского фактора нового восточноазиатского фронта. В этом случае торговые, интеграционные и иные экономические приоритеты китайско-тайваньской кооперации неизбежно уступят место военно-политическим, включая и возможность появления глобальной конфликтной дуги от Украины до Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Буров В.Г. Тайвань вчера и сегодня. *Азия и Африка сегодня*. 2009. № 12. С. 25–29.
Burov V.G. 2009. Taiwan yesterday and today. *Asia and Africa today*. № 12. Pp. 25–29. (In Russ.)

2. Курьянова Е.Н. Тайвань в политике США. *Инновации. Наука. Образование*. 2020, № 15, с. 821–829.
Kuryanova E.N. 2020. Taiwan in US politics. *Innovation. The science. Education*. № 15, pp. 821–829. (In Russ.)
3. Степанова А.П. Современное экономическое развитие новых индустриальных стран (на примере стран Азии – Тайвань, Республика Корея, Сингапур, Малайзия, Таиланд). *Валютное регулирование. Валютный контроль*. 2019, № 12, с. 29–33.
Stepanova A.P. 2019. Modern economic development of new industrial countries (on the example of Asian countries – Taiwan, the Republic of Korea, Singapore, Malaysia, Thailand). *Currency regulation. Currency control*. № 12, pp. 29–33. (In Russ.)
4. Турицын И.В., Рау И. Тайвань во внешнеполитической стратегии КНР: исторические условия возникновения и трудности решения проблемы. *Современная научная мысль*. 2019, № 2, с. 116–144.
Turitsin I.V., Rau I. 2019. Taiwan in the Foreign Policy Strategy of the People's Republic of China: Historical Conditions for the Emergence and Difficulties in Solving the Problem. *Modern scientific thought*. № 2, pp. 116–144. (In Russ.)
5. Wang Baixun. 2014. The Rise of International Shipping in East Asia. *Ritsumeikan International Affairs*. Vol. 12, pp. 135–166.
- 6.全国人大常委会《告台湾同胞书》(1979年1月1日)
The Standing Committee of the National People's Congress "Message to Compatriots in Taiwan" (January 1, 1979). (In Chin.). http://www.gov.cn/test/2006-02/28/content_213298.htm (accessed 17.01.2023)
- 7.邱雅莉. 兩岸直航海運航線營運變化分析
Qiu Yali. Analysis of Operational Changes of Cross-Strait Direct Shipping Lines. (In Chin.). file:///C:/Users/Asus/Downloads/兩岸直航海運航線營運變化分析.pdf (accessed 17.01.2023)
8. 杨丹旭: 佩洛西访台的赢家与输
Yang Danxu: Winners and losers of Pelosi's visit to Taiwan. (In Chin.). <https://www.zaobao.com.sg/news/china/story/20220810-1301433> (accessed 25.01.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Семенова Нелли Кимовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Отдел экономических исследований, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Nelli K. Semenova, PhD (Political Science), Senior Researcher, Department of Economic Research, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 14.01.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 21.02.2023

Принята к публикации
(Accepted) 17.03.2023

Iran's Membership in the Shanghai Cooperation Organization. A SWOT Analysis

© Gabriel Joel P. Honrada^{a,b}, Daniyal Ranjbar^{a,c}, 2023

^a People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia

^b ORCID: 0000-0001-6810-2650; honradagabriel@gmail.com

^c ORCID: 0000-0002-1619-3383; danicalranjbar@gmail.com

Abstract. On 17 September 2021, the Shanghai Cooperation Organization (SCO) approved Iran's complete membership application 15 years after obtaining observer status in 2005. Iran is slated to receive full SCO membership in April 2023, marking its first move to join a significant regional organization since the 1979 Islamic Revolution.

Iran's future membership in the SCO brings many opportunities and challenges, which can affect its future growth and direction. This study focuses on Iran's membership application to the SCO from 2005 to 2021 and analyzes the opportunities and challenges that Iran's membership can bring to the organization. It uses a SWOT analysis of Iran's diplomatic, information, military, and economic instruments of national power as it has used them in its application. Through this analysis, the study shows that overcoming sanctions is the primary driver of Iran's push to join the SCO, and its instruments of national power are sufficient to contribute to security cooperation within the SCO's framework.

However, Iran's membership may complicate SCO decision-making processes and fuel additional Western pressure on the SCO as an anti-Western alliance. It remains to be seen if Iran's membership will be a game-changer for the SCO in achieving its goals. Ultimately, as the SCO matures as an organization, it gives the impression that the Western-led international order is one of many viable frameworks for the international order. With its disadvantaged position in the Western-led international order, Iran may seek to play a more prominent role in shaping an alternative where it can protect and forward its interests.

Keywords: SCO, Iran, sanctions, regional organization, challenges, opportunities

For citation: Honrada G.J.P., Ranjbar D. (Iran). Iran's Membership in the Shanghai Cooperation Organization. A SWOT analysis. *Asia and Africa today*. 2023. № 3. Pp. 30–36. DOI: 10.31857/S032150750021972-1

INTRODUCTION

Regional power ambitions and the desire to counteract Western sanctions are the driving forces for Iran to join the Shanghai Cooperation Organization (SCO). The SCO initially held an ambivalent view toward Iran's membership. However, Russia and China, the leading players within the SCO, noted that Iran's membership could bring benefits and risks to the organization. This ambivalence can be traced to four main reasons (see: [1]).

First, Iran's membership in the SCO is a loss for the US and the West because it defeats the latter's attempts to isolate Iran and limit its regional and international influence.

Second, SCO members have limited shared strategic interests. For example, the Eastern Mediterranean has long been a focus of Iranian foreign policy. In contrast, Russia has only been recently involved in the region, starting with its intervention in the Syrian Civil War. This situation requires longstanding shared interests and coordination mechanisms between Russia and Iran in the region.

Third, SCO members have different positions regarding Iran's membership. Russia has supported Iran's membership, while China has taken a more conservative view. Central Asian countries, notably Tajikistan, have opposed Iran's membership.

Fourth, SCO membership legitimizes the Iranian government's policies to domestic and international audiences through the former's emphasis on sovereignty, non-intervention in internal affairs, and consultation.

In addition, Supreme Leader Ayatollah Khamenei mandated the Raisi government to reinforce relations with non-Western countries such as China, India, and Russia, emphasizing the improvement of strategic relations with these countries to advance Iran's economy [2]. Iran expects membership in the SCO to give it access to alternative markets, facilitate energy cooperation, and increase its strategic importance and indispensability by turning it into a bridge between Russia, Central Asia, and India.

METHODOLOGY

The study examines the dynamics of Iran's engagement with the SCO from June 2005 to September 2021. The rationale for the lower limit of this study is that, in June 2005, Iran acquired observer status in the SCO. Accordingly, the study's upper limit of September 2021 was determined by the SCO Council of Heads of State that year, wherein the organization granted Iran membership effective in April 2023.

It uses neorealism as its theoretical framework in framing Iran-SCO relations. Neorealism is based on the premise that states exist within an anarchic international system and that states aim to achieve relative power against other states, positing that the characteristics of the international system explain state behavior, not human nature [3]. Iran's reaction to international sanctions and pressure on its nuclear program shows neorealism through the Western use of sanctions to change Iran's regime policy.

The study also examines how Iran uses diplomatic, information, military, and economic national power instruments to pursue SCO membership. In addition, the study uses SWOT analysis to assess the direction and challenges Iran faces in its full SCO membership.

DISCUSSION

Through SCO membership, Iran aims to break international isolation, participate in regional security mechanisms addressing security concerns in Afghanistan, and legitimize its government policies to domestic and international audiences.

In 2005, Iran obtained SCO observer status, the first step in its membership process. During the SCO summit in 2006, Iranian President Mahmoud Ahmadinejad underscored the security role of the SCO in Iran's interests, stating: "We want this organization to develop into a powerful body influential in regional and international politics, economics and trade, serving to block threats and unlawful strong-arm interference from various countries"¹. Iran sought full SCO membership in 2008, only for the SCO to reject its application due to UN Security Council sanctions. Despite this, Iran renewed its attempts at obtaining SCO membership, only to be rejected in 2010, as the SCO drew up a set of regulations barring countries under UN sanctions from membership [4].

The SCO again rejected Iran's membership application in 2016 and 2017 due to strained relations with Tajikistan. In 2015, Iran invited Islamic Revival Party (IRPT) leader Muhiddin Kabiri to attend the International Islamic Unity Conference in Tehran, a group that Tajikistan banned in 2016 after accusing it of complicity in a failed coup [5]. Despite this, Tajikistan and Iran have set aside ideological disputes in favor of practical cooperation. For instance, in April 2021, Tajikistan and Iran signed a defense cooperation agreement that could facilitate further defense cooperation between them. This agreement helps alleviate the pressure of US sanctions against Iran and gives Tajikistan access to the Persian Gulf via Iran's territory².

US views on Iran harmed the SCO's perception of the latter. For instance, China's policy of peaceful coexistence with the US has caused it to have reservations about Iran's SCO membership, with the view that Iran's membership might cause the organization to be perceived as an anti-US bloc. As a result, China waited for improved relations between the US and Iran. However, this delay was noticed and interpreted as a gap between China and Russia, which supports Iran's membership [6].

The international situation has changed in Iran's favor in recent years. US-China relations were marked by a decline in the past few years, with issues such as the Hong Kong protests, human rights in Xinjiang, the international status of Taiwan, and the ongoing trade war being friction points. Given the situation, China finds strengthening relations with Iran an excellent choice to maintain a favorable balance of power and contain US influence. In addition, Iran's strategic location connecting East and West plays a vital role in China's Belt and Road Initiative (BRI), which has become possible with the recent signing of a 25-year strategic cooperation agreement in March 2021 [7].

During the presidency of Hassan Rouhani from 2013 to 2021, Iran showed little enthusiasm for SCO membership. The Rouhani Administration sought to improve relations with the West, as negotiations with the US

¹ Iran urges Central Asian bloc to counter West. *CBS News*. 15.06.2006. <https://www.cbc.ca/news/world/iran-urges-central-asian-bloc-to-counter-west-1.569790> (accessed 24.08.2022)

² Tajikistan ends cold war with Iran as it seeks new trade, security partners. *Eurasianet*. 03.06.2022. <https://eurasianet.org/tajikistan-ends-cold-war-with-iran-as-it-seeks-new-trade-security-partners> (accessed 29.08.2022)

over Iran's nuclear program and the idea of large-scale investments from Europe exceeded what other international projects had to offer [8]. This pessimism was reflected in the 2017 SCO Summit, wherein Iranian Foreign Minister Mohammad Javad Zarif, instead of President Rouhani, participated, indicating a weak desire to obtain membership. Also, in his 2020 SCO Summit speech, President Rouhani did not raise the issue of Iran's membership.

There are doubts about whether SCO membership benefits Iran in the long term and if China and Russia see any opportunities with Iran's SCO membership. Moreover, although China and Russia have expressed disapproval of the Trump Administration's withdrawal from talks over Iran's nuclear program, they did not perform any actions to alleviate the effects of sanctions on Iran's economy. Thus, the incumbent Raisi Administration in Iran, which was elected with low voter participation, needs to win the support of people who are not optimistic about the SCO's two major players.

ANALYSIS

It is necessary to analyze Iran's strengths, weaknesses, opportunities, and threats in its diplomacy, intelligence, military, and economic instruments of national power to understand the opportunities and challenges it can bring to the SCO with its membership.

a. Diplomacy (SWOT)

Although the SCO is not a military alliance, it is impossible to discuss international relations without military alliances which foreground the process of multilateral cooperation and power balancing between states, and cautions against allowing military buildups and empowerment threatening the sovereignty and security of other political actors [9]. One of Iran's readily visible diplomatic strengths with the SCO is its solid diplomatic ties with lead SCO members China and Russia. Iran and the SCO share the same guiding norms and values, such as emphasis on sovereignty, non-interference in international affairs, and an implicit distrust of Western-led security arrangements and alliances. One of the foundations of the SCO is standing up against US hegemony, which makes the organization especially attractive to Iran. With Iran's Eastern-oriented foreign policy that emphasizes respectable and balanced interaction with countries and broad communications with its neighbors, the SCO and Iran can find common ground³.

Iran's influence over the "Shia Crescent" stretching from Yemen, Syria, Lebanon, and Iran can provide the SCO with new markets. Moreover, Iran's long-term strategic goal of creating a land path to the Mediterranean complements China's BRI. It provides the SCO economic, diplomatic, and security opportunities in the Middle East. China understands that Iran plays a critical geopolitical role in its BRI, connecting Western Europe to China via Iran, Central Asia, and the Persian Gulf. Moreover, Iran's SCO membership will facilitate diplomatic negotiations to address regional security.

Despite these diplomatic strengths, Iran has substantial weaknesses which can affect the SCO. First, political sanctions against Iran limit its diplomatic abilities to engage other countries. Most political sanctions against Iran were imposed after the 1979 Islamic Revolution and became more severe after the discovery of Iran's alleged nuclear weapons program in the 1990s and 2000s.

Nevertheless, Iran's membership in the SCO opens opportunities to institutionalize and expand the Shanghai Spirit in the Middle East, the guiding vision of the organization, which is based on the principles of mutual trust, mutual benefit, equal rights, consultations, respect for the diversity of cultures, aspiration towards joint development, non-alignment, non-confrontation, and openness⁴.

However, Iran's full SCO membership poses long-term challenges to the organization. Iran's full SCO membership can put other members under secondary Western sanctions due to their interactions with Iran. While China and Russia can manage Western sanctions, Central Asian states may be reluctant to engage Iran within the SCO framework, impacting how the organization functions. However, it should be noted that China and Russia are trying to mitigate the effects of Western pressure within the organization and assuage the concerns of other members.

³ Iran's permanent membership in the SCO has accelerated after 15 years/ Regional economic and political development. *Borna News*. 31.08.2022. <https://www.borna.news/fa/tiny/news-1371296> (accessed 02.09.2022)

⁴ What is the SCO? *Shanghai Cooperation Organization*. <http://eng.sectsc.org/docs/about/faq.html> (accessed 02.09.2022)

Also, Iran's membership may complicate SCO decision-making processes. Each SCO member has interests and different views of the organization, viewing Iran according to their agendas. For example, China views the SCO as a regional organization primarily concerned with securing its economic agenda and views Iran's membership as helpful in this area. In contrast, Russia views the SCO as a counterweight to Western ideology and NATO and views Iran as helpful in achieving this objective. Central Asian states view the SCO as a balance between China and Russia and are reluctant to bring Iran as a full member, as shown by Tajikistan.

b. Intelligence

Iran's strong intelligence agencies can count as one of its strengths in joining the SCO, contributing to SCO intelligence sharing and practical cooperation for counterterrorism. Iran's primary intelligence agencies are the Iranian Revolutionary Guard Corps (IRGC) and the Ministry of Intelligence and Security (MOIS), which act in concert with each other.

The Iranian Revolutionary Guard Corps – Quds Force (IRGC-QF) is Iran's elite foreign intervention arm, active in eight global operational directories conducting covert operations, intelligence gathering, and anything that requires plausible deniability for Iran [10]. In contrast to the IRGC-QF, the MOIS has an internal security focus, emphasizing infiltrating political opposition groups, monitoring international and domestic dissidents, counter-intelligence, countering conspiracies, and liaising with foreign intelligence agencies⁵.

Another of Iran's intelligence strengths is its extensive information operations capabilities, which aim to influence the public sphere. Iran's information operations capabilities address the SCO's concerns about interference of external powers in domestic affairs, which aim to instigate so-called "color revolutions" and subvert legitimate state authority. Iran's digital influence operations are a continuation of its public diplomacy, presenting a consistent message to various international audiences to tell Iran's side of the story, just as any Western government broadcaster may do.

However, one weakness of Iran in the information sphere is that international perceptions of it as a rogue player have resulted in low trust towards its official state information channels, forcing it to rely on clandestine means in social media to influence public opinion [11]. Also, sanctions make it difficult for Iranians to access outside information and force the Iranian tech community to confine their operations within Iran, where the Iranian government can easily monitor them [12].

Iran's membership in the SCO is an opportunity to deepen cybersecurity cooperation within the organization. Russia and Iran signed a cybersecurity cooperation agreement in January 2021, citing the significance of growing problems in cyberspace and their impact on contemporary international relations. The agreement details broad cybersecurity cooperation between the two countries, including coordination of actions, technology exchange, and training of specialists while balancing security and human rights to create a secure information environment.⁶ In addition to cybersecurity cooperation with Russia, Iran has been cooperating with China to create its National Internet Network (NIN), set up 5G networks, and strengthen scientific, legal, and economic cooperation within cyberspace [13].

A long-term threat that Iran's information sphere faces is that external perceptions of Iran as a rogue state and of the SCO as an emerging anti-NATO alliance may dissuade other regional organizations from pursuing cooperation. This situation may hinder the growth of the SCO as a regional or even global organization. For example, the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) has taken a rather lukewarm approach to the SCO, with only Cambodia having observer status in the latter organization, despite signing a Memorandum of Understanding in 2005 to deepen security and economic cooperation.

c. Military

Iran's military power is one of the strengths that it could contribute to the SCO. Iran is ranked 14 out of 142 countries, with its military strength comparable to Egypt, Germany, and Indonesia⁷. It has the 8th largest army

⁵ Iran's Ministry of Intelligence and Security: A Profile. *Federal Research Division*. 01.12.2021. <https://irp.fas.org/world/iran/mois-loc.pdf> (accessed 30.08.2022)

⁶ МИД раскрыл детали соглашения Ирана и России об информационной безопасности. *Известия*. 26.01.2021. <https://iz.ru/1116475/2021-01-26/mid-raskryl-detali-soglasheniia-irana-i-rossii-ob-informatcionnoi-bezopasnosti> (accessed 31.08.2022)

The Ministry of Foreign Affairs revealed the details of the agreement between Iran and Russia on information security. *Izvestia*. 26.01.2021. (In Russ.). <https://iz.ru/1116475/2021-01-26/mid-raskryl-detali-soglasheniia-irana-i-rossii-ob-informatcionnoi-bezopasnosti> (accessed 31.08.2022)

⁷ Iran Military Strength. *Global Firepower Index 2022*. 04.09.2022. https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.php?country_id=iran (accessed 07.09.2022)

in the world based on total numbers of active personnel, with 523,000 active-duty forces, and 350,000 reserves, with its active forces consisting of 350,000 in the regular army and 150,000 in the IRCG [14].

The SCO could benefit from Iran's extensive counterterrorism experience in the Middle East and counter-narcotics experience in Afghanistan. The IRCG has played a critical role in counterterrorism efforts against ISIS and other UN-designated terrorist groups such as Al-Qaeda, Al Nusra Front, and other state-supported terrorist groups, assisting at the request of affected countries in the Middle East⁸. Iran has also played a significant role in global counter-narcotics efforts, as 90% of opium, 70% of morphine and 20% of heroin have been intercepted by Iran from neighboring Afghanistan, making Iran the world's largest interceptor of narcotics⁹.

Iran also hosts military exercises with key SCO members China and Russia, with its membership in the organization opening the possibility that these exercises be elevated and expanded at the organizational level. For example, in 2019, China, Iran, and Russia held a four-day naval exercise in the Gulf of Oman to improve the security of international maritime trade and information exchange regarding rescue operations and operational and tactical experience [15]. Also, in January 2022, China, Iran, and Russia held the Marine Security Belt naval exercises in the Indian Ocean, marking growing cooperation between the three countries¹⁰.

However, Western sanctions since 1979 have hobbled Iran's military modernization efforts. Much of Iran's equipment dates to the 1970s, most of which was acquired before the Islamic Revolution. Among Iran's military capabilities seriously impacted by Western sanctions are combat aviation and expeditionary capabilities, with these handicaps on Iran limiting its capabilities to project conventional military power beyond its borders [16].

Despite these weaknesses, Iran's strong domestic defense industry can provide opportunities to strengthen the SCO's capabilities against non-traditional security challenges. For example, Iran's drone program can be an enabler for smaller SCO members such as Tajikistan to have an industrial base and, at the same time, improve the intelligence, surveillance, and reconnaissance (ISR) capabilities against terrorist and drug threats [17].

However, Iran's membership in the SCO may reinforce Western perceptions of the organization as an anti-NATO alliance, despite the SCO being more than a security organization. By increasing pressure on Iran and imposing sanctions on Russia, the West is creating a self-fulfilling prophecy through its actions.

d. Economics

One of Iran's strengths in the economic sphere comes from its strategic location that can help the SCO, particularly landlocked Central Asian members such as Tajikistan and Uzbekistan, have secured and easier access to South and West Asia via the International North-South Transport Corridor (INSTC) which Iran is a part. The multi-modal INSTC connects Iran's southern Chabahar port to the Caspian Sea and Turkmenistan's ports to Uzbekistan, which neighbors Tajikistan.

Further, the Caspian Sea connects Turkey and Europe through the West of Azerbaijan, while from the south to Chabahar, it opens markets in the Middle East, Africa, and India. Moreover, an additional rail line leads from Iran's part of INSTC (International North-South Transport Corridor) to the Afghan border, with plans to extend east across Afghanistan to Kabul, where it will intersect with the Trans-Afghan rail line from Uzbekistan to the north and run southeast across Afghanistan to Pakistan, where it connects to Pakistan's road and rail network and eventually to its Karachi and Gwadar ports¹¹.

However, the weak side of Iran's economic cooperation with the SCO stems from international sanctions and pressure. Therefore, Iran needs to address these issues to gain economically from its SCO membership. Despite that, the Iranian government believes that its membership in SCO can help the country bypass these sanctions and achieve a new level of economic cooperation. However, the fact remains that sanctions and international pressures limit and stagnate Iran's economy.

⁸ Permanent Mission of the Islamic Republic of Iran to the United Nations. 20.09.2020. https://www.un.org/en/ga/sixth/76/int_terrorism/iran_e.pdf (accessed 07.09.2022)

⁹ Iran spearheads global campaign against narcotics. *Mehr News*. 30.06.2022. <https://en.mehrnews.com/news/188580/Iran-spearheads-global-campaign-against-narcotics> (accessed 09.09.2022)

¹⁰ Trilateral naval drills between China, Russia and Iran start on Friday. *Reuters*. 20.01.2022. <https://www.reuters.com/world/russia-china-iran-hold-joint-naval-drill-friday-isna-2022-01-20/> (accessed 07.09.2022)

¹¹ The works of membership of Tehran in Shanghai: Central Asia's view of Iranian Ports. *Tawhid Verstan*. 02.09.2022. tahlilbaazar.com/x3txY (accessed 13.09.2022)

Sanctions notwithstanding, Iran's SCO membership is an opportunity for the organization and its members to bypass geographic limits to access other markets. It is difficult for Central Asian countries to access new southern and western markets without Iran as a link between East and West. Iran's absence would also interfere with China's BRI plans to build east-west land across Central Asia, linking China to the Black Sea and the Middle East. Therefore, Iran's strategic position along China's BRI is vital to achieving the latter's goals. Iran's economic role, strategic position, key transportation routes, and critical port infrastructure can be effective assets to pursue these opportunities.

However, Iran faces long-term threats connected to Western pressure and sanctions in its economic participation in the SCO. Iran's failure to join the Financial Action Task Force (FATF) is a significant obstacle that seriously challenges Iran's participation in the SCO. Also, Iran can only partially count on economic cooperation within the SCO framework, as some of its members have conflicting interests, such as China, India, and Pakistan. Thus, Iran's economic benefits in its full SCO membership are closely tied to lifting sanctions. If Iran's economic linkages to the world remain severed, the SCO could only do so much to make up for this fallout.

CONCLUSION

Iran's journey to becoming a full SCO member was arduous. Different Iranian governments from 2005 put a high priority on this membership process. However, other aspects made this process harder for Iran. SCO members have different perceptions of Iran's membership during its application process. These perceptions range from supportive, as in the case of Russia, reluctant for Tajikistan and Uzbekistan, and ambiguous for China. In addition, the different diplomatic reactions of successive Iranian governments, from President Ahmadinejad, Rouhani, and Raisi, to international sanctions and pressure further complicated its membership process. However, the emerging multipolar international order and Iran's diplomatic, information, military, and economic improvements eased the difficulties of Iran's SCO membership application.

However, it remains to be seen if Iran's membership will be a game-changer for the SCO in achieving its goals. Although the SCO is nowhere near entities such as the G7, EU, or NATO, it is an organization that has exhibited strong strategic independence in its decision-making processes. For one, it has put China front and center as the de facto head of the organization, presenting an alternative to Western-backed international organizations. Even India, which enjoys good relations with the West, sees value in the SCO as an alternative to the Western-led international order wherein it can play a leading role. Ultimately, as the SCO matures as an organization, it gives the impression that the Western-led international order is one of many viable frameworks for the international order.

With its disadvantaged position in the Western-led international order, Iran may seek to play a more prominent role in shaping an alternative where it can protect and forward its interests.

REFERENCES

1. Yousefy M., Mohammad H., Alvand M.S. Iran & SCO: Hegemony & Counter-Hegemony. *Ensani*. 2008. <http://ensani.ir/file/download/article/20110101122016-50.pdf> (accessed 23.08.2022)
2. Eftekhari F. Why Is Iran So Keen on Joining the SCO? *The Diplomat*. 07.09.2021. <https://thediplomat.com/2021/09/why-is-iran-so-keen-on-joining-the-sco/> (accessed 23.07.2022)
3. Antunes S., Camisã I. 2017. International Relations Theory. *E-International Relations*. Bristol. Pp. 16–17.
4. Nabipour P. 2021. Iran's membership in the Shanghai Cooperation Organization (SCO) Economic, Trade and Political Affairs. *National Interest*. Issue VI. Songkla. P. 18. <https://sc01.tci-thaijo.org/index.php/NIT/article/view/240166>
5. Aslani A. Why isn't Iran a full member of the SCO? *CGTN Live*. 11.10.2018. https://news.cgtn.com/news/3d3d774d786b7a4e7a457a6333566d54/share_p.html (accessed 24.08.2022)
6. Noi A. Iran and the Shanghai Cooperation Organization: Is it Possible for Iran to Become Full Member of the Shanghai Cooperation Organization Under Pressure of Nuclear Issue? *Perceptions: Journal of International Affairs*. Issue III. Ankara. P. 101. <https://www.jstor.org/stable/41950520>
7. Yuan J. Iran on the go with SCO. *East Asia Forum*. 21.11.2021. <https://www.eastasiaforum.org/2021/11/13/iran-on-the-go-with-the-sco/> (accessed 29.08.2022)
8. Smagin N. Iran in the SCO: a Forced "Look East" Strategy and an Alternative World Order. *Russian International Affairs Council*. 21.10.2021. <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/iran-in-the-sco-a-forced-look-east-strategy-and-an-alternative-world-order/> (accessed 29.08.2022)

9. Бокерия С.А. Взаимосвязь глобальной и региональной систем безопасности (на примере ООН, ОДКБ и ШОС). *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2019. Т. 14, № 1, с. 21–28. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-02.
Bokeria S.A. 2019. The Interconnection of Global and Regional Security Systems: The Case of the United Nations, Collective Security Treaty Organization, and Shanghai Cooperation Organization. *Vestnik of International Organizations, Education, Science, and New Economy*. Vol. 14, № 1, pp. 21–28. Moscow. (In Russ.). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-02.
10. Hollings A. What exactly is Iran's shadowy Quds Force? We are the Mighty. 21.08.2021. <https://www.wearethemighty.com/popular/irans-shadowy-quds-force/> (accessed 30.08.2022)
11. Brooking E., Kianpour S. Guerrilla broadcasting for the twenty-first century. Atlantic Council. 11.02.2020. <https://atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/report/iranian-digital-influence-efforts-guerrilla-broadcasting-for-the-twenty-first-century/> (accessed 30.08.2022)
12. Berger M. Sanctions and censorship are making the Internet in Iran less accessible, analysts say. *The Washington Post*. 13.01.2022. <https://www.washingtonpost.com/world/2022/01/13/iran-tech-sanctions-internet-access/> (accessed 31.08.2022)
13. Esfandiari G. Iran to Work with China to Create National Internet System. *Radio Free Europe*. 04.09.2022. <https://www.rferl.org/a/iran-china-national-internet-system-censorship/30820857.html> (accessed 31.08.2022)
14. Stavljanin D., Baumgartner P. Persian Might: How Strong Is Iran's Military? *Radio Free Europe*. 09.01.2022. <https://www.rferl.org/a/persian-might-a-look-at-tehran-s-military-capability-amid-the-u-s--iranian-conflict/30368967.html> (accessed 07.09.2022)
15. Wescott B., Alkhshali H. Russia and Iran hold joint naval drills in Gulf of Oman. *CNN*. 27.12.2019. <https://edition.cnn.com/2019/12/27/asia/china-russia-iran-military-drills-intl-hnk/index.html> (accessed 07.09.2022)
16. Lamrani O. Iran's Conventional Military Capabilities. New Lines Institute for Strategy and Policy. 09.07.2020. <https://newlinesinstitute.org/iran/irans-conventional-military-capabilities/> (accessed 07.09.2022)
17. Honrada G. Iran unveils new drone factory in Tajikistan. *Asia Times*. 20.05.2022. <https://asiatimes.com/2022/05/iran-unveils-new-drone-factory-in-tajikistan/> (accessed 07.09.2022)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gabriel Joel P. Honrada, Post-graduate student, Assistant Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russia.

Габриэль Хонрада, аспирант, ассистент кафедры теории и истории международных отношений, РУДН, Москва, Россия.

Daniyal Ranjbar, Post-graduate student, Assistant Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University Moscow, Russia.

Даниал Ранджбар, аспирант, ассистент кафедры теории и истории международных отношений, РУДН, Москва, Россия.

Поступила в редакцию
(Received) 29.09.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 21.01.2023

Принята к публикации
(Accepted) 19.02.2023

Исламизация и шафранизация образования: угроза диалогу цивилизаций?

© Фурсов К.А.^а, 2023

^а Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-6756-0166; kfursov@iaas.msu.ru

Резюме. Подъем местных культур в афро-азиатском мире с конца XX в. стал реакцией на глобализацию, а подъем религиозного фактора – реакцией на неэффективность светского национализма. Во многих странах исламского мира происходит ползучая исламизация общественной жизни, а в Индии – её шафранизация (индуизация). Одна из наиболее затронутых этими процессами сфер – образование.

На материале Турции, Египта, Саудовской Аравии, Иордании, Пакистана, Индонезии, Малайзии показан ход переформатирования исламистами учебных программ гуманитарных дисциплин. На материале Индии то же показано в отношении приверженцев индуистского национализма – хиндутвы. Главное внимание уделено процессу демонтажа светского государства в Турции, Пакистане и Индии в XXI в. на примере системы образования.

Размывание принципа лаицизма, поиски идентичности через образ врага и индоктринация молодежи в духе нетерпимости затрудняют способность обществ к диалогу. Это повышает риски конфликтов между этноконфессиональными общностями как внутри государств, так и между государствами.

Ключевые слова: образование, религиозный радикализм, исламизм, исламизация, хиндутва, шафранизация, секуляризм, диалог цивилизаций

Для цитирования: Фурсов К.А. Исламизация и шафранизация образования: угроза диалогу цивилизаций? *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 3. С. 37–45. DOI: 10.31857/S032150750024998-9

The Islamization and Saffronization of Education: A Threat to the Dialogue of Civilizations?

© Kirill A. Fursov^a, 2023

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-6756-0166; kfursov@iaas.msu.ru

Abstract. The article analyzes the contemporary processes of creeping Islamization of the education sphere in Islamic countries and its saffronization (Hinduization) in India. The prerequisites have been the rise of local cultures in Asia and Africa since the late XX century as a reaction to globalization and particularly the rise of the religious factor as an answer to the inefficiency of secular nationalism.

Using the material of Turkey, Egypt, Saudi Arabia, Jordan, Pakistan, Indonesia, and Malaysia, the author shows how Islamists redesign humanities curricula for their own purposes. Using the Indian material, the same is shown regarding the adherents of Hindu nationalism, i.e., Hindutva. Main attention is paid to the process of the dismantling the secular state in Turkey, Pakistan and India in the XXI century as exemplified by the education system.

The fading of the laicism principle, the search for an identity through the image of an enemy, and the indoctrination of the youth in the spirit of intolerance hamper the capacity of societies for dialogue. It increases the risks of conflicts between ethnoreligious communities both within and between states.

Keywords: education, religious radicalism, Islamism, Islamization, Hindutva, saffronization, secularism, dialogue of civilizations

For citation: Kirill A. Fursov. The Islamization and Saffronization of Education: A Threat to the Dialogue of Civilizations? *Asia and Africa Today*. 2023. № 3. Pp. 37–45. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024998-9

ВВЕДЕНИЕ

Во многих странах исламского мира сегодня происходит ползучая исламизация, а в Индии, соответственно, шафранизация¹ (индуизация) общественной жизни, включая сферу государства. Идут эти процессы в русле широкой тенденции к индигенизации, т.е. подъему западных форм культурной иден-

¹ Шафрановый, оранжевый, цвет – священный цвет индуизма (прим. авт.).

тичности. (Термин принадлежит британскому японоведу Роналду Дору, а популяризирован С.Хантингтоном.) Возник этот подъем как ответ на глобализацию, которая ведет к стиранию цивилизационного разнообразия. Важная роль религиозного фактора в индигенизации – реакция на неэффективность светского национализма, который в XX в. показал неуспешность в решении социально-экономических и иных проблем Востока.

Исламизация и шафранизация ведут к размыванию секуляризма. Конечно, исторически для цивилизаций Востока характерна невычлененность религии из общественного бытия, но устоявшиеся в большинстве стран социально-политические структуры всё же ограничивают влияние религиозных норм, в том числе ради мира в условиях конфессиональной пестроты. Хотя практически все религии учат человеколюбию, если любая из них начинает определять весь образ жизни, повышается риск усиления крайних взглядов, не допускающих инакомыслия.

Названные процессы направлены как снизу, так и сверху. С одной стороны, во всём следовать Корану или «Манусмрити»² призывают неправительственные организации вроде «Братьев-мусульман» (араб. – «Аль-Ихван аль-муслимун») в Египте или «Союза национальных добровольцев» (хинди – «Раштрия сваямсевак сангх», РСС) в Индии. В условиях социально-экономической поляризации и разбалансировки мирового порядка общества находятся в поисках самоидентичности. Средство утвердить её подчас видят в строгом следовании вере. Но при этом возникает соблазн жить по принципу «Кто не с нами, тот против нас».

С другой стороны, эти тенденции кое-где учитываются государствами и правящими партиями. В одних странах, как Египет, начиная с президента Анвара ас-Садата (1970–81), или Пакистан – с президента Мухаммада Зия-уль-Хака (1978–88), они стремятся перехватить инициативу. Например, в Египте неожиданный успех «Братьев-мусульман» на парламентских выборах 2005 г. (20%) показал, что идеологические различия между ними и правительством были не столь велики [1]. В других странах, таких как Турция при Р.Т.Эрдогане (в должности премьер-министра, затем президента возглавляет страну с 2003 г.), Египет в президентство Мухаммада Мурси (2012–13) или Индия при Нарендре Моди (премьер-министр с 2014 г.), партии с достаточно радикальными взглядами сами пришли к власти.

Одна из сфер, которые затронуты исламизацией и шафранизацией в наибольшей степени, – образование: радикалы стремятся получить мощный инструмент распространения своих взглядов.

ИСЛАМИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ТУРЦИИ

Яркий пример наступления исламистов на систему образования – Турция. Хотя Эрдоган отрицает исламистскую направленность идеологии своей Партии справедливости и развития (ПСР), учебные программы в стране приобретают всё более религиозный характер [2]. Исламизацию образования ощутило подтолкнули две реформы.

Во-первых, в 2012 г. меджлис (парламент) принял поправки к Закону о национальном образовании, вернув сети религиозных школ имам-хатип (подготовки имамов и проповедников) право давать среднее образование. Благодаря политике ПСР с 2003/04 по 2015/16 уч.гг. число этих школ выросло почти в 7 раз – с 452 до 3110 [3]. Достигнуто это во многом за счет перепрофилирования светских школ. На школы имам-хатип (где учатся старшеклассники 14–18 лет) приходится всего 11% учеников страны, но при этом 23% государственных расходов на среднюю школу [4]. Эти заведения правящая партия рассматривает как места формирования людей, которых итальянский неомарксист Антонио Грамши (1891–1937) называл «органическими интеллектуалами» [5], а сама ПСР именует «благочестивым поколением».

Во-вторых, в 2016 г. меджлис, невзирая на студенческие протесты по всей Турции с требованием гарантировать современное светское образование, основал Вакф просвещения³. По сути, было создано второе министерство образования с правом учреждать образовательные институты любого уровня, обучать и отбирать лояльных властям учителей и преподавателей. Членство попечительского совета Вакфа просвещения продумано так, чтобы ПСР сохраняла над ним контроль даже в случае перестановок в

² Одна из древнеиндийских дхармашастр, сборник правовых норм на санскрите (прим. авт.).

³ Вакф, согласно шариату, – имущество, переданное какому-либо лицу или учреждению на религиозные или благотворительные нужды (прим. авт.).

правительстве [6, pp. 218–219]. В исламизме ПСР видит одно из орудий усиления популярности внутри страны и повышения влияния Турции в мусульманском мире.

В вузовских программах сокращена доля философии; как доходчиво объясняют противники этой меры, сделано это, чтобы притупить критическое мышление и способность к политической мобилизации. В школьных учебниках ведущая фигура – более не первый президент республики (1923–38) Мустафа Кемаль, а Эрдоган. Кстати, хотя Кемаль тоже правил автократическими методами, двумя из «шести стрел» кемализма всё-таки были провозглашены народность и республиканизм. Исламизация же идет рука об руку с продвижением принципа вождизма. Вообще, социальная инженерия призвана через систему образования убрать из общественного сознания определенные идеи, события, деятелей и заменить их удобными власти. Дошло до того, что в духе инициатив проправительственного Профсоюза работников образования и науки из школьной программы изъят курс «Дарвин и теория эволюции».

В довершение всего в сферу воспитания и образования в Турции постоянно вмешивается государственный орган Диянет – Управление религиозных дел. Так, он одобрил чтение духовных курсов в общежитиях государственных университетов, а также учредил «коранические детские сады». Диянет был основан еще в 1924 г. согласно конституции молодой республики и задуман как инструмент полного контроля государства над религиозной сферой (отдаленный аналог Святейшего синода Российской империи). Сегодня же, когда турецкое государство оказалось – законным путем – в руках исламистов, оставшийся им в наследство от кемалистов Диянет из органа секуляризации превратился в орган десекуляризации. «Правительство Турецкой Республики, заявленная идеология которой провозглашает одним из главных столпов лаицизм⁴, парадоксальным образом захватило больше власти над религиозными делами, чем когда-либо имели султаны-халифы Османской империи» [6, p. 209].

САЛАФИЙЯ В АРАБСКОЙ ШКОЛЕ

Турецкая ПСР идейно уходит корнями в старейшую радикальную организацию исламского мира. Это египетские «Братья-мусульмане» – основанная в 1928 г. организация салафитской направленности, фундаменталисты, стоящие за возврат к идеалам эпохи пророка и четырех праведных халифов (VII в.). При попустительстве президентов Анвара ас-Садата и Хосни Мубарака «Братья-мусульмане» еще с 1970-х гг. не только создали собственную сеть частных школ, но и просочились в министерство образования Египта, где участвовали в выработке учебных программ и влияли на назначения [7]. С 2013 г., после «революции 30 июня», пришедшее к власти руководство вооруженных сил нанесло влиянию исламистов ряд ощутимых ударов.

Недавно даже власти Саудовской Аравии приняли меры против расползания образования в духе «Братьев-мусульман»: изымали книги из программ, переводили учителей на непедagogическую работу. На первый взгляд, это странно: ведь ваххабиты – тоже салафиты. Но египетская версия салафийи пугает приверженцев версии ваххабитской (принятой в Саудовской Аравии как официальная идеология), потому что трактует как отступников тех правителей, которые имеют дела с «неверными». В торговом и финансовом отношении Саудовская Аравия интегрирована в западоцентричный мир весьма тесно, не говоря о пяти базах ВВС США.

Однако и ваххабитский дух способствует нетерпимости к «неверным». Недаром из 19 террористов 11 сентября 2001 г. в США 15 были саудовцами. Более того, стремясь к образу «наимусульманнейших маликов»⁵, династия Саудов щедро жертвует на исламское образование по всему миру. На её средства в разных странах учреждено более 2 тыс. религиозных школ [8].

После терактов 2001 г. саудовские дипломаты неоднократно заверяли американскую администрацию, что их страна провела глубокую образовательную реформу, убрав из учебников высказывания, поносящие другие религии. Однако примеры школьных учебников, выпущенных уже к 2005/2006 уч.г., говорят об обратном. Так, учебник *таухида* (монотеизма) для 10 класса обличает большинство суннитов как «дурных последователей» «дурных предшественников», клеймит шиитов и суфиев как политеистов и осуждает мусульман, которые не толкуют Коран буквально. Учебники таухида, хадисоведе-

⁴ Лаицизм – принцип светского характера общественной жизни, включая государство (прим. авт.).

⁵ Проводится аналогия с термином «наихристианнейший король», как именовали монархов Франции. Арабское слово «малик» на европейские языки переводят как «король» (прим. авт.).

ния, исламской культуры, юриспруденции и коранической рецитации для 5, 8 и 11 классов наставляют учеников не дружить с неверными, не подражать им и не уважать их, а для 6 класса – не плакать на их похоронах, не молиться на их могилах и не воздвигать над ними мечетей⁶.

Три последних запрета прямо направлены против траурных обычаев шиитов, в то время как их доля в населении Саудовской Аравии составляет 10–15% [9]. В учебнике хадисоведения и исламской культуры для 12 класса не упоминается запрет ислама на принудительное обращение и, наоборот, проповедуется воинственный джихад. Встречающееся в этом контексте слово *qitāl* («битва») происходит от глагола *qatala* («убивать») и практически никогда не употребляется метафорически⁷.

Небеспристрастны и школьные учебники истории. В них ничего не говорится о территории Саудовской Аравии за пределами Наджда, а также о шиитской общине, прославляется роль первого малика Абд-уль-Азиза II (1932–53) в объединении страны и, главное, в предоставлении завоеванным племенам возможности вернуться на путь «правильной» версии ислама. Кровопролитие, сопровождавшее его войны, не упоминается. Феномены и процессы, которые господствующая идеология не одобряет, как то: насеровский Египет, панарабизм или революции в соседних странах – просто не изучаются. Под стать содержанию материалов образ их подачи. Монотонность уроков и подчас сложный для возраста учащихся язык укореняют в них пассивность, зависимость от авторитета и некритическое принятие материала. Показательно и то, что учебники предостерегают неокрепшие умы от общения с «инноваторами» (теми, кто распространяет любые новшества – *бид'а*) [10].

В соседней Иордании исламисты хотя и не правят, но добились такого влияния, что диктуют государству образовательную политику через общественное давление. В 2014 г. министерство образования выпустило учебники в духе политического ислама. Однако они подверглись критике как поддерживающие экстремизм и терроризм и в 2016 г. были заменены более взвешенными. Тогда, в свою очередь, активизировались исламисты. Они подогрели общественное недовольство, а посредством этого – в буквальном смысле – и учебники: их сжигали на школьных дворах. Министерство пошло на попятный, и изданные на 2017/2018 уч.г. книги вновь имели исламистский характер [11]. Круг замкнулся.

ИСЛАМИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В «СТРАНЕ ЧИСТЫХ»

Если в Саудовской Аравии система образования пронизана исламизмом с самого возникновения королевства, то история другого молодого государства, Пакистана, служит примером радикализации, нараставшей постепенно. Пакистан (*урду* – «страна чистых») возник в 1947 г. как светское государство с преимущественно мусульманским населением, но эволюционировал в сторону исламской республики. 80–85% населения составляют сунниты, 10–20% – шииты⁸, 1,7% – индусы⁹, 1,3% – христиане, 0,1% – приверженцы течения ахмадийя¹⁰ [12]. Между тем еще в 1980-е гг. школьные учебники гуманитарных дисциплин были переписаны так, чтобы представить монолитный образ исламской страны в суннитской версии. В 2000-е гг. в Пакистане вышел аналитический материал по учебным программам, автор которого Абдул-Хамид Найяр (р. 1945 г.) попытался выяснить, как страна заработала международную репутацию убежища исламских боевиков всех мастей.

Во-первых, в головы вбивается мысль, что настоящие граждане Пакистана – только мусульмане. Например, в учебнике английского для 6 класса (Лахор, 2002 г.) говорится: «Кто я? Я мусульманин. Я пакистанец». Во-вторых, хотя предмет *исламият* (*урду* – «исламскость») обязателен только для учеников-мусульман, он приносит 25% дополнительных баллов, что ставит немусульман в невыгодное положение. К тому же доктрины ислама внедрены в предметы, обязательные для всех (общество-

⁶ Saudi Arabia's Curriculum of Intolerance: With Excerpts from Saudi Ministry of Education Textbooks for Islamic Studies. Washington, DC: Center for Religious Freedom of Freedom House; Institute of Gulf Affairs, 2006. P. 13.

⁷ Saudi Arabia's Curriculum of Intolerance. P. 29.

⁸ Country Policy and Information Note. Pakistan: Shia Muslims. Version 3.0. London: Home Office, 2021. P. 11.

⁹ По отношению к адептам индуизма употребляется принятый в журнале термин «индус», но отмечу, что это пример искажения при переводе, т.к. слово уже является существительным во множественном числе (исходное персидское *hindū* + английский окончание -s) (прим. авт.).

¹⁰ Ахмадийя – ревайалистское движение в исламе, возникло в Пенджабе в конце XIX в.; поскольку его основатель Мирза Гулам Ахмад объявил себя *махди* (мессией) и, по сути, попытался создать синкретическую религию, далеко не все мусульмане считают ахмади единоверцами (прим. авт.).

и пакистановедение, урду и английский), а это нарушает ст. 36 Конституции о защите меньшинств. В-третьих, навязывается представление о некой «идеологии Пакистана», хотя его основатель Мухаммад Али Джинна (1876–1948) никогда о ней не говорил. Хуже того, культивируется ненависть к Индии и индусам. Так, в учебнике урду для 5 класса (Лахор, 2002 г.) утверждается: «Инду всегда был врагом ислама». В-четвертых, внушается необходимость джихада и мученичества (шахадат) [13, pp. 76–83].

Согласно убедительному выводу А. Найяра, «мейнстримное образование в Пакистане узко по интересам, эксклюзивно, сеет ненависть и не прививает ценностей универсализма, гуманизма, терпимости, объективности и критического обучения... Вопреки мнению, будто ортодоксия и воинственность исходят из религиозных семинарий, называемых мадрасами, мейнстримная образовательная система вносит вклад не меньший» [13, pp. 84–85]. В 2013 г. Национальная комиссия по справедливости и миру заключила, что количество материалов, разжигающих предвзятость или ненависть к религиозным и этническим меньшинствам Пакистана, после образовательных реформ 2006 и 2009 гг. лишь увеличилось [14].

В апреле 2022 г. за соединение религиозного образования со светским на введенную правительством Имран Хана (2018–2022) Единую национальную учебную программу обрушился с критикой видный пакистанский физик Первез Худбхай (р. 1950 г.). Систему образования своей страны он назвал худшей в мире. По словам ученого, бесконечная зубрежка молитв (предписанная в том числе при подъеме и спуске по лестнице) оставит учащимся мало времени на освоение основ предметов и развитие творческого мышления [15]. И конечно, такая политика тоже способствует подъему вождизма.

Даже в Индонезии, где ислам в силу удаленности от очага возникновения, а также влияния ранее распространенных религий всегда носил мягкий характер, исламизация образования и вообще публичного дискурса с 1970-х гг. объективно ведет к снижению градуса терпимости к другим религиям [16]. В Малайзии этот процесс осложнен этническим фактором: малайские политики используют ислам как политический инструмент, вызывая отторжение у китайской и индийской общин, на долю которых приходятся 22,8 и 6,6% населения соответственно¹¹.

Как отмечено выше, всплеск исламизации произошел вследствие неспособности светских политических режимов справиться с целым спектром проблем. Однако исламизация образования не есть простой возврат к учебным программам мадрас, в центре которых – «традиционные» религиозные дисциплины. Её называют политической попыткой поставить образование под полный контроль, при которой естественные науки и другие нерелигиозные дисциплины не отвергаются, а напротив, включаются в учебные программы с целью сделать ислам всеохватывающим каркасом, определяющим все прочие сферы знания [17]. По сути, это попытка одной цивилизации (исламской) поставить себе на службу функциональные черты другой (христианской) – эффективные государственные институты, современные формы знания – при сохранении своих субстанциональных черт.

НАТИСК ХИНДУТВЫ НА ОБРАЗОВАНИЕ

Тенденции ревайвализма набрали силу и в Индии. Процесс шафранизации идет особенно активно с 2014 г., с победы на общенациональных выборах проиндусской Бхаратия джаната парти (БДП). Позиция коммуналистов¹², а теперь во многом и государства, в том, что Индия – страна только индусов. Это центральный элемент идеологии индусского национализма – хиндутвы (*хинди* – «индусскость»).

При Моди переписаны школьные учебники истории и обществоведения: величие индусской цивилизации не только акцентируется, но и мифологизируется, а вклад адептов других конфессий принижается. Конечно, согласно последней переписи населения (2011 г.), индусы составляют 80%, но пятая часть приходится всё же на другие религиозные общины: мусульмане насчитывают 14%, христиане и сикхи – по 2%, буддисты – 1%, джайны и прочие – 1%¹³.

¹¹ Current Population Estimates, Malaysia, 2022. Department of Statistics Malaysia Official Portal. 29.07.2022. https://www.dosm.gov.my/v1/index.php?r=column/cthemByCat&cat=155&bul_id=dTZXanV6UUDyUEQ0SHNW0VhpSXNMUT09&menu_id=L0pheU43NWJwRWVSZklWdzQ4TlhUUT09 (accessed 01.11.2022)

¹² Коммунализм (англ. – communalism, «общинность») – распространенное в странах Южной Азии обозначение религиозного национализма – идейного течения, которое считает главным признаком принадлежности человека к нации религию. Существует как индусский коммунализм, так и мусульманский.

¹³ Religion Census 2011. *Census 2011*. <https://www.census2011.co.in/religion.php> (accessed 29.10.2022)

Хотя история Индостана XIII–XVIII вв. – история преимущественно мусульманских политий, в штате Махараштра в учебниках для 7 класса период Могольской империи при шахе (1556–1605) Акбаре урезали до трех строк, а в штате Уттар-Прадеш изъяли вовсе. Резко сократил его изучение и Делийский университет. Кое-где даже утверждают факты, противоположные истине. Так, в штате Раджастан в учебнике обществоведения для 10 класса сказано, будто в сражении Акбара (мусульманина) с раджпутским князем Пратапом (индусом) при Хальдигхати 1576 г. победил второй, а не первый [18, pp. 177–178].

Мощный импульс шафранизации дала Новая образовательная политика, одобренная правительством в 2020 г. и пришедшая на смену принятой в 1986 г. На уровне штатов она уже отрететирована. К примеру, в последнее правление БДП в Раджастане (2013–18) совет штата по образованию убрал из учебников истории все упоминания первого премьер-министра (1947–64), поборника секуляризма Джавахарлала Неру, зато обильно снабдил их упоминаниями основателя хиндутвы Винайка Саваркара (1883–1966) [19]. Последний, к слову, учил: «Ненависть не только разделяет, но и сплачивает» [20] (имея в виду общего врага как стимул к объединению).

Когда в 2021 г. Университетская комиссия по грантам обновила программу по истории, ряд ученых и студенческих сообществ критиковали её за предвзятость. Повышенное внимание программа уделяет ведической литературе; «не ко двору» пришлось не только мусульманские правители, но и религиозно нейтральные древние трактаты, например «Артхашастра» и «Чарака-самхита». Из списков научной литературы выкинули работы маститых историков, таких как Рам Шаран Шарма (1919–2011) и Ирфан Хабиб (р. 1931 г.), но включили менее известных авторов, в том числе с репутацией сторонников РСС [21].

Шафранизация тоже шествует рука об руку с принципом вождизма. В преподавании истории поощряется внимание к монархам в ущерб пониманию массовых процессов; проводится идея, что своим устроением индийское общество издревле обязано раджам (вариант просвещенного абсолютизма). По сути, народ приучают к мысли, что есть люди с правом решать за него.

В связи с этим понятны взгляды коммуналистов на кастовую систему. Они воспринимают её как освященный верой общественный порядок, поэтому борьбу низкастовых соотечественников за повышение статуса не поддерживают. В учебных программах растет тенденция затушевывать приниженное положение далитов (*хинди* – «угнетенный») и адиваси (*хинди* – «исконный житель»), как политкорректно именуют представителей низших каст и аборигенных племен. В Раджастане в учебниках обществоведения для 6–8 классов их положение объясняется сознательной жертвенностью в пользу высоких каст [22]. Ставя ситуацию с ног на голову, учебники пытаются создать впечатление, будто истинная проблема – не кастовая дискриминация, а политизация кастовых различий.

Славословие индийской цивилизации не знает границ. Кое-где утверждается, что иные физические законы были открыты в древней Индии. При этом ставится знак равенства между цивилизацией индийской и индусской. Когда ветеран РСС Динанатх Батра (р. 1932 г.) в 2014 г. возглавил комитет по реформе образования, он ввел в 7–12 классах по всей стране учебники нравственности, написанные им для школ Гуджарата. Начинаются они с восхваления богини Сарасвати, но Батра отрицал проявление в этом индуизации. «Каждая часть богини – символ какого-либо качества, которое должен воспитывать в себе ученик... Какой благомыслящий мусульманин не хотел бы иметь таких качеств?» (цит. по: [18, р. 177]) – софистически вопрошал он. Более того, сторонники хиндутвы настаивают, что именно они истинные секуляристы, тогда как члены ныне оппозиционной партии Индийский национальный конгресс – псевдосекуляристы, ибо одновременно ущемляют интересы индусского большинства и ищут его расположения [23].

Ирония истории в том, что индусские коммуналисты взяли на вооружение введенную британцами периодизацию индийской истории на индусскую/древнюю, мусульманскую/средневековую и британскую/современную. В этом выразилось то, как на восприятие индийцами собственной истории и культуры повлиял ориенталистский дискурс (в смысле, который вкладывал в это понятие арабо-американский литературовед Эдуард Саид, 1935–2003) [24].

Индусский период (до XIII в.) представляют как «золотой век» индийской цивилизации, конец которому положили мусульмане. Такая репрезентация не нова: она близка британским имперским историкам, целью которых было создать контраст «плохого» мусульманского правления с «хорошим» британским. Промывание мозгов дает плоды. Когда в 2018 г. американский журналист Алекс Трауб посетил школу мусульманской общины дауди бохра в Раджастане, на занятии 8 класса по обществоведению

ученицы заявили ему, что «славный» период индийской истории имел место до мусульманского правления [25].

Находят критики у шафранизации и глобальное политэкономическое измерение. По их мысли, приверженцы хиндутвы выступают союзниками транснациональных корпораций. Отмечается, что акцент на величии древней Индии и угнетении индусов мусульманами в средние века удачно вписывается в проект неолиберальной глобализации, т.к. маскирует факт эксплуатации Индии мировой системой капитализма в колониальный период – а значит, и сегодня [26].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исламизация и шафранизация образования – иллюстрации экспансии «параллельного общества». Этим термином немецкий социолог Вильгельм Хайтмайер (р. 1945 г.) обозначил исламистские группировки турецкой молодежи Германии, которые игнорируют социальную и политическую систему ФРГ [27]. Недавно группа исследователей из Москвы и Петербурга расширила понятие «параллельного общества». В их толковании оно уже вступает в конфликт со светскими правовыми и социальными нормами государства и пытается подменить их своими [28]. В свете этой концепции смотрят на мусульманскую диаспору Европы, но применима она и к афро-азиатскому миру, к наступлению религиозных экстремистов на государство западного типа.

Именно «параллельным “обществом в обществе”» [29] называют то, что удалось создать во многих районах Египта «Братьям-мусульманам». Движение ХАМАС «раздвинуло» такое общество до пределов сектора Газа, где правит с 2007 г. В том же направлении действуют и другие радикальные организации.

Пробуждается экстремизм даже в цивилизационном поле религии, которая у многих ассоциируется с терпимостью и квиетизмом, – буддизма. Так, в Мьянме организация Ма Ба Та («Ассоциация по защите нации и религии») в агитации против присутствия мусульман в разных сферах общественной жизни задействовала свою сеть школ *дахмы* [30]. Отмечают и подъем иудаистского этнонационализма в Израиле, что тоже проецируется на сферу образования [31].

Всё это нагромождает препятствия на пути диалога цивилизаций в то время, когда он так нужен. Мало того, что это происходит внутри той или иной страны. В Турции, например, образовательная реформа 2012 г. сделала экзамен по религиозной культуре и этике обязательным по окончании 8 класса. Поскольку данный предмет навязывается с суннитской точки зрения, это оставляет в проигрыше 5 религиозных меньшинств, включая алевитов, которые насчитывают 15–20% населения [32]. В Индии студентов-мусульман принуждают сдавать экзамены в месяц рамадан, а немало вопросов сформулированы исходя из идеологии БДП, например: «Почему Бабри масджид – не мечеть?»¹⁴ Вопрос уже заряжен ответом. Неудивительно, что как реакция по мусульманской общине Индии расползаются идеи деобандизма. (Деобанд – город недалеко от Дели, где в XIX в. был основан исламский университет, дар-уль-улум, с программой фундаменталистской направленности.) Ситуация закольцовывается.

Ненастроенность на диалог цивилизаций внутри стран неизбежно транслируется и вовне. Так поиски религиозной и национальной идентичности сопровождаются складыванием образа врага. Это одна из неперенных скреп «воображаемого сообщества» (Бенедикт Андерсон), которое пытаются строить приверженцы исламизма и хиндутвы. Отталкиваясь от образа врага, можно формировать собственную идентичность, и на врага можно списать любые неудачи.

Таким образом, исламизация и шафранизация образования – процессы далеко не безобидные. По сути, в XXI в. во многих странах Востока идет демонтаж светского государства, причем независимо от цивилизационной принадлежности страны. Размывание принципа лаицизма, поиски идентичности «от противного», индоктринация молодежи в духе нетерпимости затрудняют способность обществ к диалогу. Это повышает риски политических и военных конфликтов между этноконфессиональными общностями как внутри государств, так и в межгосударственных отношениях.

¹⁴ Мечеть Бабура (*урду*), воздвигнутая в 1527 г. при основателе Могольской империи шахе (1526–30) Бабуре в г. Айодхья. По легенде, которая для индусов есть часть реальной истории, в древности на этом месте стоял дворец, где родился бог Рама. В 1992 г. разогретая агитаторами толпа индусских фанатиков разрушила мечеть, что привело к межобщинным столкновениям по всей Индии и гибели около 2 тыс. человек (*прим. авт.*).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Guindy A. The Islamization of Egypt. *Middle East Review of International Affairs*. 2006. Vol. 10, № 3. P. 95.
2. Yilmaz I. Erdoganism and Islamist Use of Education in Turkey. *Social Science Research Network*. 2018. P. 9. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3278481 (accessed 23.10.2022)
3. Lord C. Religious Politics in Turkey: From the Birth of the Republic to the AKP. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 2018. P. 192.
4. Seibert T. Turkish Critics Fear Erdogan's Islamist Agenda Shaping Children's Education. *The Arab Weekly*. 16.12.2018. <https://the arabweekly.com/turkish-critics-fear-erdogans-islamist-agenda-shaping-childrens-education> (accessed 25.10.2022)
5. Şaraplı O. State Ideology and Education in Turkey, 1980–2015. New York etc.: Peter Lang, 2021. P. 201.
6. Shlykov P. The Secularization and Desecularization Nexus in the Turkish Context: What is Behind? *Politics and Religion Journal*. 2019. Vol. XIII, № 2. Pp. 199–236. DOI: 10.54561/prj1302199s
7. Wickham C.R. The Muslim Brotherhood: Evolution of an Islamist Movement. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2013. P. 198.
8. El Karoui H. La fabrique de l'islamisme. Version abrégée. Paris: L'Institut Montaigne, 2018. P. 50.
9. Al Najjar O. The Saudi Shia: Between an Iranian Rock and a Saudi Hard Place. *Aljazeera*. 08.05.2019. <https://www.aljazeera.com/opinions/2019/5/8/the-saudi-shia-between-an-iranian-rock-and-a-saudi-hard-place> (accessed 22.10.2022)
10. Prokop M. Saudi Arabia: The Politics of Education. *International Affairs*. 2003. Vol. 79, № 1. Pp. 80–81. DOI: 10.1111/1468-2346.00296
11. ملخص بحوث الكتاب (133) الإسلاميون و مناهج التعليم في العالم العربي و تركيا و إيران. يناير (كانون الثاني) 2018. The Summary of the Book: (133) Islamists and Educational Programmes in the Arab World, Turkey and Iran. January 2018. (In Arabic). *Al Mesbar Studies & Research Center*. 28.06.2018. <https://www.almesbar.net/%D9%85%D9%84%D8%AE%D8%B5-%D8%A8%D8%AD%D9%88%D8%AB-%D8%A7%D9%84%D9%83%D8%AA%D8%A7%D8%A8-133-%D8%A7%D9%84%D8%A5%D8%B3%D9%84%D8%A7%D9%85%D9%8A%D9%88%D9%86-%D9%88%D9%85%D9%86%D8%A7%D9%87%D8%AC-%D8%A7> (accessed 25.10.2022)
12. Hasnain K. Pakistan's Population is 207.68 m, Shows 2017 Census Result. *Dawn*. 19.05.2021. <https://www.dawn.com/news/1624375/pakistans-population-is-20768m-shows-2017-census-result> (accessed 23.10.2022)
13. Nayyar A.H. Intensivity of Pakistani School Education to Religious Diversity of the Nation. *Human Rights Education in Asian Schools*. Vol. VII. Osaka: Asia-Pacific Human Rights Information Center, 2004. Pp. 76–83.
14. Lall N., Saeed T. Youth and the National Narrative: Education, Terrorism and the Security State in Pakistan. London etc.: Bloomsbury Academic, 2020. P. 100.
15. پاکستان میں تعلیم کے اسلامائزیشن پر عمران خان حکومت پر پرویز ہودبھائے کی تنقید. Pervez Hoodbhoy's Criticism of the Imran Khan Government for the Islamization of Education in Pakistan. (In Urdu). *New Age Islam*. 17.04.2022. <https://www.newageislam.com/urdu-section/new-age-islam-staff-writer/government-for-islamisation-of-education-in-pakistan> (accessed 21.10.2022)
16. Woodward K.E. Indonesian Schools: Shaping the Future of Islam and Democracy in a Democratic Muslim Country. *Journal of International Education and Leadership*. Spring 2015. Vol. 5, № 1. Pp. 1–23.
17. Thobani S. The Dilemma of Islam as School Knowledge in Muslim Education. *Asia Pacific Journal of Education*. 2007. Vol. 27, № 1. P. 20. DOI: 10.1080/02188790601145382
18. Jaffrelot C. L'Inde de Modi: national-populisme et démocratie ethnique. Paris: Fayard, 2019. 352 p.
19. Sanghera T. Modi's Textbooks Manipulations. *Foreign Policy*. 06.08.2020. <https://foreignpolicy.com/2020/08/06/textbooks-modi-remove-chapters-democracy-secularism-citizenship> (accessed 20.10.2022)
20. Savarkar V.D. Hindutva: Who Is a Hindu? Bombay: Veer Savarkar Prakashan, 1969. P. 43.
21. Niazi S. Row over Hindu Bias in Revision of History Syllabus. *University World News*. 23.07.2021. <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20210723110337901> (accessed 17.10.2022)
22. Westerfield C. The Saffronization of Indian Textbooks. A Study of the Extent and Implications of BJP Textbook Manipulation 2002–2018. RLST 375: Hindu Nationalism. May 8, 2019. P. 14.
23. Абрамов Д.Б. Светское государство и религиозный радикализм в Индии. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 33. Abramov D.B. 2011. Secular State and Religious Radicalism in India. Moscow: Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. P. 33. (In Russ.).
24. Jouhki J. Orientalism and India. *J@rgonia: elektroninen julkaisusarja*. 8/2006. Pp. 1–20.
25. Traub A. India's Dangerous New Curriculum. *The New York Review*. 06.12.2018. https://www.nybooks.com/articles/2018/12/06/indias-dangerous-new-curriculum/?lp_txn_id=1373272 (accessed 25.10.2022)
26. पटनायक प. विचार: एक समरूप शिक्षा प्रणाली हिंदुत्व के साथ अच्छी तरह मेल खाती है।

- Patnayak P. Opinion: A Homogeneous Education System Goes Well with Hindutva. (In Hindi). *NewsClick*. 01.11.2021. <https://hindi.newsclick.in/homogenised-education-system-blends-well-hindutva> (accessed 24.10.2022)
27. Heitmeyer W. Für türkische Jugendliche in Deutschland spielt der Islam eine wichtige Rolle. *Zeit Online*. 23.08.1996. <http://www.zeit.de/1996/35/heimtmei.txt.19960823.xml> (accessed 21.10.2022)
28. Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен «параллельных» обществ в системе международно-политических отношений: коллективная монография / науч. ред. Л.А.Андреева, И.В.Следзевский, М.Ю.Смирнов. СПб: Владимир Даль, 2021. 549 с.
2021. The Transformations of the Global Confessional Geospace: The Phenomenon of “Parallel” Societies in the System of International Political Relations: A Collective Monograph. Eds. L.A.Andreyeva I.V.Sledzevskiy M.Yu.Smirnov. Saint Petersburg. 549 p. (In Russ.)
29. Rosen E. The Muslim Brotherhood’s Concept of Education. *Current Trends in Islamist Ideology*. 2008. Vol. 7. P. 125.
30. Orjuela C. Countering Buddhist Radicalization: Emerging Peace Movements in Myanmar and Sri Lanka. *Third World Quarterly*. 2020. Vol. 41, № 1. DOI: 10.1080/01436597.2019.1660631
31. Agbaria A.K. The “Right” Education in Israel: Segregation, Religious Ethnonationalism, and Depoliticized Professionalism. *Critical Studies in Education*. 2016. Vol. 59, № 1. Pp. 8–34.
32. Keto-Tokoi R. Islam Unfettered, Control Retained: The 2012 Educational Reform in Turkey. Finnish Institute in the Middle East. <https://www.fime.fi/en/islam-unfettered-control-retained-the-2012-educational-reform-in-turkey-2> (accessed 29.10.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Фурсов Кирилл Андреевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, кафедра ЮНЕСКО «Востоковедение и африканистика: современные методы изучения и преподавания» ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия.

Kirill A. Fursov, PhD (History), Senior Researcher, UNESCO Chair “Oriental and African Studies: Contemporary Methods of Study and Teaching”, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 02.11.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.01.2023

Принята к публикации
(Accepted) 18.02.2023

Ислам, исламизм, экстремизм

DOI: 10.31857/S032150750024990-1

Действенная модель противостояния террористической опасности: успешный опыт Мавритании

© Жерлицына Н.А.^{a,b,c}, Мелконян Л.А.^{b,d}, 2023

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия

^c ORCID: 0000-0001-8647-9419; ns_inafr@mail.ru

^d ORCID: 0000-0003-0294-8076; melkonyan-la@rudn.ru

Резюме. В статье анализируются подходы властей Мавритании к борьбе с терроризмом. В то время как страны региона Сахеля страдают от кризиса, вызванного действиями джихадистских группировок, Мавритании удалось стать положительным исключением в этом плане. За последние 10 лет там не было крупных террористических атак, хотя в стране имеются существенные проблемы, делающие её уязвимой перед лицом экстремизма. Многочисленными проблемами Мавритании и популярностью там политического ислама попыталась воспользоваться террористическая группа «Аль-Каида в Исламском Магрибе» (АКИМ), с 2005 г. организовывавшая террористические атаки на территории страны и занимавшаяся вербовкой молодых мавританцев в ряды джихадистов. С приходом к власти в 2009 г. президента Мохаммеда ульд Абдель Азиза началось формирование новой антитеррористической стратегии, учитывавшей как алжирский опыт, так и мавританские реалии. Данная стратегия отличалась комплексным характером и включала как военные меры, так и «мягкие подходы». Среди военных мер следует отметить удачную военную реформу, затронувшую военное образование, повышение мобильности вооруженных сил и возможностей частей специального назначения. Кардинальному изменению подвергся и подход мавританских властей к внутренней религиозной и политической арене.

Ключевые слова: Мавритания, Сахель, этнокультурные противоречия, политический исламизм, радикализм, «Аль-Каида в Исламском Магрибе»

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта РНФ 19-18-00155-П «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Для цитирования: Жерлицына Н.А., Мелконян Л.А. Действенная модель противостояния террористической опасности: успешный опыт Мавритании. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 3. С. 46–54. DOI: 10.31857/S032150750024990-1

An Effective Model of Countering Terrorist Danger: Successful Experience of Mauritania

© Natalia A. Zherlitsina^{a,b,c}, Lusine A. Melkonian^{b,d}, 2023

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia

^c ORCID: 0000-0001-8647-9419; ns_inafr@mail.ru

^d ORCID: 0000-0003-0294-8076; melkonyan-la@rudn.ru

Abstract. The article analyzes the approaches of the Mauritanian authorities to the fight against terrorism. While the countries of the Sahel region are suffering from a crisis caused by the actions of jihadist groups, Mauritania has become a positive exception in this regard. There have been no major terrorist attacks there in the last 10 years, although there are significant problems in the country that make it vulnerable to extremism. These are unresolved political issues, huge social and ethnic differences, and the weakness of the economy. The terrorist group Al-Qaeda in the Islamic Maghreb (AQIM), which has been organizing terrorist attacks in the country since 2005 and recruiting young Mauritians into the ranks of jihadists, tried to take advantage of the numerous problems of Mauritania and the popularity of political Islam there. The peak of terrorist activity in Mauritania was 2005–2011, when more than ten attacks were carried out. Since coming to power in 2009, President Mohamed Ould Abdel Aziz began the formation of a new anti-terrorist strategy that took into account both the Algerian experience and the Mauritanian realities. This strategy was complex in nature and included both military measures

and “soft approaches”. Among the military measures, a successful military reform should be noted, affecting military education, increasing the mobility of the armed forces and the capabilities of special forces units. The approach of the Mauritanian authorities to the internal religious and political arena has also undergone a radical change. In addition to offering dialogue to hardliners and the legalization of the Islamist Tevassul party, the approach aimed at involving the nomadic population of remote desert areas in the public space of Mauritania has fully justified itself.

Keywords: Mauritania, Sahel, ethnic and cultural contradictions, political Islamism, radicalism, Al-Qaeda in the Islamic Maghreb

For citation: Zherlitsyna N.A., Melkonyan L.A. An Effective Model of Countering Terrorist Danger: Successful Experience of Mauritania. *Asia and Africa today*. 2023. № 3. Pp. 46–54. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024990-1

ВВЕДЕНИЕ

Последние десять лет в Сахеле развивается многофакторный кризис: слабость государств региона способствует экономическому коллапсу, гуманитарной катастрофе, обострению террористической угрозы и миграционной напряженности. Сложный характер этого кризиса лишь усугубляется со временем, превращая территории Мали, Буркина-Фасо, Нигера и Чада в неуправляемое пространство, находящееся во власти сил транснациональной преступности и глобального радикализма. Для соседних африканских стран и Европы в целом такая ситуация чревата ростом политической нестабильности, снижением безопасности и крупномасштабной нерегулируемой миграцией.

Самой стабильной из стран региона является Мавритания. Но сегодняшнее относительное благополучие далось стране непросто, всё еще остается немало важных нерешенных политических вопросов. Среди населения существуют огромные социальные и этнические разногласия, проблема рабства не решена полностью. Недостаточная занятость молодежи представляет собой огромную проблему, а экономика уязвима для внешних и внутренних потрясений.

СЛОЖНАЯ ВНУТРЕННЯЯ СИТУАЦИЯ

Мавритания – в основном пустынная страна, примерно 90% территории которой находится в пределах Сахары. Соответственно, население сосредоточено на юге, где уровень осадков несколько выше. На атлантическом побережье в столице Нуакшот проживает треть населения. В макроэкономическом плане дела в стране идут не так уж плохо: валовой национальный доход на душу населения составил \$1723 в 2021 г. Это самый высокий показатель среди стран Сахеля, и он основан на богатстве природных ресурсов страны, особенно в горнодобывающем секторе, в котором наблюдается рост в течение последних несколько лет благодаря периоду высоких международных цен на сырьевые товары. Мавритания является одним из ведущих африканских экспортеров железной руды, а также экспортирует золото и медь. Это одна из новейших газодобывающих стран Африки, обладающая значительными запасами природного газа на шельфе. Прибрежные воды и океанская территория страны также располагают одними из самых богатых рыбных запасов в мире.

Несмотря на несколько лет экономического роста, уровень бедности в Мавритании остается высоким, особенно в сельских районах из-за низкой производительности в сельскохозяйственном секторе. Как результат, страна занимает 157-е место из 189 стран по Индексу человеческого развития ООН. Другие препятствия на пути сокращения масштабов нищеты включают отсутствие отраслей, требующих большого человеческого капитала, проблемы управления, низкое качество государственных услуг и высокую уязвимость к внешним потрясениям. Большинство населения заняты либо в сельском хозяйстве, либо в рыболовстве.

Более-менее благополучные показатели развития не отражают всей сложности внутренней ситуации в Мавритании. Страна не только живет в нестабильном соседстве, но и в ней самой существует заметное разделение. Мавритания – одна из двух исламских республик в Африке; её население, а это 4,79 млн человек, в подавляющем большинстве исповедует ислам, но оно резко делится на 3 различные этнокультурные группы [1, p. 23].

Доминирующая группа как политически, так и экономически состоит из арабо-берберских или мавританских племен, которые исторически вели кочевой образ жизни в северной, центральной и восточ-

ной частях страны. Называемые «бидхан», что означает «белый» или «светлокожий», они составляют менее трети населения страны, но доминируют в экономическом и политическом плане. Это потомки арабских племен, которые мигрировали с Аравийского полуострова и расселились на обширных территориях Северо-Западной Африки.

Вторая группа – *харатины*, вероятно, самая многочисленная в стране, состоит из освобожденных (или всё еще находящихся в рабстве) потомков чернокожих африканцев, поработанных бидхан. Отношения между харатинами и бидхан сложны, поскольку харатины разделяют тот же язык, арабо-мусульманскую культуру и социальную организацию, что и их бывшие хозяева – бидхан. Ситуация неуклонно осложняется с конца 1970-х гг., с появлением политического движения харатинов под названием «Эль-Хор» («Свободный человек»). Возникновение этого движения стало результатом превращения харатинов в автономную политическую и социальную силу. Самый важный вопрос для харатинов – борьба с сохранением рабства, но их организации также требуют политического пространства, соответствующего их фактическому демографическому весу. За прошедшие десятилетия был достигнут определенный прогресс в борьбе с формальным рабством, но харатины по-прежнему в целом остаются экономическим низшим классом, который далек от того, чтобы быть полностью представленным в местной и национальной политике.

Третья этнокультурная группа в стране – это западноафриканцы или чернокожие мавританцы. Эта группа составляет около 30% населения и включает 4 чернокожие этнические группы: *бамбара*, *халпулаар* (фульбе), *сонинке* и *волоф*. История Мавритании после обретения независимости отмечена неоднократными попытками этой группы утвердить свою неарабскую идентичность и претендовать на более справедливую долю политической и экономической власти. Её требования были встречены государством, в котором доминируют бидхан, сочетанием репрессий и некоторой кооптации.

Напряженность, создаваемая разногласиями между этими этнокультурными группами, используется исламистскими радикалами в регионе. В рядах таких групп, как «Аль-Каида в Исламском Магрибе» (АКИМ) и «Аль-Мурабитун», есть мавританцы. Сочетание усугубляющихся экономических трудностей и напряженности между тремя доминирующими этнокультурными группами Мавритании может легко привести к увеличению вербовки ущемленной части мавританской молодежи в эти группы. Особенно подвержены риску те, кто находится на нижних ступенях общества, поскольку одно из преимуществ радикальных групп, вдохновляемых салафитами, – их кредо быть «рабами Бога», то есть они предлагают эгалитарный проект, в котором прошлое социальное положение (особенно связанное с рабством) не является проблемой. Таким образом, очевидно, необходимо серьезно отнестись к коммунике АКИМ от 8 мая 2018 г., где она недвусмысленно упомянула Мавританию в числе стран, на которые она подстрекала нападать своих членов и сторонников [2].

Этнокультурные разногласия и расовые проблемы были и остаются составной частью политического ландшафта Мавритании. В 1989 г. правящий режим воспользовался пограничным спором с соседним Сенегалом для дальнейшей маргинализации чернокожих мавританцев. Целью властей была арабизация Мавритании. Многие из чернокожих мавританцев подверглись этнической чистке, арестам и широкомасштабным депортациям в Сенегал и Мали в период с 1989 по 1992 г. Точное число депортированных никогда не будет известно, но Верховный комиссар ООН по делам беженцев сообщил, что к 1991 г. около 53 тыс. мавританцев проживали в Сенегале и по меньшей мере 13 тыс. – в Мали [3, р. 79]. Эта политика угнетения по этническому признаку продолжалась все 1990-е гг. и привела страну к политическому тупику в начале 2000-х гг., ознаменовавшись несколькими попытками государственных переворотов. Всё первое десятилетие XXI в. бидханская правящая элита пыталась сохранить и защитить свое привилегированное положение, сочетая политику угнетения с элементами официальной открытости, позволяя оппозиции выставлять кандидатов на выборах.

ИСТОРИЯ РАДИКАЛИЗМА В МАВРИТАНИИ

Первое десятилетие XXI в. было временем распространения активности исламистских радикальных группировок в Северной Африке, и политическая хрупкость Мавритании стала фактором, привлечшим внимание лидера алжирской террористической «Салафитской группы проповеди и борьбы» (GSPC) М.Бельмохтара. В июне 2005 г. GSPC провела свой первый крупный рейд за пределами Алжира. Подразделение, возглавляемое Бельмохтаром, атаковало мавританский военный аванпост в Лемгейти, в се-

веро-восточной пустыне. В нём приняли участие до 150 бойцов *GSPC*, и около пятнадцати мавританских солдат были убиты. Бельмохтар объяснил нападение на Лемгейти как ответ на признание Мавританией Израиля в 1999 г. и её готовность сотрудничать с США в борьбе с терроризмом [4, pp. 3–4].

Активность исламистов в начале 2000-х гг. не была неожиданной для Мавритании. Там уже с 1970-х гг. наблюдался всплеск исламизма, а также других форм религиозной активности. Тренд на рост значения религии в общественной жизни задавала быстро растущая столица Мавритании – Нуакшот, где усиливалась религиозность в жизни мусульман [5, p. 58]. Активисты представляли различные течения, особенно политический исламизм в стиле «Братьев-мусульман» и теологический буквализм салафизма. Эти течения имели смешанные корни, отражая влияние мавританских студентов, возвращающихся домой из стран Персидского залива, но также авторитет мавританских улемов-реформаторов, получивших местное образование, таких как Будда Ульд аль-Бусайри (1920–2009) [6, p. 314]. Исламисты декларировали заинтересованность в более глубокой «исламизации» мавританского государства, в том числе путем применения шариата в своем понимании. Они не были джихадистами и предполагали действовать на политической арене Мавритании, а не свергать государственную власть. С помощью ряда организаций и политических партий исламисты стремились оказать давление на государство, изменить общество и конкурировать на выборах. Они заявляли приверженность демократии, считая себя подобными исламистским партиям в Марокко и Турции. К 1990-м гг. появилось несколько сторонников жесткой линии. Общая нестабильность в Мавритании тех лет отразилась и на исламистах: периоды относительной открытости, когда кандидаты-исламисты могли участвовать в выборах как независимые или баллотироваться по спискам оппозиционных партий, чередовались с репрессиями со стороны властей [7, с. 59].

Во второй половине 2000-х гг. *GSPC* и её преемнице АКИМ удалось добиться определенных успехов в вербовке мавританцев. Одним из самых известных мавританских джихадистов был Хадим Ульд Семан, который стал лицом небольшого и ультражесткого мавританского джихадистского электората. Он организовывал ячейки джихадистов в Сенегале и Мавритании по указанию Бельмохтара. Другим молодым мавританцем, который пошел по аналогичному пути, был Сиди Ульд Сидна. Важным представляется то обоснование, которое эти мавританцы приводили, объясняя свою приверженность радикалам. Они указывали на политику властей, подразумевающую репрессии и жестокие методы расправы с инакомыслящими. Действительно, *Amnesty International* подтверждает, что в период с 2003 по 2008 г. власти Мавритании практиковали жестокие пытки в отношении исламистов, подвергая заключенных, подозреваемых в джихадизме, электрошоку, ожогам от сигарет, избиениям, лишению сна, сексуальному насилию [8, p. 37]. Тот факт, что недовольство джихадистов основывалось на государственной политике, косвенно означал, что у государства была возможность подорвать вербовку джихадистов, изменив свою политику.

С 2005 по 2009 г. АКИМ совершила в отношении Мавритании более десятка террористических атак. Тем не менее даже на пике нападений в Мавритании АКИМ привлекала относительно небольшое число мавританцев по сравнению с большим числом малийцев, примкнувших к радикалам. И среди мавританских боевиков так и не появился лидер – человек, способный объединить различные группы в сильную джихадистскую коалицию. Возглавляемые мавританцами ячейки внутри страны отличались непрофессионализмом и существовали недолго, быстро ликвидируемые властями. Даже Хадиму Ульд Семану, организовавшему в 2007 г. местный филиал АКИМ – «Сторонники Бога, Стражи на Земле Мавритании», удалось в конечном счете осуществить только одно нападение – обстрел израильского посольства в Нуакшоте и близлежащего ночного клуба в феврале 2008 г., после которого джихадист был арестован [9].

Сдерживающим фактором распространения идей джихадизма в Мавритании стало базирование сторонников АКИМ непосредственно в столице, Нуакшоте. В отличие от возможностей для передвижения, предоставляемых пустыней, конспиративные квартиры в Нуакшоте были особенно уязвимы для обнаружения и рейдов со стороны властей. Джихадисты, похоже, не завоевали доверия критической массы пассивных сторонников, которые могли бы помочь им избежать обнаружения. По мере задержания лидеров, вербовка, способность ячеек принимать и направлять новобранцев рушилась. Немаловажным обстоятельством, препятствовавшим распространению популярности АКИМ в Мавритании, стала и позиция официальных представителей ислама. Местные улемы не поддерживали АКИМ, тем самым уменьшив шансы джихадистов на создание крупной коалиции [10, p. 102]. К 2011 г. поколения моложе

Ульда Семана и Ульда Сидны, по-видимому, начали терять интерес к джихадизму. Наконец, некоторые действия АКИМ привели мавританцев в ужас и вызвали негативную реакцию. Например, в 2008 г. боевики обезглавили двенадцать захваченных мавританских солдат. Таким образом, АКИМ не смогла найти в Мавритании реальной политической опоры. Хотя разрозненные столкновения между мавританскими военными и АКИМ продолжались до лета 2011 г., тем не менее это было начало конца усилий АКИМ по вовлечению Мавритании в хаос джихадизма.

ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ РАДИКАЛИЗМУ

Правление президента Мохаммеда ульд Абдель Азиза (2009–2019), выходца из военной элиты страны, не только принесло Мавритании десятилетие относительной стабильности, но ему также удалось осуществить безболезненный трансфер власти, передав бразды правления следующему президенту, Мухаммеду ульд аш-Шейху аль-Газуани, в 2019 г. Абдель Азиз и его министр обороны и нынешний президент генерал аль-Газуани наметили и претворили в жизнь многостороннюю стратегию борьбы с АКИМ. Эта стратегия во многом опиралась на алжирский опыт взаимодействия с радикалами, когда исламистов поощряли отказаться от терроризма и реинтегрироваться в общество [11, р. 162]. Но ряд её положений был нов и отражал мавританскую специфику.

Новая стратегия потребовала осуществления самых крупных военных реформ в истории Мавритании. Перестройка вооруженных сил началась с улучшения инфраструктуры и качества жизни солдат. Первые символические меры предусматривали восстановление солдатских казарм, введение новой формы и повышение заработной платы и компенсаций для всего военного персонала. По существу, процесс военной модернизации начал материализовываться с существенным увеличением военного бюджета, что позволило ускорить военную подготовку, закупку новых вооружений, материальных средств и создание сил специального назначения. Помимо увеличения военного бюджета, который с 2008 по 2018 г. вырос в четыре раза (до \$160 млн.), был осуществлен стратегический выбор приоритетов в области военных закупок. Вместо дорогостоящей военной техники, которую она едва ли могла себе позволить, Мавритания выступала за структурные реформы и приобретение оборудования, соответствующего её потребностям и возможностям. Чтобы увеличить свои военно-воздушные мощности, официальные лица выбрали бразильские легкие военные самолеты *EMB-314 Super Tucano*, предназначенные для полетов в условиях высокой температуры и влажности и пересеченной местности, такой как мавританская пустыня. Для военно-морского флота закупили новые и подержанные суда у Испании, Китая и ЕС для патрулирования 754 км береговой линии [12]. Сухопутные войска Мавритании были оснащены современными пикапами.

Правительство также инвестировало в профессиональное военное образование, которое долгое время находилось в состоянии застоя. Оборонным учебным заведениям страны необходимо было адаптироваться, чтобы выпускать офицеров и командиров, способных противостоять асимметричным угрозам. С этой целью Мавритания заключила несколько двусторонних и многосторонних договоров о партнерстве. В частности, Франция оказала поддержку в обучении методам принятия оперативных решений и технике командос. США как член Транссахарского партнерства по борьбе с терроризмом также оказали поддержку в укреплении сферы безопасности. В 2012 г. Мавритания обратилась с просьбой об участии в программе НАТО по улучшению оборонного образования для реформирования своего профессионального военного образования.

Реформа затронула и структуру мавританских вооруженных сил, которая до этого была слишком громоздкой, неповоротливой и приспособленной к устаревшим тактикам. Классическая организация подразделений плохо подходила для борьбы с более мелкими и проворными воинствующими исламистскими группировками и организованными преступниками, бродящими по пустыне. Задача разработки успешной контртеррористической стратегии выпала на долю военного министра аль-Газуани. Под его руководством были созданы восемь Специальных групп вмешательства (*GSI*) – небольших универсальных воинских подразделений. Чтобы усилить групповую сплоченность и мотивацию, каждое такое подразделение командос создается примерно из 200 человек, которые служили вместе в течение нескольких лет. Важно отметить, что эти боевые группы были хорошо оснащены транспортными средствами и снабжались топливом, водой и боеприпасами для проведения независимых контртеррористических операций, которые могут длиться несколько дней в отдаленной пустыне. С 2015 г. вновь по-

строенная база в Лемрее служит штаб-квартирой и оперативным центром *GSI*. Стратегическое расположение Лемреи рядом с границами Мавритании, Мали и Алжира способствовало преобразению этого пустынного района, который когда-то служил тыловой базой для воинствующих исламистских группировок и торговцев людьми [13, р. 822].

Для успеха военной реформы и борьбы с АКИМ большое значение имела усиленная поддержка наземных операций с воздуха. Мавританские летчики не имели таких возможностей, как их коллеги из алжирских и марокканских ВВС, для обеспечения непосредственной воздушной поддержки, наблюдения и разведки. Тем не менее с 2011 г. военно-воздушные силы Мавритании, оснащенные самолетами наблюдения *Cessna*, предоставленными США, и вооруженные бразильскими *Super Tucanos* и несколькими китайскими штурмовыми вертолетами, обладают достаточными возможностями для обнаружения подозрительных транспортных средств и руководства *GSI* на земле. Действительно, в 2011 г. мавританская авиация продемонстрировала способность наносить удары по предполагаемым позициям АКИМ в лесу Вагаду через границу в Мали.

Как известно, разведка также играет решающую роль в контртеррористических операциях. При администрации Абдель Азиза бюджеты разведывательных служб увеличились, а их возможности расширились. Усилия властей были направлены на развитие как разведывательных сетей на местах, так и технических возможностей разведки. Они варьировались от эффективного обновления основных существующих возможностей и активов, таких как мавританская военная группа кочевников (*GN*) – подразделения, несущего службу на верблюдах и предназначенного для работы в труднодоступных районах пустыни, – до приобретения современных радаров наблюдения.

Еще в 2008 г. северная часть страны была объявлена военной зоной. Для любого передвижения людей и транспортных средств требовался документ, удостоверяющий личность, и это помогало идентифицировать и досматривать любую колонну транспортных средств, въезжающую в этот район. К 2010 г. мавританские власти пришли к выводу, что им необходимо вступить в бой в Мали, откуда высокомобильные подразделения джихадистов неоднократно пересекали границу и устраивали засады на мавританских солдат. В 2010 и 2011 гг. мавританские военные предприняли наступательные действия против АКИМ вдоль границы и на сопредельной территории Мали. Мавритания и Мали проводили совместное патрулирование в районе Тимбукту. Однако нарастающий хаос в соседней стране разрушил надежды мавританских властей на действенность «регионального подхода» [14, с. 107].

МЯГКИЙ ПОДХОД К НОРМАЛИЗАЦИИ СИТУАЦИИ

Важнейшим компонентом антитеррористического подхода мавританских властей стала стратегия вовлечения местных общин и племен, проживающих на заброшенных окраинах Мавритании и зачастую используемых террористами, в жизнь страны. В отдаленных районах, таких как Нбейкет-Лахвач, Термесса, Бурат и Чами, были созданы новые поселения. Цель состояла в том, чтобы перегруппировать жителей, разбросанных по обширной территории, и предоставить им минимальные базовые услуги: воду и электричество, школы, медицинские центры, дороги и подключение к сети мобильной телефонной связи. Тем самым включить эти районы в общественное пространство Мавритании и сделать их непривлекательными для боевиков. Правительство не пыталось искоренить кочевой образ жизни – мужчины продолжают вести полукочевой образ жизни вместе со своими стадами, в то время как их семьи оседают в одном месте, пользуясь услугами образования и другими основными удобствами. Необходимо было создать обороняемые позиции в непосредственной близости от малийской границы. В уязвимых районах, где уже существуют поселения, политика предусматривала повышение безопасности и улучшение условий жизни населения, чтобы удержать его там [15, с. 66].

Как стратегически важный шаг правительства Мавритании следует оценивать выработку не только военных, но и мирных методов, направленных на борьбу с терроризмом. Власти разработали «Национальную стратегию борьбы с терроризмом», которая предполагала «мягкий подход». В ней справедливо указывалось, что причинами экстремизма являются социальная несправедливость, бедность, отсутствие доступа к образованию, безработица. Были предложены различные меры – от кампаний по повышению осведомленности до программ трудоустройства, чтобы подорвать вербовку АКИМ. В январе 2010 г. правительство Мавритании приняло новый закон о борьбе с терроризмом. Почти сразу же власти привлекли крупных исламских ученых для проведения диалога с заключенными джихадистами, по-

дозреваемыми в джихадизме, и салафитами – сторонниками жесткой линии. Диалог был направлен на то, чтобы убедить эти категории граждан отказаться от насилия. Несмотря на наличие непримиримых, ученые, поддерживающие правительство, говорили, что диалог «увенчался успехом, положительный показатель составляет 90%» [16, р. 64]. Для раскаявшихся джихадистов была предусмотрена президентская амнистия и освобождение из тюрьмы. Правительство предоставило микрокредиты каждому из помилованных заключенных, чтобы они могли начать свое собственное дело, приносящее доход, например такое, как ремонт и продажа автомобилей. Те же, кто отказался от диалога, остались в тюрьме с нависшими над ними смертными приговорами. Использование этой меры позволило не только снизить число потенциальных джихадистов, но и подорвало все усилия АКИМ по созданию мавританской коалиции.

Кардинальному изменению подвергся и подход мавританских властей к внутренней религиозной и политической арене. Помимо предложения диалога сторонникам жесткой линии и большей сдержанности в применении пыток, власти также переосмыслили свои позиции в отношении религиозно-политической активности. Показателем стала легализация «Тевассул», основной исламистской политической партии. «Тевассул» получила возможность участвовать в выборах, кандидат в президенты от «Тевассул» занял четвертое место в 2009 г., а партия получила второй результат на парламентских выборах 2018 г. Для контроля деятельности *махадр* – коранических школ – была проведена их перепись. В соответствии с правительственной программой выпускникам махадр гарантировалась работа в государственном секторе, чтобы не допустить ухода этих молодых мусульман к экстремистам [17, р. 16].

Новый общественный договор, подчеркивая традицию терпимости ислама, позволил религиозным деятелям (улемам), склонным к крайним взглядам, высказываться по спорным вопросам при условии, что они остаются в рамках определенных красных линий, продиктованных режимом. Например, улем Мохаммед Салем Ульд Мохаммед Лемин, также известный как аль-Маджлиси, положительно отзывался о джихаде против иностранной оккупации, но критиковал попытки джихадистов свергнуть мусульманские правительства и осудил ИГИЛ. Что касается политики Мавритании, то аль-Маджлиси позиционирует себя как принципиальный, лояльный оппозиционер [18, р. 9]. Сочетая политику кнута и пряника, правительство в критические моменты не отказывается от репрессий по отношению к исламистам. Так, в преддверии президентских выборов 2019 г. Абдель Азиз закрыл Центр подготовки исламских ученых, обвинив его в пропаганде радикализма. Правительственные сторонники такого сочетания принуждения и кооптации утверждали, что оно способствует разрушению идеологии жестких сторонников джихадизма, оставляя их без духовных наставников. Как сказал один из мавританских улемов: «У джихадистов в Мавритании нет головы» [19]. Тем не менее остается открытым вопрос, в какой степени умеренность служителей ислама носит временный и тактический характер.

Тонкая и расчетливая политика мавританских властей на внутренней религиозно-политической арене сочетается со сдержанностью в отношении внешних вмешательств. Ключевой пример такого подхода имел место во время военной интервенции под руководством Франции в 2013 г. на севере Мали против коалиции джихадистов и сепаратистов-туарегов [20, с. 67]. Кампания, получившая название операция «Серваль», оказалась главным источником общественных дебатов в Мавритании. Тридцать девять представителей клерикальной оппозиции выпустили фетву, осуждающую интервенцию Франции в регионе как неокOLONIALISTскую. Улемы призвали граждан Мавритании проявить солидарность со своими братьями в Мали. К улемам присоединилась исламистская партия «Тавассул». Хотя мавританское правительство ранее совершало вмешательство в Мали в 2010 и 2011 гг. для преследования АКИМ, оно приняло решение не присоединяться к операции «Серваль» в 2013 г. [21, р. 18]. Вместо этого власти Мавритании сосредоточились на укреплении границы с Мали протяженностью 2237 км, то есть предпочли политику оборонительного сдерживания, аналогичную той, которую проводит Алжир.

Такие же гибкие подходы отличают и позицию властей в отношении мавританских СМИ. Правительство Мавритании разрешило им служить каналами распространения сообщений джихадистов. СМИ Мавритании неоднократно предоставляли региональным джихадистским группам платформы для публикации заявлений и коммюнике, в то же время предлагая эксклюзивные репортажи и аналитические материалы, которые ценны для исследователей борьбы с терроризмом. Сами информационные агентства называют наличие такого рода контента доказательством своей независимости и непредвзятости, а также свидетельством внимания к этому вопросу [22, р. 176].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, стратегия властей Мавритании в борьбе с вооруженным исламистским радикализмом, избранная ими 10 лет назад, оказалась на редкость действенной: в течение последнего десятилетия на территории Мавритании не было крупных террористических актов – прекрасный результат, учитывая волну насилия, сотрясавшую страну с 2005 по 2011 г. Несмотря на изначально очень слабые позиции – бедность, расовую напряженность, иерархичное и трайбализированное общество – президенту Абдель Азизу и его министру обороны и прежнему аль-Газуани определенно удалось обуздать джихадистское насилие в Мавритании.

Мавританский случай дает и более общий урок: имея дело с джихадистскими движениями, государства должны заключать свои собственные, местные политические соглашения, которые сдерживают насилие, не вызывая недовольства. Полностью оправдал себя и подход, ориентированный на население.

Однако общий успех Мавритании еще не означает, что она одержала окончательную победу над терроризмом. Достижения в области безопасности хрупки и обратимы. Для их поддержания требуется улучшение политического и экономического управления, а также совершенствование регионального сотрудничества. Продолжающиеся усилия нынешней администрации по повышению военной сплоченности, обеспечению безопасности и управлению людскими и финансовыми ресурсами вооруженных сил будут по-прежнему иметь решающее значение для дальнейшего успеха Мавритании в борьбе с террористическими угрозами.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Marchesin Ph. 1992. *Tribus, Ethnies et Pouvoir en Mauritanie*. Paris: Karthala. 437 p.
2. Guichaoua Y., Hèni N. Comment le djihad armé se diffuse au Sahel. *The Conversation*. 2019. February 24.
3. Jourde C. Constructing Representations of the 'Global War on Terror' in the Islamic Republic of Mauritania. *Journal of Contemporary African Studies*. 2007. № 25 (1). Pp. 77–100.
4. Chelin R. From the Islamic State of Algeria to the Economic Caliphate of the Sahel: The Transformation of Al Qaeda in the Islamic Maghreb. *Terrorism and Political Violence*. 2018. № 32 (6). Pp. 1–20.
5. Elemine M. Negotiating Islamic Revival: Public Religiosity in Nouakchott City. *Islamic Africa*. 2014. № 5(1). Pp. 45–82.
6. Cavatorta F., Garcia R. Islamism in Mauritania and the Narrative of Political Moderation. *Journal of Modern African Studies*. 2017. № 55 (2). Pp. 301–325.
7. Гришина Н.В. Мавритания: эволюция политических структур. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2021. № 3 (56). С. 56–65. DOI: 10.31132/2412-5717-2021-56-3-56-65
8. Grishina N.V. 2021. Mauritania: the evolution of political structures. *Journal of the Institute for African Studies*. № 3(56). Pp. 56–65. (In Russ.). DOI: 10.31132/2412-5717-2021-56-3-56-65
9. Jihadism in Africa: Local Causes, Regional Expansion, International Alliances. Edited by Steinberg G., Weber A. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2015. 104 p.
10. Simpson C. Debunking Mauritania's Islamist Militancy Mythology. *IRIN / The New Humanitarian*. 2016. August 23. www.thenewhumanitarian.org/analysis/2016/08/23/debunking-mauritania-s-islamist-militancy-mythology
11. Vium Ch. The phantom menace: fear, rumours and the elusive presence of AQIM in South-Eastern Mauritania. In *Post-Gaddafi repercussions in the Sahel and West Africa. Strategic Review for Southern Africa*. 2013. Vol. 35. № 2. Pp. 92–116.
12. Rahmane I. *The Politics of Islam in the Sahel: Between Persuasion and Violence*. New York: Routledge, 2017. 292 p.
13. Mauritania's Goals in Its Struggle against al-Qaeda. Al Jazeera Center for Studies. 2011. July 25.
14. Lounnas D. Confronting al-Qa'ida in the Islamic Maghrib in the Sahel: Algeria and the Malian crisis. *Journal of North African Studies*. 2014. № 19 (5). Pp. 810–827.
15. Исаев Л.М., Коротаев А.В., Бобарыкина Д.А. Влияние «Арабской весны» на «Черную весну» в Буркина-Фасо. *Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение*. 2022. № 1. С. 98–109.
16. Issaev L. M., Korotayev A.V., Bobarykina D.A. Impact of the Arab spring on the Black spring in Burkina Faso. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 13: Vostokovedenie*. 2022. № 1. Pp. 98–109. (In Russ.)
17. Ксенофонт Н.А., Гришина Н.В. Страны Сахеля: опустынивание и меры противодействия. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 12. С. 64–67. DOI: 10.31857/S032150750007659-6
18. Ksenofontova N., Grishina N. The countries of the Sahel: desertification and countermeasures. *Asia and Africa today*. 2019. № 12. Pp. 64–67. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750007659-6
19. Zekeria Ould Ahmed S. Islamic Radicalisation in Mauritania. In *Islamist Radicalisation in North Africa: Politics and Process*. Ed. Joffe G. London, Routledge, 2012. 185 p.

17. Bencherif A. From resilience to fragmentation: Al-Qaeda in the Islamic Maghreb and jihadist group modularity. *Terrorism and Political Violence*. 2017. № 29 (6). Pp. 1–19.
18. Wehrey F. Control and Contain: Mauritania's Clerics and the Strategy Against Violent Extremism. Washington, Carnegie Endowment for International Peace Publications Department. 2019. 27 p.
19. Boukhars A. Keeping Terrorism at Bay in Mauritania. Africa center for strategic studies. 2020. June 16.
20. Долгов К.Д., Филиппов В.Р. Вмешательство «великих держав» во внутренние дела суверенных государств Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 10. С. 66–67.
Dolgov K., Filippov V. Intervention by the Great powers in the affairs of the sovereign states of Africa, the Middle East and Asia. *Asia and Africa today*. 2018. № 10. Pp. 66–67. (In Russ.)
21. Boeke S., Schuurman B. Operation Serval: A strategic analysis of the French intervention in Mali 2013–2014. *Journal of Strategic Studies*. 2015. № 28 (6). Pp. 1–25.
22. Tawil C. Brothers in Arms: The Story of al-Qa'ida and the Arab Jihadists. London: Saqi. 2011. 209 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Жерлицына Наталья Александровна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Африки РАН; Ученый секретарь Научного совета РАН по проблемам стран Африки; доцент РУДН, Москва, Россия.

Natalia A. Zherlitsina, PhD (History), Senior Researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Academic Secretary, Research Council for the Problems of Africa, Russian Academy of Sciences; Associated Professor, RUDN University, Moscow, Russia.

Мелконян Лусине Арменовна, лаборант-исследователь, аспирант РУДН, Москва, Россия.

Lusine Melkonian A., Laboratory Researcher, post-graduate student, RUDN University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 31.10.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 25.01.2023

Принята к публикации
(Accepted) 27.02.2023

Структура «ООН-Женщины»: работа на африканском направлении

© Гришина Н.В.^{a,b}, Ксенофонтова Н.А.^{a,c}, 2023

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0002-3688-6208; eestimaa8@yandex.ru

^c ORCID: 0000-0002-7225-1007; natalia28xenofontova@yandex.ru

Резюме. Разнообразные политико-экономические и культурные факторы развития стали мощным катализатором женского движения на Африканском континенте, активизировавшегося в последние десятилетия XX – начале XXI в. Одним из завоеваний африканок стало право на участие в работе различных многоуровневых общественно-политических организаций, которые заметно влияют на проводимую правительствами внутреннюю политику.

Среди международных организаций, в фокусе работы которых находится широкий спектр вопросов относительно гендерного равенства и соблюдения прав человека, – «ООН-Женщины», в январе 2021 г. отметившая десятилетие своей деятельности. При разработке законов, политики, программ и услуг, необходимых для реализации стандартов гендерного равенства и справедливости, структура «ООН-Женщины» сотрудничает в тесном контакте с правительствами и организациями гражданского общества. Особое внимание уделяется противодействию всем формам гендерного насилия, наносящего ущерб не только женщинам и девочкам, но и обществу в целом, а также достижению всех Целей устойчивого развития к 2030 году и программе «Повестка дня до 2063 г. Африка, какой мы хотим её видеть».

Ключевые слова: ООН, африканки в политике, права женщин, гендерное насилие, международные женские организации, многоуровневое сотрудничество, региональные и международные инициативы, работа с молодежью

Для цитирования: Гришина Н.В., Ксенофонтова Н.А. Структура «ООН-Женщины»: работа на африканском направлении. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 3. С. 55–62. DOI: 10.31857/S032150750024993-4

UN Women Structure: Work in the African Direction

© Nina V. Grishina^{a,b}, Natalia A. Ksenofontova^{a,c}, 2023

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b ORCID: 0000-0002-3688-6208; eestimaa8@yandex.ru

^c ORCID: 0000-0002-7225-1007; natalia28xenofontova@yandex.ru

Abstract. Political, economic and cultural factors of development have become a powerful catalyst for the women's movement on the African continent, which has intensified in the last decades. One of the African women's gains was the right to participate in various socio-political organizations that significantly influence the internal policies of governments.

Among the international organizations focusing on gender equality and human rights issues is *UN Women*, which celebrated its 10th anniversary in January 2021. *UN Women* promotes cooperation with national governments and civil society organizations to develop a legislative framework, social policy, targeted programs and services for the implementation of standards of gender equality and justice. The above involves the equal participation of women in social, political, economic and cultural activities. The focus is on the following priority areas: leadership and decision-making level; violence against women; peacemaking and security; women's economic empowerment; adoption of gender equality in national development planning and budget policy development. The *UN Women* structure coordinates and supports the work of the entire UN system aimed at achieving gender equality, and all discussions and agreements related to the 2030 Agenda.

The work carried out in African countries by the staff and volunteers of the *UN Women* structure is diverse and fruitful both in the involving African women in economic processes, and in the enhancing their participation in the socio-political life. However, this organization needs more support from national governments, since gender equality and the empowerment of women is a must for comprehensive, equitable and sustainable development.

Keywords: UNO, African women in politics, women's rights, gender violence, international women's organizations, multilevel cooperation, regional and international initiatives, work with youth

For citation: Grishina N.V., Ksenofontova N.A. *UN Women Structure: Work in the African Direction. Asia and Africa today*. 2023. № 3. Pp. 55–62. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024993-4

ВВЕДЕНИЕ

2 июля 2010 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН было принято решение о создании в рамках ООН структуры «ООН-Женщины», в сферу деятельности которой вошли вопросы гендерного равенства, расширения прав и возможностей женщин всего мира.

Прежде всего, деятельность этой организации направлена на претворение в жизнь Цели-5 – «Гендерное равенство» глобальной программы ООН «Цели в области устойчивого развития» (ЦУР)¹, реализация которой рассчитана на 2015–2030 гг. При этом особое внимание уделено пяти приоритетным направлениям: расширение лидерства женщин и их участия в политической жизни; ликвидация насилия в отношении женщин; вовлечение женщин во все аспекты процесса поддержания мира и безопасности; расширение экономических прав и возможностей женщин; признание главенствующей роли гендерного равенства при разработке национальных планов развития и бюджетной политики.

ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА ОРГАНИЗАЦИИ

Структура «ООН-Женщины» сотрудничает с правительствами и гражданским обществом при разработке законов, политики, программ и услуг, необходимых для реализации стандартов гендерного равенства и справедливости, которые подразумевают равноправное участие женщин во всех аспектах жизни, уделяя особое внимание упомянутым выше пяти приоритетным направлениям [1].

С 2013 г. должность директора-исполнителя этой организации занимает Фумзиле Мламбо-Нгкука (ЮАР), принимавшая активное участие в борьбе за ликвидацию апартеида и имеющая большой опыт работы в государственных и общественных структурах.

«ООН-Женщины» координирует и поддерживает работу всей системы ООН, направленную на достижение гендерного равенства, а также все дискуссии и соглашения, связанные с «Повесткой дня на период до 2030 года»².

Создание структуры «ООН-Женщины» – часть реформы ООН, предусматривающей для повышения эффективности объединение ресурсов и мандатов четырех отдельных подразделений системы этой международной организации, которые занимались исключительно вопросами гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин: Отдела по улучшению положения женщин Секретариата, Международного учебного и научно-исследовательского института по улучшению положения женщин, Канцелярии Специального советника по гендерным вопросам и улучшению положения женщин, Фонда ООН для развития в интересах женщин³.

В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ – АФРИКА

Исполнительный совет структуры «ООН-Женщины» состоит из 41 члена и переизбирается раз в 3 года. Африканский континент представлен десятью государствами. В 2020–2022 гг. в Исполнительный совет входили Ангола, Бурунди, Демократическая Республика Конго, Экваториальная Гвинея, Гана, Кения, Мадагаскар, Марокко, Сьерра-Леоне, Нигерия.

Структура «ООН-Женщины» имеет 23 региональных и страновых представительства в Африке. Её экспертами была создана база конституционных данных, содержащая соответствующие положения о гендерном равенстве и используемая для оказания поддержки конституционным реформам на страновом уровне.

¹ Глобальная программа ООН «Цели в области устойчивого развития» (ЦУР) состоит из 17 взаимосвязанных целей, разработанных Генеральной Ассамблеей ООН и предложенных мировому сообществу как «план достижения лучшего и более устойчивого будущего для всех» и пришедших на смену «Целям развития тысячелетия» (ЦРТ, 2000–2015 гг.) (прим авт.).

² About UN Women. <https://eca.unwomen.org/ru/about-us/about-un-women> (accessed 15.06.2022)

³ Информация о структуре ООН «ООН-Женщины». https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1652434700&tld=ru&lang=ru&name=doc20170821_215441.pdf&text (accessed 12.05.2022)

Нередко эта организация разрабатывает и реализует свои программы совместно с рядом авторитетных международных партнеров, в сферу интересов которых также входит соблюдение прав и интересов жительниц Африканского континента⁴. При поддержке Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) «ООН-Женщины» публикует доклады с оценкой деятельности ООН по обеспечению доступа женщин к правосудию в затронутых конфликтами районах, что особо актуально для стран Африки, оказывает поддержку в осуществлении проектов Международного уголовного трибунала по Руанде, связанных с расследованием случаев сексуального насилия и судебным преследованием виновных⁵.

РЕШЕНИЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

«ООН-Женщины» – активный участник многих международных встреч, посвященных решению актуальных проблем современности. Так, на Конференции по финансированию развития, состоявшейся в Аддис-Абебе летом 2015 г., эксперты этой структуры убедительно доказали необходимость достаточного финансирования программ достижения гендерного равенства и их включения в процессы планирования национального развития.

Структура «ООН-Женщины» способствовала наращиванию потенциала Конвенции ООН по борьбе с опустыниванием⁶ в странах, испытывающих серьезную засуху и/или опустынивание. Значительное внимание в целях контроля деятельности в рамках Конвенции по обеспечению гендерного равенства, установления целевых показателей неухудшения состояния земель, финансирования и разработки данных с учетом гендерных аспектов было уделено Африке. Оказанная Структурой поддержка в работе 17-й сессии Комитета по реализации Конвенции (январь 2019 г.) позволила обеспечить всестороннее рассмотрение ключевых вопросов гендерной проблематики в ходе работы XIV сессии Конференции стран-участниц, состоявшейся в сентябре 2019 г.

Структура «ООН-Женщины» в сотрудничестве с Африканским банком развития и секретариатом Конвенции организовали субрегиональный практический семинар для стран Западной Африки, на котором были скоррелированы целевые показатели нейтрального баланса деградации земель с определяемыми на национальном уровне показателями вклада женщин в функционирование сельскохозяйственного сектора. Подчеркивалась необходимость учета гендерных факторов в составлении проектов и программ, обладающих преобразующим потенциалом, направленных на недопущение ухудшения состояния земель. Структура «ООН-Женщины» в партнерстве с секретариатом Конвенции и Международным союзом охраны природы разработала руководство, содержащее пошаговые инструкции для сторон по вопросам разработки таких проектов и программ⁷.

Структура «ООН-Женщины» оказала поддержку в сборе, анализе и распространении дезагрегированных данных о сельских женщинах и девочках для использования фактических показателей при разработке политики по расширению их прав и возможностей. Например, в Кении сотрудники этой организации помогли Сельскохозяйственной финансовой корпорации⁸ в первоначальном исследовании и документировании передовой практики в области доступа к сельскохозяйственному финансированию для сельских женщин, а также в подготовке данных для гендерной статистики⁹.

После закрепления в кенийской конституции 2010 г. принципа равенства мужчин и женщин и применения политики квот представительства в правительстве структура «ООН-Женщины» содействовала

⁴ К числу этих организаций относятся ЮНИФЕМ, ПРООН, ЮНПФА, ЭКОСОС и др. (прим. авт.).

⁵ UN Women - United Nations and the Rule of Law. <https://www.un.org/ruleoflaw/ru/un-and-the-rule-of-law/un-women/> (accessed 18.06.2022)

⁶ Конвенция ООН по борьбе с опустыниванием – принята в Париже 17 июня 1994 г. для объединения усилий государственных и общественных организаций на международном, региональном, национальном и местном уровнях по борьбе с опустыниванием, деградацией земель и смягчению последствий засухи (прим. авт.).

⁷ Нормативные аспекты работы Структуры Организации Объединенных Наций по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин. Комиссия по положению женщин. Шестьдесят четвертая сессия. 9–20 марта 2020 года. E/CN.6/2020/2. ООН, 2020. С. 10.

⁸ В задачи этой организации входит обеспечение устойчивого финансирования предприятий аграрного сектора посредством участия финансовых и нефинансовых предприятий, внедрения инноваций в технологические процессы (прим. авт.).

⁹ Нормативные аспекты работы Структуры Организации Объединенных Наций по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин. Комиссия по положению женщин. Шестьдесят четвертая сессия. 9–20 марта 2020 года. E/CN.6/2020/2. ООН, 2020. С. 21.

проведению гендерного аудита законопроекта о политических партиях, чтобы установить, как его положения реализуются на практике. Были приняты соответствующие рекомендации, чтобы законопроект в большей степени отвечал основам гендерного паритета. Подчеркивалось, что регистрация политических партий допускается при наличии в их составе не более двух третей лиц представителей одного пола в руководящих органах¹⁰.

Большое внимание «ООН-Женщины» уделяет женскому предпринимательству. Так, в 2018 г. в ЮАР совместно с алмазодобывающей компанией *De Beers* была запущена программа по наращиванию потенциала, в рамках которой 500 женщинам-микропредпринимателям в городах Блурберг и Мусина (провинция Лимпопо) предоставлялась помощь в ведении бизнеса. В процессе реализации программы этим африканкам оказывается поддержка в сфере управления малым бизнесом, а также проводятся профильные занятия.

Поскольку в указанных районах ЮАР уровень безработицы высок, а необходимые условия для трудоустройства ограничены, малый бизнес, по словам заместителя генерального директора *De Beers Consolidated Mines* Мпуми Зикалала, – «это возможность получения дохода для поддержки домашних хозяйств и создания рабочих мест, что может принести пользу обществу. ... женщины с большей вероятностью инвестируют значительную часть своих средств в развитие общества, а также поддерживают создание рабочих мест для других людей». Её поддержала представитель отделения «ООН-Женщины» в Южной Африке Анн Шонгве, заявив, что «необходимо рассматривать специфические проблемы, с которыми сталкиваются женщины-микропредприниматели¹¹: они не всегда могут провести границу между своими личными нуждами и интересами компании. Они... заставляют бизнес работать и при этом имеют огромную ответственность перед семьей» [2].

Не обойден вниманием и североафриканский регион. Так, в течение многих лет марокканские женщины стремились к повышению своего социального и политического участия в общественно-политической жизни страны. В период конституционных реформ 2011 г. национальное Движение за равенство между полами при поддержке структуры «ООН-Женщины» стало действенным инструментом борьбы за гендерное равенство. В новой конституции были закреплены положения о гендерном паритете, открывавшие возможности для принятия нового закона об удвоении количества мест в парламенте для женщин. В ходе национальных выборов, состоявшихся в том же году, в программы всех политических партий были включены обязательства по обеспечению гендерного равенства, а число женщин в парламенте увеличилось с 10 до 17%. Благодаря конституционным реформам количество мест, зарезервированных в парламенте для женщин, возросло с 30 до 60 из 395. В избирательный кодекс были внесены поправки по реформированию структуры голосования¹².

В ПРИОРИТЕТЕ – УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН И МОЛОДЕЖИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Одним из первых директивных документов «ООН-Женщины» стал проект «Укрепление женского лидерства и участия в политической жизни», посвященный жительницам Африки и Латинской Америки. Его разработчики учитывали тот факт, что, составляя практически половину населения Туниса, Марокко и Алжира, женщины этих стран сталкивались с дискриминацией со стороны мужчин при попытках участия в экономических и общественно-политических процессах. Также были учтены этнические, культурные и религиозные различия жителей вышеназванных государств – и мужчин, и женщин – для установления диалога между представителями различных социальных слоев [3].

В 2011 г. во время гражданских волнений в Тунисе и Египте¹³ «ООН-Женщины» поддержала участие женщин этих стран в избирательных процессах и выработке конституционных реформ.

¹⁰ Social, economic and political context in Kenya. Empowerment of Women and Girls. <https://interactions.eldis.org/unpaid-care-work/country-profiles/kenya/social-economic-and-political-context-kenya> (accessed 26.06.2022)

¹¹ Микропредприниматели – предприниматели со скромными доходами, не имеющие возможности пользоваться финансовыми услугами банков. Микропредпринимательство – мельчайшая форма бизнеса, распространенная форма занятости в развивающихся странах.

¹² Расширение прав и возможностей женщин в целях укрепления роли политических партий. Программа развития ООН. Национальный демографический институт. ООН, Нью-Йорк. 2011.

¹³ Гражданские волнения в Тунисе и Египте – часть «арабской весны», охватившей большую часть арабского мира в начале 2010-х гг. (прим. авт.).

В 2013 г. структура «ООН-Женщины» помогла создать Египетский женский союз, состоящий из 500 групп женщин-единомышленниц, а также Египетскую коалицию за воспитание гражданских качеств и участие женщин, выполняющую функции надзорного избирательного органа. При содействии «ООН-Женщины» осуществлялась правительственная инициатива «Права и обязанности женщин», заключающаяся в выдаче удостоверений личности 2 млн египтянок, что позволило им в дальнейшем участвовать в выборах и получить доступ к государственным услугам¹⁴.

«ООН-Женщины» активно действует в Буркина-Фасо, Чаде и Мали совместно с Фондом ООН в области народонаселения (ЮНФПА) и Миссией многомерной интеграции Объединенных Наций по стабилизации в Мали (МИНУСМА), осуществляя программу по улучшению доступа к правосудию и безопасности для женщин – жертв сексуального и гендерного насилия.

В рамках работы ООН по усилению роли женщин в Сахельском регионе Канцелярия Специального посланника совместно со структурой «ООН-Женщины», Африканским союзом и в партнерстве с правительством Чада организовала в июле 2015 г. в Нджамене Форум женщин Сахеля. Его цель заключалась в формировании более полного представления о положении женщин, проживающих в этом регионе, и определении новых приоритетных задач и конкретных мер, необходимых для осуществления региональных и международных инициатив в отношении Сахеля. В работе форума приняли участие специалисты по гендерным вопросам, парламентарии, женщины из сельских районов и представители гражданского общества из Буркина-Фасо, Мавритании, Мали, Нигера и Чада.

В настоящее время «ООН-Женщины» и другие структуры ООН оказывают поддержку в реализации декларации, принятой на форуме, в частности положений о создании региональной платформы женщин Сахеля. Эта платформа призвана подготавливать региональные аналитические материалы о положении женщин, что расширяет возможности участия женщин в поддержании мира и безопасности, содействует общему социально-экономическому развитию в Сахельском регионе [4].

«ООН-Женщины» прикладывает немалые усилия по реализации ранее принятых программных документов в отношении общественного развития и неразрывно связанного с ним представительства женщин в органах власти. Данные, проанализированные за период с 2015 по 2019 г. показали, что в 2019 г. 13 африканских стран достигли целевого показателя в 30% и более женщин в парламенте, установленного в Пекинской декларации, принятой ООН по итогам Четвертой Всемирной конференции женщин 15 сентября 1995 г., и Платформе действий. Это результат принятия странами континента в своей национальной политике рекомендаций ЦУР по достижению гендерного равенства, расширению прав и возможностей женщин.

В своей работе на африканском направлении «ООН-Женщины» особое внимание уделяет работе с молодежью. В основу этой деятельности заложена «Молодежная стратегия ООН до 2030 года», реализация которой началась осенью 2018 г.

Региональная стратегия организации «ООН-Женщины» по вовлечению молодежи обоего пола в общественно-политическую и экономическую жизнь своих стран основана на глобальных и региональных планах, декларациях, политике и обязательствах в отношении инклюзивного, преобразующего и устойчивого развития, а также на анализе отчетов и отзывах консультативных совещаний, которые требуют согласованной выверенной структуры для расширения прав и возможностей и привлечения молодежи в регионе, в частности молодых женщин. Примерами таких деклараций и обязательств являются Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Пекинская декларация и Платформа действий, Кампания по обеспечению равенства поколений, начатая в 2019 г., а также Глобальная повестка дня на период до 2030 года и Глобальная стратегия «ООН-Женщины» в отношении молодежи и гендерного равенства. Реализация программ по вовлечению африканской молодежи в различные сферы общественной жизни и экономической деятельности, рассчитанных на 2022–2025 гг., опирается на региональные и страновые отделения «ООН-Женщины»¹⁵.

¹⁴ Исполнительный совет Структуры Организации Объединенных Наций по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин. ООН. Ежегодная сессия. 2013 г., 25–27 июня. Нью-Йорк, 2013.

¹⁵ Youth Leap into Gender Equality. UN Women's Youth and Gender Equality Strategy: Empowered Young Women and Young Men as Partners in Achieving Gender Equality. UN Women. 2017. <https://africa.unwomen.org/sites/default/files/Field%20Office%20Africa/Attachments/Events/youth/Youth-Leap-into-Gender-Equality.pdf> (accessed 23.08.2022)

ПЛАНЫ ПО БОРЬБЕ С СЕКСУАЛЬНЫМ НАСИЛИЕМ И НЕРАВЕНСТВОМ

Примером успешной работы «ООН-Женщины» в плане искоренения агрессии по отношению к представительницам слабого пола является программа «Безопасные города, свободные от насилия в отношении женщин» – часть программы «Глобальная инициатива по безопасности городов», инициированная структурой «ООН-Женщины» в 2010 г. Цель программы – предотвращение и сокращение сексуального домогательства в общественных местах более чем в 20 египетских городах. Контролирующие исполнение программы координационные центры находятся в городах Эзбет Эль-Хаггана, Маншият-Насер и Имбаба, где процент женщин, подвергшихся насилию (76%, 82% и 68% соответственно), является самым высоким в стране. Благодаря общественным силам принимаются профилактические меры в отношении насилия над женщинами, проводится широкая кампания в средствах массовой информации с целью защиты прав женщин [5].

Помимо Египта, в реализации программы «Безопасные города...» участвовали, в частности, Руанда (г. Кигали), ЮАР (г. Кейптаун), Марокко (г. Марракеш), Кения (г. Найроби) [6, р. 5].

По словам Х. Томукунде, вице-мэра Кигали, столица Руанды как один из пяти пилотных городов этой программы выдвинула несколько важных инициатив, в частности, относительно безопасности общественного транспорта для женщин, молодежи и детей. Совместно с организациями гражданского общества был проведен общегородской песенный конкурс под названием «Пой о Кигали. Город для женщин и девочек», участники которого призывали прекратить сексуальные домогательства в отношении женщин и девочек [6, р. 7]. С.Клэйтон, сотрудница городской администрации Кейптауна, сообщила, что власти Кейптауна, присоединившегося к программе «Безопасные города, свободные от насилия в отношении женщин», решили сосредоточить внимание на безопасности женщин и девочек при доступе к общественному транспорту и пользовании им, что является важнейшим фактором в построении инклюзивного города [6, pp. 8–9].

В 2020 г. вышел в свет доклад «Прогресс женщин в 2019–2020 годах. Семьи в меняющемся мире», подготовленный структурой «ООН-Женщины» совместно с Африканским банком развития и Экономической комиссией для Африки. В докладе отмечался достигнутый прогресс в отношении гендерного равенства и конституционных гарантий прав женщин, подчеркивалась важность возможности трудоустройства женщин и получения ими дохода как фактора экономической самостоятельности [7, р. 36]. В то же время, подчеркивалось в докладе, большинство фундаменталистских движений поддерживают традиционные формы семьи и ограничения прав женщин, что укрепляет господствующее положение мужчин и подчиненное положение женщин, создавая тем самым общественные нормы, признающие и оправдывающие насилие в отношении женщин и девочек в семье [7, р. 185].

По данным авторов доклада, континент набрал 48,6% в Африканском гендерном индексе, отражающем состояние гендерного равенства в 51 из 54 африканских стран. Этот показатель свидетельствует о значительном гендерном неравенстве в важнейших областях общественного развития. Таким образом, предстоит большая работа по обеспечению равных прав с мужчинами для африканских женщин.

ВЛИЯНИЕ COVID-19 НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ

Пандемия COVID-19¹⁶ поставила под угрозу успехи африканских стран в направлении гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин, задекларированных в ЦУР-5. Кроме того, ограничение передвижения, срыв программ по прекращению гендерного насилия, психологический стресс, вызванный COVID-19, и сокращение доходов домохозяйств привели к увеличению числа фактов гендерного насилия во всем мире, в том числе в Африке.

Согласно докладу структуры «ООН-Женщины», основанному на данных опросов, проведенных в 13 странах и посвященному уровню гендерного насилия во время COVID-19, почти каждая вторая женщина сообщила, что она или её знакомая подвергались насилию в той или иной форме после начала пандемии. Таким образом, гендерное насилие наносит ущерб не только женщинам и девочкам, но и об-

¹⁶ Пандемия COVID-19 была подтверждена в Африке 14 февраля 2020 г. В той или иной степени пандемией были охвачены все страны континента (прим. авт.).

ществу в целом, а также достижению всех Целей устойчивого развития к 2030 году и программе «Повестка дня до 2063 г. Африка, какой мы хотим её видеть».

Как заявил председатель Африканского союза и президент Республики Сенегал М.Салл, «Африка не может развиваться, пока миллионы женщин и молодых девушек продолжают страдать от жестокого обращения, неравенства и дискриминации. Настало время развернуть масштабные действия по искоренению гендерного неравенства и расширению прав и возможностей женщин и девочек»¹⁷.

Пандемия *COVID-19*, нанося экономический ущерб всему континенту, негативно отразилась и на женском предпринимательстве. Малые и средние предприятия, возглавляемые женщинами, подверглись большему риску закрытия, чем предприятия, управляемые мужчинами, поскольку они, как правило, работают в отраслях с более низкой рентабельностью, связанных с оказанием услуг. Эта ситуация усугубляется из-за ограниченного доступа женщин к финансам, изменений в поведении потребителей и увеличении обязанностей женщин по ведению домашнего хозяйства в результате длительных карантинных мер.

В июле 2020 г. «ООН-Женщины» совместно с Африканским банком развития в интересах женщин в Африке (*AFAWA*) и правозащитной организацией *ImpactHER* подготовили аналитическую записку «Преобразующие политические решения для поддержки возглавляемых женщинами предприятий в Африке в мире после *COVID-19*», содержащую результаты опроса *ImpactHER* среди женщин, возглавляющих более 1300 малых предприятий в 30 африканских странах, о влиянии *COVID-19* на их бизнес. Под эгидой «ООН-Женщины» состоялся вебинар с участием более 200 человек, обсуждавших с коллегами стратегии, направленные на достижение женщинами-предпринимателями положительных результатов. Модератором вебинара выступила Елена Руис – региональный советник по вопросам расширения экономических возможностей женщин в Западной и Центральной Африке. «Мы надеемся, что это мероприятие поможет женщинам-предпринимателям и возглавляемым женщинами предприятиям после *COVID-19*, а также поможет правительствам и другим субъектам построить экономику после *COVID* так, чтобы не воспроизводить гендерное неравенство», – подчеркнула Е.Руис [8].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работа, проводимая в африканских странах сотрудниками и волонтерами структуры «ООН-Женщины», весьма разнопланова. Несомненно, она приносит свои плоды и в вовлечении африканок в экономические процессы, и в активизации их участия в общественно-политической жизни своих стран. Однако, как представляется, этой организации необходима большая поддержка национальных правительств, поскольку гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин – не просто вопрос соблюдения прав человека, а необходимое условие обеспечения всестороннего, справедливого и устойчивого развития в каждой стране.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Шведова Н.А. ООН: Гендерные измерения XXI столетия. <http://novznania.ru/2015/02/16/оон-гендерные-измерения-xxi-столетия/> (accessed 14.06.2022)
Shvedova N.A. UN: Gender Dimensions of the XXI century. (In Russ.). 16.02.2015. <http://novznania.ru/2015/02/16/оон-гендерные-измерения-xxi-столетия/> (accessed 14.06.2022)
2. Няунгуа М. De Beers и «ООН-Женщины» помогут женщинам-микропредпринимателям в Южной Африке. Экспертно-аналитическое агентство по мировой горной добыче, рынкам драгоценных камней и металлов «Rough&Polished». <https://www.rough-polished.com/ru/news/111580.html> (accessed 29.06.2022)
Nyaungua M. De Beers and «UN Women» will help women micro-entrepreneurs in South Africa. Expert and analytical agency for global mining, precious stones and metals markets «Rough&Polished». (In Russ.). 29.08.2018. <https://www.rough-polished.com/ru/news/111580.html> (accessed 29.06.2022)
3. Новикова Е.А. «ООН-Женщины» – решение вопроса гендерного неравенства в политическом лидерстве. *Власть*. 2012. № 9. С. 126–127.
Novikova E.A. 2012. «UN Women» – solving the issue of gender inequality in political leadership. *Power*. № 9. Pp. 126–127. (In Russ.)

¹⁷ UNDP Gender Equality Strategy: 2020 Annual Report. United Nations Development Programme. <https://www.undp.org/publications/undp-gender-equality-strategy-2020-annual-report> (accessed 23.06.2022)

4. Гришина Н.В. Между традициями и современностью. Женщины стран Сахеля. *Гендерные аспекты африканской культуры. Между архаикой и современностью. Сборник научных статей*. М.: ИАФР РАН, 2022. С. 39. ISBN 978-5-91298-278-1.
Grishina N.V. 2022. Between traditions and modernity. Women of the Sahel countries. *Gender aspects of African culture. Between archaic and modernity. Collection of scientific articles*. Moscow. P. 39. (In Russ.). ISBN 978-5-91298-278-1.
5. Кудлай М.Д. Роль деятельности «ООН-Женщины» в арабском мире. *The Newman in Foreign Policy*. № 36 (80). Март-апрель 2017. С. 3.
Kudlay M.D. 2017. The Role of Activity of “UN-Women” in the Arab World. *The Newman in Foreign Policy*. № 36(80). March-April. P. 3. (In Russ.)
6. Safe Cities for Women and Girls in Action: Implementation Essentials and Key Takeaways. UN Women. New York, 2015.
7. «Прогресс женщин в 2019–2020 годах. Семьи в меняющемся мире». ООН-Женщины. 2019.
“Women’s progress in 2019–2020. Families in a changing world”. UN Women. 2019. (In Russ.). www.progress.unwomen.org (accessed 29.07.2022)
8. Affirmative Finance Action for Women in Africa, ImpactHER and “UN Women” Policy Brief exposes disadvantages to women entrepreneurs in post COVID-19 era, offers solutions. African Development Bank Group. 16.07.2020.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Гришина Нина Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Nina V. Grishina, PhD (History), Senior Research Fellow, Center of Sociological and Politological Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Ксенофонтова Наталия Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, зав. Редакционно-издательским отделом, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Natalia A. Ksenofontova, PhD (History), Senior Research Fellow, Head, Editorial and Publishing Department, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 12.10.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 14.01.2023

Принята к публикации
(Accepted) 20.02.2023

Африканский экзархат Русской православной церкви (РПЦ): причины создания и перспективы

© Воронина Н.А.^а, 2023

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-4077-0942; natalis987@gmail.com

Резюме. В статье исследуется недавнее (декабрь 2021 г.) создание Африканского экзархата Русской православной церкви (РПЦ), связанное с признанием Александрийской православной церковью (АПЦ) автокефальности (независимости) Православной церкви Украины (ПЦУ) и последующим разрывом отношений между АПЦ и РПЦ. Сразу после создания Африканского экзархата более 100 африканских клириков вышли из-под юрисдикции АПЦ и перешли под юрисдикцию РПЦ. Причины активного перехода православных церквей в Африканский экзархат связаны не только с каноническими вопросами, т.е. нежеланием иметь отношение к церковному расколу, но и с политикой АПЦ в Африке. Африканский экзархат же, напротив, прикладывает все усилия и для решения текущих гуманитарных вопросов, и для выстраивания долгосрочного равноправного сотрудничества с православными церквями в Африке. Анализ событий, предшествовавших созданию экзархата, позиций АПЦ и РПЦ, а также стратегии расширения может пролить свет на перспективы Африканского экзархата РПЦ.

Ключевые слова: Африканский экзархат Русской православной церкви, Патриарший экзархат Африки, Александрийская православная церковь, Православная церковь Украины

Для цитирования: Воронина Н.А. Африканский экзархат Русской православной церкви (РПЦ): причины создания и перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 3. С. 63–69. DOI: 10.31857/S032150750024996-7

The African Exarchate of the Russian Orthodox Church (ROC): Reasons for the Establishment and Prospects of Further Expansion

© Natalia A.Voronina^а, 2023

^а Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences
ORCID: 0000-0003-4077-0942; natalis987@gmail.com

Abstract. The article examines the recent (December 2021) establishment of the African Exarchate of the Russian Orthodox Church (ROC), which was related to the recognition of autocephaly (independence) by the Alexandrian Orthodox Church (APC) of the Orthodox Church of Ukraine (PCU), and the subsequent rupture of relations between the APC and the ROC. Straight after the establishment of the African Exarchate, more than 100 African clerics left the jurisdiction of the APC and came under the jurisdiction of the ROC. The reasons for the active transition of Orthodox churches to the African Exarchate of ROC are connected not only with canonical issues, that is, unwillingness to be related to the church schism, but also with the policy of the APC in Africa. The African Exarchate, on the contrary, makes every effort to resolve current humanitarian issues and to build long-term cooperation on equal footing with the Orthodox Churches in Africa. An analysis of the events preceding the establishment of the Exarchate, the positions of the UOC and the ROC, as well as the expansion strategy may shed light on the prospects of the African Exarchate of the ROC.

Keywords: The African Exarchate of the Russian Orthodox Church (ROC), the Patriarchal Exarchate of Africa, the Alexandrian Orthodox Church (AOC), the Orthodox Church of Ukraine (OCU).

For citation: Voronina N.A. The African Exarchate of the Russian Orthodox Church (ROC): Reasons for the Establishment and Prospects of Further Expansion. *Asia and Africa today*. 2023. № 3. Pp. 63–69. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024996-7

ВВЕДЕНИЕ

Африканский экзархат¹ Русской Православной Церкви (РПЦ) был создан в конце 2021 г. в ответ на признание патриархом Александрийской церкви Феодором II автокефалии (независимости) Православ-

¹ Экзархат (от греч. ἑξάρχος (экзархос) – глава, руководитель) – церковная область за пределами страны, в которой находится резиденция патриарха (прим. авт.).

ной церкви Украины (ПЦУ) [1] в ноябре 2019 г. и последующую эскалацию противоречий. В признании автокефалии ПЦУ Александрийская православная церковь последовала вслед за Константинопольской (январь 2019 г.) и греческой Элладской православными церквями (октябрь 2019 г.). РПЦ назвала признание автокефалии ПЦУ со стороны Александрийской церкви, которая считается «второй по чести» [1], неканоническим, или «раскольническим», а все стороны, сотрудничающие с ПЦУ, – «раскольниками» [1]. Заявленной целью Африканского экзархата стало выведение из-под юрисдикции АПЦ православных общин в Африке, не желающих иметь отношение к «раскольнической» политике АПЦ.

Так как АПЦ рассматривает весь Африканский континент, за исключением территории Синайского полуострова, как зону своей юрисдикции, создание Африканского экзархата РПЦ в ответ на признание автокефальности ПЦУ было охарактеризовано АПЦ как решение, вызвавшее «глубочайшую скорбь».

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

На начало 2019 г. Киевская митрополия находилась под юрисдикцией Московского патриархата уже более трех столетий, начиная с XVII в. Помимо канонической Украинской православной церкви Московского патриархата (учреждена в 1990 г.), на Украине действовали неканонические, т.е. не признанные РПЦ, церкви: Украинская православная церковь Киевского патриархата (создана в 1992 г.) и Украинская автокефальная православная церковь [2] (создана в 1917 г., распущена в 1930 г., в 1989 г. возобновила деятельность [2])². В 2018 г. при содействии Константинопольской православной церкви Украинская православная церковь Киевского патриархата и Украинская автокефальная православная церковь объединились в одну, образовав Православную церковь Украины (ПЦУ) [3].

6 января 2019 г. после совместной службы Константинопольского патриарха и патриарха ПЦУ в стамбульском соборе Константинопольский патриарх подписал томос (указ) об автокефалии ПЦУ. Присутствовавший на подписании П.Порошенко назвал это «победой добра над злом, света над мраком», а до этого он охарактеризовал религиозное единство Украины и России как «прямую угрозу безопасности Украины» [4].

В ответ на признание ПЦУ Константинополем глава РПЦ патриарх Кирилл отметил: «С чужих мыслей и с чужих слов Константинопольский патриарх совершил то, что совершил... под давлением могущественной политической силы, связанной с одной из сверхдержав». В октябре 2019 г. Элладская православная церковь поддержала решение Константинополя. В ноябре 2019 г. патриарх Александрии Феодор II также признал автокефалию ПЦУ [1].

Стремление украинских православных церквей к автокефалии связано с политическими процессами на постсоветском пространстве, оценка которым дана патриархом Кириллом: «Украинскую церковь пытаются вовлечь в глубокий конфликт, разделяющий общество, и сделать её заложницей этого конфликта... Происходят насильственные захваты храмов, игнорируются решения судов, ведется клеветническая информационная кампания против церкви, в украинском парламенте предлагаются законопроекты, цель которых – дискриминировать и поставить в тяжелейшие условия крупнейшую религиозную общину страны... Наша Церковь никогда не оставит в беде своих собратьев на Украине и не откажется от них» [2].

В 2020–2021 гг. Александрийский патриархат поддерживал отношения с ПЦУ. В ответ РПЦ начала свое продвижение на африканском континенте. Первые шаги были сделаны еще в декабре 2019 г., когда было принято решение о переходе «русских» приходов (где прихожане – граждане России или русскоговорящие) под юрисдикцию РПЦ. С этого момента, по словам представителей церкви [5], и коренные африканцы начали обращаться в РПЦ с просьбой принять их под свою юрисдикцию. Понимая важность такого шага и его последствия, руководство церкви предпринимало попытки по налаживанию отношений с Александрией, но безуспешно.

В августе 2021 г. Александрийский патриарх провел совместную службу с патриархом ПЦУ. Ответной реакцией РПЦ стало решение в декабре 2021 г. о принятии под свою юрисдикцию африканских православных общин. Для координации этих общин 29 декабря 2021 г. Священный Синод принял решение об учреждении экзархата. Согласно «Внутреннему положению о Патриаршем экзархате Африки» от 24 марта 2022 г. «Патриарший экзархат Африки является каноническим подразделением РПЦ,

² Подробнее про историю украинских православных церквей см. [5, pp.393–415; 10] (прим. авт.).

созданным в целях координации богослужебной, религиозно-просветительской, издательской, социальной, образовательной и миссионерской деятельности епархий и других канонических подразделений РПЦ» [6]. В тот же день Священный Синод РПЦ принял 102 клирика из 8 африканских стран под юрисдикцию Африканского экзархата РПЦ. Уже к концу июля 2022 г. число присоединившихся африканских клириков увеличилось вдвое.

В состав Африканского экзархата вошли две епархии – Северо-Африканская (31 страна) и Южно-Африканская (23 страны)³ [7]. Главой экзархата назначен Митрополит Клинский Леонид Горбачев, который заявил, что Африканский экзархат РПЦ – это «абсолютно новая мощная структура континентального масштаба, которая требует скрупулезного, детального изучения и проработки» [8]. Штаб-квартира экзархата находится в районе Китай-город (Москва, Россия), в бывшей резиденции представителя Александрийского экзархата. В июле 2022 г. экзархат получил первое свидетельство о регистрации в Африке – Центральноафриканской Республике.

ПОЗИЦИЯ АПЦ

АПЦ болезненно отреагировала на решение о создании Африканского экзархата РПЦ и выход за один день более 100 клириков из-под своей юрисдикции.

10–12 января 2022 г. проходило заседание Священного Синода АПЦ, по итогам которого было опубликовано заявление, где учреждение Африканского экзархата РПЦ называлось «аморальным вмешательством Русской церкви» вопреки правилам православия [9]. В заявлении утверждалось, что «это антиканоническое... вмешательство Русского Патриархата... продиктовано далеко не христианскими мотивами» [9], и что африканские священнослужители, переходящие под юрисдикцию РПЦ, будут сурово наказаны [9].

При этом АПЦ не считает, что признание ею автокефалии ПЦУ является неканоническим, ссылаясь, во-первых, на то, что Константинопольская и Элладская православные церкви признали автокефальность ПЦУ еще раньше в том же 2019 г. Более того, представители Александрийской церкви считают признание ПЦУ правомерным в связи с конфликтом, разворачивающимся на Украине после 2014 г. На своем официальном сайте АПЦ осуждает создание и расширение присутствия Африканского экзархата РПЦ, а также сообщает о встречах с православными лидерами разных стран для разъяснения своей позиции и мотивов РПЦ.

Ряд греческих, британских и американских СМИ поддержали позицию АПЦ, а также приветствовали признание автокефалии ПЦУ Константинопольским престолом.

Греческий исследователь Георгий Гамакополус из Института Фордхэм подчеркнул в интервью изданию «Атлантик», что признание автокефалии Украины является крупным геополитическим поражением для РПЦ [4]. В статье американской газеты «Нью-Йорк Таймс» утверждается, что Константинопольский патриарх – «духовный лидер» православного мира, и его решение не подлежит оспариванию [10], а журнал «*Ukrainian Week*» счел признание автокефальности «угрозой российскому империализму» [11].

Сотрудники шведского Института политики безопасности и развития считают, что «для Кремля РПЦ – всего лишь инструмент ...по трансформации посткоммунистического геополитического пространства в интересах России» [12]. В статье со ссылкой на Украинскую службу Би-би-си утверждается, что признание автокефалии ПЦУ Александрийским патриархом Феодором – сигнал остальным православным церквям, многие из которых могут последовать примеру одной из старейших православных церквей [13]. Глава Центра экуменических, миссиологических и природных исследований (ЦЕМЕС) Профессор П.Василиадис заявил, что «большинство украинцев рассматривают Россию как страну-агрессора, а Московского патриарха как персону нон грата» [14].

ПОЗИЦИЯ РПЦ

Позиция РПЦ заключается в том, что признание автокефальности ПЦУ является неканоническим, раскольническим и продиктовано политическими причинами, в то время как создание Африканского

³ Список африканских стран в сфере ответственности экзархата, см. [6, п. 3] (прим. авт.).

экзархата РПЦ стало лишь вынужденной реакцией на обращения африканцев, не желающих быть связанными с расколом, инициированным Александрией. Глава Африканского экзархата митрополит Клинский Леонид подчеркивал, что решение о признании автокефальности ПЦУ было принято патриархом Феодором единолично, без созыва Священного Синода и без консультаций с епископатом, что противоречит сложившимся церковным правилам [15].

Представители РПЦ неоднократно утверждали, что до 2019 г. считали Африку территорией под юрисдикцией Александрийского патриарха. На заявление Священного Синода АПЦ от 12 января 2022 г. Священный Синод РПЦ через 10 дней ответил, что решение об учреждении Африканского экзархата РПЦ было принято только после того, как «Александрийский патриархат признал независимость украинских раскольников», и что РПЦ не «претендует на каноническую территорию древней Александрийской церкви», а просто «оказывает каноническую защиту тем православным клирикам Африки, кто не желает участвовать в незаконной легитимизации раскола на Украине» [16].

Своей задачей в Африке РПЦ видит помощь православным в их стремлении не быть замешанными в церковном расколе. Вопрос о расколе и раскольниках – болезненный для церковной среды. После признания АПЦ автокефалии ПЦУ православные русские на Африканском континенте уже не могли посещать церкви АПЦ, т.к. это приравнивается к поддержке украинских «раскольников». А православные священники, отправленные РПЦ в Африку, уже не готовы были упоминать Александрийского патриарха во время службы.

Как сказано во втором правиле Антиохийского собора⁴, «...да не будет же позволено иметь общение с отлученными от общения... Если же кто из епископов, пресвитеров, диаконов или кто-либо из клира окажется сообщаящимся с отлученными от общения, да будет и сам вне общения церковного как производящий замешательство в церковном чине» [17]. То есть входящий в общение с раскольниками сам становится раскольником. Таким образом, следуя второму правилу Антиохийского собора, допустимо принимать под свою юрисдикцию клириков, которые хотели бы уберечь себя от раскола.

Отдельные представители РПЦ высказывают точку зрения, что юрисдикция АПЦ в Африке не безусловна и что Русская православная церковь просто восстанавливает свое каноническое присутствие в Африке. Согласно Георгию Максимову, иерею РПЦ, члену Экспертного совета при Министерстве юстиции РФ по противодействию религиозному экстремизму, до XX в. Александрийский патриархат не претендовал на весь Африканский континент как на свою каноническую территорию. Общепризнанной канонической территорией Александрийского патриархата была территория современных Ливии, Египта и Эфиопии [5].

Ближе к 1930 г. Александрийский патриарх Метаксакис принял решение о том, что юрисдикция Александрийской православной церкви должна распространяться на весь Африканский континент, и стал называть себя «патриархом Александрийским и всей Африки» [5]. Решение Метаксакиса было единоличным и не было согласовано с другими церквями.

Де-факто расширение присутствия Александрийского престола на Африканском континенте стало осуществляться уже во второй половине XX в. Долгое время другие православные церкви не критиковали, но и не поддерживали деятельность Александрии в Африке. Только в 2001 г. Константинопольской патриарх Варфоломей издал томос о признании юрисдикции АПЦ в Африке.

При этом и у юрисдикции Русской православной церкви в Африке есть своя история. Еще до решения патриарха Метаксакиса на территории Африканского континента были учреждены приходы РПЦ Московского патриархата: в 1914 г. в Египте, в 1920 г. в Бизерте (Тунис), в 1922 г. в Алжире, в 1927 г. в Рабате и Касабланке (Марокко).

Таким образом, утверждает Г.Максимов, т.к. Александрийская церковь выбрала путь раскола, РПЦ предприняла усилия по восстановлению на Африканском континенте своей юрисдикции, история которой насчитывает более 100 лет.

ПРИЧИНЫ АКТИВНОГО ПЕРЕХОДА АФРИКАНСКИХ ЦЕРКВЕЙ В РПЦ

Вызывают вопрос причины, по которым многие африканские клирики с готовностью переходят под юрисдикцию РПЦ. В декабре 2021 г. при создании Африканского экзархата Священный Синод РПЦ

⁴ Правила Антиохийского собора 339–341 гг., принятые всей церковью, являются каноническими (*прим. авт.*).

принял прошение от 102 африканских клириков. Согласно иерею РПЦ Г.Максимову, на 14 января 2022 г. около половины всех православных клириков в Африке подали прошение о переходе в юрисдикцию Русской православной церкви [5]. При этом африканское духовенство прекрасно понимает, что переход чреват серьезными последствиями как для африканских церквей, так и для их священников, принявших такое решение.

Экзарх митрополит Леонид выделяет следующие причины: несогласие с признанием автокефальности ПЦУ по «каноническим соображениям» [15, 48:43]; социальные проблемы, игнорируемые АПЦ, и «слабая забота о пастве» [15, 51:32].

Рассмотрим некоторые из причин более подробно.

Во-первых, ряд африканских клириков согласны с РПЦ в том, что признание автокефалии ПЦУ со стороны Александрийской православной церкви – это неканонический раскол, связанный с политическими причинами. В конце декабря 2019 г. 102 африканских клирика выразили несогласие с признанием ПЦУ в открытом и нескольких закрытых письмах в Александрию.

Когда африканское духовенство видит, что АПЦ вмешивается в политику Украины, оно может начать задаваться вопросом, не может ли АПЦ однажды вмешаться в политическую жизнь африканских стран? Уже сейчас Александрийский патриарх никак не вовлекал африканский клир в обсуждение вопроса автокефальности ПЦУ. Со слов митрополита Леонида, когда Александрийский патриарх приехал в одну из африканских стран, то на вопрос клириков об автокефалии ПЦУ он ответил: «Это не ваше дело, это между мной и патриархом Кириллом». Митрополит при этом не уточнил, о какой именно стране шла речь [15].

Во-вторых, африканских клириков не устраивает отношение к ним со стороны АПЦ. Г.Максимов, посетивший многие православные приходы на Африканском континенте, упоминает отсутствие карьерного роста священников как одну из причин. Из 37 епископов АПЦ только 5 – африканцы, 1 – араб и 31 – грек [18]. Епископы АПЦ не проживают в Африке постоянно: они живут в Греции и посещают Африку около двух недель в году, дарят местным жителям греческие флаги, раздают гуманитарную помощь (в т.ч. одежду секонд-хенд), делают несколько фотографий для отчетов и спешат домой.

В качестве еще одной причины недовольства Г.Максимов упоминает сегрегацию. Например, в Замбии в одном приходе существует две разных православных церкви – для белых и для черных, и африканец не может зайти в церковь для белых. Когда Александрийский патриарх приехал в Танзанию в октябре 2021 г., он встречался только с греками и даже не вышел к африканским священникам. Среди ситуаций, при которых Г.Максимов не присутствовал лично, но о которых слышал, был случай, когда греческий епископ публично отчитал африканского клирика в Конго, назвав его «черной обезьяной» [5]. Среди греческих миссионеров были и пасторы, с любовью относящиеся к африканским прихожанам и клирикам, но такие пасторы не отражали общую политику АПЦ [5].

Еще одно обстоятельство – православные церкви в Африке полностью зависят от средств, поступающих из Александрии. Местным жителям, предприятиям и другим организациям не разрешается делать пожертвования. При этом остро стоит проблема недофинансирования. Так как вознаграждение африканских священников АПЦ – менее \$100, то им приходится работать после службы в церкви. Иерей Г.Максимов приводит дошедшую до него историю танзанийского священника, который умер от истощения после отказа Александрийского патриарха в оказании ему финансовой помощи [5].

ПЕРСПЕКТИВЫ АФРИКАНСКОГО ЭКЗАРХАТА РПЦ

Рассуждая о перспективах РПЦ на Африканском континенте, нам следует понять, заинтересована ли РПЦ в расширении своего влияния в Африке.

Согласно утверждениям руководства экзархата, РПЦ никогда не стремилась бросать вызов АПЦ в Африке и решила на это сейчас, только когда все остальные возможности были исчерпаны. Значит ли это, что, если АПЦ вдруг откажется от ПЦУ, то экзархат РПЦ в Африке будет расформирован?

В выступлении от 16 февраля 2022 г. глава Африканского экзархата митрополит Леонид заявил, что экзархат не будет распущен даже в случае нормализации отношений с АПЦ: «Если завтра блаженный Патриарх Александрийский Феодор отзовет свое решение о признании раскольнической ПЦУ, мы незамедлительно сядем за стол переговоров и будем искать компромисс... Но экзархат упразднен не будет» [15].

О высокой степени заинтересованности РПЦ в укреплении своих позиций в Африке говорят цели и задачи, которые она ставит перед собой.

Согласно митрополиту Леониду, экзархат определил целый ряд краткосрочных и долгосрочных задач, которые не сводятся к духовному развитию и связаны с «широким спектром направлений от обеспечения гуманитарной миссии» [15], включая гуманитарную помощь, медпомощь, инфраструктурные проекты, до защиты прав христиан. Среди задач, к решению которых экзархат приступил сразу же, – помощь священникам и семьям, которых АПЦ выгнала на улицу [15]. Среди стратегических задач можно упомянуть обучение африканского епископата. Уже сейчас отобраны студенты, которые в ближайшее время начнут обучение в Москве под наставничеством экзарха Леонида [15, 48:58]. Экзархат также активно проводит встречи с президентами, премьер-министрами, главами дипломатических ведомств [15].

Экзархат уже поддерживает африканские православные общины, а также прорабатывает стратегические программы развития, т.е. Русская православная церковь пришла на Африканский континент всерьез и надолго.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Создание Патриаршего экзархата в Африке является эпохальным событием, бóльшим, чем просто восстановление присутствия РПЦ на Африканском континенте или использование «мягкой силы» в геополитической борьбе. РПЦ отстаивает традиционные православные ценности и в России, и в других странах, заявляя о своей международной субъектности, а также вносит вклад в межкультурный и межкультурный диалог, формируя пространство общих ценностей, что благотворно скажется на других сферах взаимодействия с африканскими странами.

Тем не менее значимость создания экзархата лежит скорее в символической плоскости, нежели в практической. Прежде чем можно будет говорить о широкомасштабном присутствии экзархата в Африке, количество африканских клириков, присоединившихся к РПЦ, должно вырасти многократно, что потребует больших ресурсов. Успешная реализация столь масштабных проектов возможна лишь при поддержке общества и различных государственных структур. Наконец, для успешного распространения влияния РПЦ в долгосрочной перспективе важно заниматься не только решением конкретных насущных проблем, будь то трудности с питьевой водой или судьба изгнанных из домов священников, но и выстраиванием стратегии распространения традиционных православных ценностей на Африканском континенте, построенной на выверенном компромиссе между уважением к местным традициям и культуре, с одной стороны, и приверженностью базовым и наиболее значимым православным принципам, правилам – с другой.

Такой подход, основанный на коллективных общинных ценностях, должен создать почву для активного распространения православия в Африке в долгосрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Предстоятель Александрийской церкви признал ПЦУ вопреки своему обещанию. 08.11.2021. https://tsargrad.tv/news/predstojatel-aleksandrijskoj-cerkvi-priznal-pcu-vopreki-svoemu-obeshhaniju_225075 (accessed 10.07.2022)
The Primate of the Church of Alexandria recognized the PCU contrary to his promise. (In Russ.). https://tsargrad.tv/news/predstojatel-aleksandrijskoj-cerkvi-priznal-pcu-vopreki-svoemu-obeshhaniju_225075 (accessed 10.07.2022)
2. Косенок А., Чернышева Е., Шкуренок О., Козичев Е. Что нужно знать о расколе православной церкви на Украине. *Коммерсант*. 01.12.2017.
Kosenok A., Chernysheva E., Shkurenko O., Kozichev E. What you need to know about the split of the Orthodox Church in Ukraine. *Kommersant*. (In Russ.). <https://www.kommersant.ru/doc/3485919> (accessed 15.08.2022)
3. Православная церковь на Украине будет автокефальной. *РБК*. 15.12.2018. <https://www.rbc.ua/rus/news/poyavilsya-ustav-pravoslavnoy-tserkvi-ukrainy-1544905888.html> (accessed 12.08.2022)
The Orthodox Church in Ukraine to be Autocephalous. *RBC*. (In Russ.). <https://www.rbc.ua/rus/news/poyavilsya-ustav-pravoslavnoy-tserkvi-ukrainy-1544905888.html> (accessed 12.08.2022)
4. Deutch G. Ukraine's Spiritual Split from Russia Could Trigger a Global Schism. *Atlantic*. 11.10.2019. <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/10/ukraine-orthodox-church-independence-russia/571333/> (accessed 14.07.2022)

5. Про создание Африканского экзархата: канонический, исторический и прочие аспекты. Интервью Иерея Георгия Максимова. 14.01.2022. <https://www.youtube.com/watch?v=4sv5tbSgAjQ> (accessed 17.07.2022)
About the creation of the African Exarchate: canonical, historical and other aspects. Interview with Priest Georgy Maksimov. (In Russ.). <https://www.youtube.com/watch?v=4sv5tbSgAjQ> (accessed 17.07.2022)
6. Внутреннее положение о Патриаршем экзархате, утвержденное Священным Синодом, от 22.03.2022. <http://www.patriarchia.ru/db/text/5911551.html> (accessed 24.03.2022)
Internal Regulations on the Patriarchal Exarchate approved by the Holy Synod of 22.03.2022. (In Russ.). <http://www.patriarchia.ru/db/text/5911551.html> (accessed 24.03.2022)
7. Александрийский патриархат пригрозил наказанием тем, кто перейдет в РПЦ. *ИТАР-ТАСС*. 12.01.2022. https://tass.ru/obschestvo/13408301?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (accessed 22.06.2022)
The Patriarchate of Alexandria threatened to punish those in Africa who move to the exarchate of the Russian Orthodox Church. *ITAR-TASS*. 12.01.2022. (In Russ.). https://tass.ru/obschestvo/13408301?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (accessed 22.06.2022)
8. Митрополит Леонид: ядро африканского экзархата будет коваться в Москве. *РИА Новости*. <https://ria.ru/20211230/religiya-1766223233.html> (accessed 15.06.2022)
Metropolitan Leonid: The core of the African exarchate will be forged in Moscow. *RIA Novosti*. 12.01.2022. (In Russ.). <https://ria.ru/20211230/religiya-1766223233.html> (accessed 15.06.2022)
9. Patriarchate of Alexandria: we face an immoral blow from the Orthodox. 12.01.2022. <https://orthodoxtimes.com/patriarchate-of-alexandria-we-face-an-immoral-blow-from-the-orthodox-russians/> (accessed 22.07.2022)
10. Gall G. Ukrainian Orthodox Christians Formally Break from Russia. *New York Times*. 06.01.2019. <https://www.nytimes.com/2019/01/06/world/europe/orthodox-church-ukraine-russia.html> (accessed 17.03.2022)
11. Doroshenko D. After Autocephaly: What to expect after the Ukrainian Orthodox Church Receives Autonomy. *The Ukrainian Week*. 26.10.2018. <https://ukrainianweek.com/Politics/221781> (accessed 20.03.2022)
12. Tucker J. Menhard M. Ukrainian's Orthodox Autocephaly: Moscow's Proxy Dispute. 12.12.2018. <https://isd.eu/ukrainian-orthodox-autocephaly/> (accessed 27.06.2022)
13. Patriarch of Alexandria recognizes autocephaly of the Ukrainian Orthodox Church. *Ukrinform*. 19.08.2022. <https://www.ukrinform.net/rubric-society/2814476-patriarchate-of-alexandria-recognizes-autocephaly-of-ukrainian-orthodox-church.html> (accessed 17.07.2022)
14. Sereti M. The Ukrainian Autocephaly and its Consequences. 10.12.2018. <https://ocl.org/the-ukrainian-autocephaly-and-its-consequences/> (accessed 17.07.2022)
15. Горбачев Л. Патриарший экзархат Африки. Стратегия. Развитие. Будущее. Лекторий «Крапивенский 4». 16.02.2022. <https://www.youtube.com/watch?v=eeDd-fg3BUg> (accessed 05.08.2022)
Gorbachev L. Patriarchal Exarchate of Africa. Strategy. Development. Future. Lecture course "Krapivensky 4". (In Russ.). 16.02.2022. <https://www.youtube.com/watch?v=eeDd-fg3BUg> (accessed 05.08.2022)
16. Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви от 28 января 2022 года. https://tass.ru/obschestvo/13408301?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (accessed 22.06.2022)
Statement of the Holy Synod of the Russian Orthodox Church of January 28, 2022. (In Russ.). <http://www.patriarchia.ru/db/text/5891370.html> (accessed 27.07.2022)
17. Правила Антиохийского собора 341 г. 07.05.2016. <https://drevo-info.ru/articles/13674639.html> (accessed 01.03.2022)
Rules of the Council of Antioch 341. (In Russ.). <https://drevo-info.ru/articles/13674639.html> (accessed 01.03.2022)
18. Максимов Г. Об Александрийской Церкви: современные реалии. 11.12.2019. <https://www.youtube.com/watch?v=9F1OkIhFs-o> (accessed 19.08.2022)
Maximov G. About the Alexandrian Church: modern realities. 11.12.2019. (In Russ.). <https://www.youtube.com/watch?v=9F1OkIhFs-o> (accessed 19.08.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Воронина Наталья Александровна, кандидат исторических наук, н.с. Центра исследований Юга Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Natalia A. Voronina, PhD (History), Research Fellow, Centre for Southern Africa Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 19.12.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 21.01.2023

Принята к публикации
(Accepted) 28.02.2023

«День отважных детей»: сикхский вариант в общеиндийском контексте

© Демичев К.А.^а, 2023

^а Нижегородский институт управления,
филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации,
Нижний Новгород, Россия
ORCID: 0000-0003-2958-7856; kadem@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается реакция и дискуссия, прежде всего, в сикхской среде на решение премьер-министра Индии Нарендры Моди ввести новый общеиндийский праздник *Вир Баал Дивас* («День отважных детей»), который начиная с 2022 г. будет праздноваться каждое 26 декабря в память о мученической гибели сыновей 10-го сикхского гуру Гобинда Сингха.

Инициатива премьер-министра, при общем её положительном восприятии, разделила сикхов на сторонников безоговорочного принятия концепции нового праздника и тех, кто поддержал критический подход Комитета по управлению *гурдварами* (храмами) и сикхскую политическую партию *Акали дал*, посчитавших название праздника недопустимым и идущим вразрез с сикхской религиозной традицией.

Протокол празднования «Дня отважных детей» еще только разрабатывается, но, совершенно очевидно, это принципиально иной тип праздника, чем существующий в настоящее время День детей, приуроченный к 14 ноября – дню рождения Джавахарлала Неру.

Ключевые слова: Индия, сикхизм, Панджаб, *Вир Баал Дивас*, *Сахибзаде*, Нарендра Моди

Для цитирования: Демичев К.А. (Нижний Новгород). День отважных детей: сикхский вариант в общеиндийском контексте. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 3. С. 70–76. DOI: 10.31857/S032150750020986-6

Brave Children's Day: The Sikh Version in the General Indian Context

© Kirill A. Demichev^а, 2023

^а Nizhny Novgorod Institute of Management,
Branch, Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration (RANEPA),
Nizhny Novgorod, Russia
ORCID: 0000-0003-2958-7856; kadem@mail.ru

Abstract. The article examines the reaction and discussion in the Sikh environment to the decision of Indian Prime Minister Narendra Modi to introduce a new all-Indian Holiday *Veer Baal Diwas* ("Brave Children's Day"), which will be celebrated every December 26 starting from 2022 in memory of the martyrdom of the Sons of the Tenth Sikh Guru Gobind Singh. The article analyzes the historical context of the plot related to the refusal of the younger Sons of Guru – Zorawar Singh and Fateh Singh to save their lives by adopting Islam and renouncing Sikhism, loyalty to Guru and Dharma.

The initiative of the Prime Minister, with its general positive perception, divided the Sikhs into supporters of the unconditional acceptance of the concept of a new Holiday and those who supported the critical approach of the Shiromani Gurdwara Parbandhak Committee and the Sikh political party Akali Dal, who considered the name of the Holiday unacceptable and at odds with the Sikh religious tradition. If there is no correction of the name of the *Veer Baal Diwas* Holiday, then it is appropriate to predict an explosion of discontent and criticism from the relevant political and religious forces and the part of the Sikh community that has joined them.

Keywords: India, Punjab, Sikhism, *Veer Baal Diwas*, *Sahibzade*, Narendra Modi

For citation: Demichev K.A. (Nizhny Novgorod). Brave Children's Day: The Sikh Version in the General Indian Context. *Asia and Africa today*. 2023. № 3. Pp. 70–76. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750020986-6

ВВЕДЕНИЕ

9 января 2022 г. премьер-министр Индии Нарендра Моди выступил если не с сенсационным, то с более чем резонансным заявлением, которое продолжает широко обсуждаться уже на протяжении нескольких месяцев не только на территории Индийского субконтинента, но и далеко за его пределами.

В своем *твиттере* в трех коротких текстовых сообщениях, которые были приурочены ко дню рождения 10-го сикхского гуру Гобинда Сингха¹, Н.Моди объявил, что «начиная с этого (2022 – К.Д.) года, 26 декабря будет отмечаться как *Вир Баал Дивас* («День отважных детей»). Это дань мужеству *Сахибзаде*² и их стремлению к правде»³. Далее он отметил, что празднование *Вир Баал Дивас* приурочено ко дню, «когда *Сахибзаде* Зоравар Сингх Джи и *Сахибзаде* Фатех Сингх Джи приняли мученическую смерть после того, как были заживо замурованы в стене. Эти два великих человека предпочли смерть отступлению от благородных принципов *дхармы*»⁴.

В завершающем, третьем *твитте* было подчеркнуто, что храбрость и идеалы гуру Гобинда Сингха и четырех *Сахибзаде*, которые никогда не склонялись перед несправедливостью, придают силы миллионам людей. «Сейчас необходимо, чтобы о них узнало как можно больше людей», – резюмировал Нарендра Моди.

Уже спустя чуть более пяти часов заявление премьер-министра было продублировано на его официальном сайте «*Narendra Modi*» с активной ссылкой на все три *твитта*. При этом один из ведущих федеральных новостных порталов «*Hindustan Times*» опубликовал эту новость даже на полчаса раньше, чем она появилась на сайте премьер-министра⁵. На резонансную новость быстро откликнулись авторитетные новостные порталы «*India Today*»⁶ и «*The Times of India*».

В течение 9 и 10 января практически все индийские новостные ресурсы отреагировали на заявление Н.Моди, опубликовав информацию в целом в нейтральном либо положительном ключе.

ПЕРВАЯ РЕАКЦИЯ

Реакция на заявление премьер-министра Индии последовала незамедлительно. Первыми, как это сейчас всегда и бывает при функционировании социальных сетей, отреагировали подписчики Н.Моди в *Твиттере*, которые выразили свое одобрение, поставив т.н. *лайки* под тремя текстовыми сообщениями, а также сделав в первый же день публикации несколько тысяч *ретвиттов* и оставив под каждым из сообщений несколько сотен комментариев в подавляющем большинстве случаев также одобрительного характера. Показательно, что на момент написания данной статьи, т.е. спустя несколько месяцев с момента появления в сети *твиттов* Н.Моди, каждый из них собрал внушительное количество *лайков*: первый *твитт* – более 100 тыс., второй – почти 70 тыс., а третий – около 40 тыс.

Заявление премьер-министра, который является лидером индусской Бхаратия джаната партии (БДП), не могли не поддержать её видные функционеры. Первым отреагировал министр внутренних дел Амит Шах, который поздравил своего лидера с этим решением и отметил, что празднование *Вир Баал Дивас* позволит миллионам детей внести свой вклад в служение нации, черпая вдохновение в примере четырех *Сахибзаде*, самопожертвование которых запомнится не только нынешним, но и грядущим поколениям⁷.

Разумеется, новость, касающаяся героического и одновременно трагического сюжета сикхской истории, который одновременно имел и ярко выраженную религиозную окраску, не могла быть обойдена

¹ О 10-м сикхском гуру Гобинде Сингхе и сикхизме, в т.ч. современном, см.: [1; 2] (прим. авт.).

² *Сахибзаде* – уважительное арабо-персидское обращение к наследнику правителя (прим. авт.).

³ https://twitter.com/narendramodi/status/1480064047894523905?ref_src=twsrc%5Etfw%7Ctwcamp%5Etweetembed%7Ctwterm%5E1480064047894523905%7Ctwgr%5E%7Ctwcon%5Es1_%2Furl=https%3A%2F%2Fwww.narendramodi.in%2Fprime-minister-narendra-modi-announces-26th-december-as-E28098veer-baal-diwas-to-mark-martyrdom-of-sahibzada-zorawar-singh-ji-and-sahibzada-fateh-singh-ji-559370 (accessed 04.07.2022)

⁴ Дхарма (от корня «дхар» – поддерживать) – то, на чём держится нечто или мир, общество, – важнейшее понятие индийской культуры. Эквивалента не имеет, контекстно переводится как «правило», «право», «мораль», «нравственность», «религиозный долг», «закон», «обязанности», «правда», «устой» и т.п. Рассматривается как совокупность установленных правил, прежде всего ритуальных, соблюдение которых является необходимым условием поддержания космического порядка (прим. авт.).

⁵ <https://indiatoday.in/india/story/veer-baal-diwas-to-be-observed-on-dec-26-as-tribute-to-guru-gobind-singh-s-sons-1897866-2022-01-09> (accessed 04.07.2022)

⁶ См. например: <https://www.hindustantimes.com/india-news/veer-baal-diwas-to-be-observed-on-dec-26-pm-says-on-guru-gobind-singh-jayanti-101641713421421.html> (accessed 04.07.2022)

⁷ <https://hindustannewshub.com/india-news/pm-modi-announced-to-celebrate-veer-bal-diwas-on-26th-december/> (accessed 04.07.2022)

вниманием сикхской общественности⁸. В ответ на *твитты* Н.Моди одним из первых выступил известный политик, военный историк, в недавнем прошлом главный министр штата Панджаб капитан Амариндер Сингх: «Я приветствую решение премьер-министра отметить 26 декабря, как *Вир Баал Дивас*. Мужество, проявленное *Сахибзаде* в условиях грандиозного угнетения, не имеет себе равных, и во всем мире должны знать об их величайшей жертве»⁹.

Судя по почти двум сотням положительных комментариев под приветствием капитана А.Сингха, большому количеству *ретвиттов* и *лайков*, позиция этого авторитетного политика оказалась близка для многих сикхов – активных пользователей социальных сетей.

Нельзя не отметить, что в потоке одобрения и приветствия инициативы премьер-министра были явно слышны и скептические голоса. Так, весьма показательным является комментарий Хараджа Сингха Сохи, докторанта Школы менеджмента Ксавье, 10 января 2022 г. в ответ на запрос на социальном сервисе *Quora*, что за история стоит за *Вир Баал Дивас*; Харадж Сингх с сожалением отметил, что празднование «*Вир Баал Дивас*» может свести вдохновляющую дхармическую битву к одномерному нарративу о детской храбрости»¹⁰. В целом, приветствуя, пусть и запоздалое признание жертвы во имя *дхармы*, истины и праведности, комментатор указал на необходимость создания собственных цивилизационных нарративов вместо тех, которые слепо копируются с запада и не имеют никакого отношения к индийской культуре и, более того, относятся к ней изначально пренебрежительно. Другими словами, при общей поддержке инициативы Моди было высказано опасение, что форма может подменить собой содержание, а следовательно, выхолостить духовно-религиозную составляющую жертвы сыновей последнего сикхского гуру. Следует отметить, что вопрос именно о содержании нового праздника стал впоследствии ключевым.

Пояснение Хараджа Сингха Сохи в социальных сетях становится гораздо более понятным, если обратиться к официальным комментариям сикхского Комитета по управлению *гурдварами* (КУГ, *Shiromani Gurdwara Parbandhak Committee*) в день заявления премьер-министра. В данном случае президент этой организации Харджиндер Сингх Дхони выразил очень четкую и недвусмысленную позицию, отметив: «Мы ценим мнение премьер-министра, но связывание мученической смерти *Сахибзаде* с существительным “*Baal*” (ребенок) не соответствует их мученичеству»¹¹.

Х.Сингх Дхони указал на то, что использование для нового праздника такого названия, как «День отважных детей», не соответствует ни самому феномену мученичества, ни сикхским традициям, поскольку жертва *Сахибзаде* – это жертва, подобная жертве великих воинов. Кроме того, в сикхской традиции при упоминании имен сыновей 10-го гуру к ним присоединяется уважительное обращение – *баба*, которое используется применительно к святым. В целом, президент КУГ отметил, что, учитывая уникальность сикхского вероучения и истории, принимать какие-либо решения, связанные с ними, можно только по согласованию с самими сикхами и по указанию *Шри Акала-махта Сахиба*¹².

Не осталась в стороне и сикхская политическая партия *Shiromani Akali Dal*. Секретарь партии д-р Далджит Сингх Чима высоко оценил решение Моди, но при этом отметил, что название дня празднования должно быть согласовано с Комитетом по управлению *гурдварами*, а также: «Чтобы назвать этот день, следует обратиться к сикхской религиозной литературе»¹³.

В целом, говоря о реакции в первые несколько дней с момента заявления премьер-министра о праздновании 26 декабря как «Дня отважных детей», можно констатировать, что индийское общество восприняло эту новость в целом весьма положительно. Что же касается непосредственно сикхов, то их наиболее авторитетные религиозные и политические деятели проявили умеренно-сдержанную реакцию. Поддержав саму инициативу увековечивания подвига сыновей 10-го сикхского гуру Гобинда Сингха, они тем не менее выразили свое принципиальное несогласие с тем названием, под которым этот праздник был анонсирован.

⁸ По данным последней переписи населения Индии (2021 г.) сикхизм исповедует 1,7% всех жителей страны, что составляет 20,8 млн человек. См.: Census of India 2021. <https://censusofindia2021.com/2021-census-of-india/> (accessed 07.07.2022)

⁹ https://twitter.com/capt_amarinder/status/1480086446388047878 (accessed 07.07.2022)

¹⁰ <https://www.quora.com/Why-is-India-celebrating-9-January-as-Veer-Bal-Diwas> (accessed 14.07.2022)

¹¹ <https://sgpc.net/?p=29729> (accessed 14.07.2022)

¹² *Шри Акала-махта Сахиб* (Уважаемый Трон Вечного [Бога]) – наиболее авторитетный храм-*гурдвара* в панджабском городе Амритсаре, который имеет право издавать указы, обязательные для исполнения всеми членами сикхской общины. Подробнее см.: [3] (прим. авт.).

¹³ <https://hindupost.in/politics/sgpc-sikh-extremists-oppose-veer-bal-divas/> (accessed 14.07.2022)

КТО ОНИ, «ОТВАЖНЫЕ ДЕТИ»?

Однако кто же такие эти «отважные дети» и что за подвиг они совершили, учитывая, что решение о праздновании дня их памяти было принято на общеиндийском уровне спустя почти 317 лет с момента их гибели?

Имена героев и их происхождение хорошо известны, они были сыновьями последнего, десятого, гуру сикхов Гобинда Сингха (1666–1708) – Сахибзаде Аджит Сингх (1687–1705), Сахибзаде Джуджхар Сингх (1691–1705), Сахибзаде Зоравар Сингх (1696–1705), Сахибзаде Фатех Сингх (1699–1705).

Рождение четырех сыновей Гобинда Сингха пришлось на то время, когда он продолжил кровопролитную войну с империей Великих Моголов, начавшуюся еще при 6-м сикхском гуру Харгобинде, который принял достоинство гуру в 1606 г. Показательно, что отец Харгобинда – 5-й гуру Арджун – был первым гуру-мучеником, чью судьбу во многом повторили спустя 100 лет его юные потомки. Арджун был обвинен императором Джахангиром в поддержке его мятежного сына принца Хусру, и, что самое главное, в соращении в сикхизм не только «...многих простодушных индусов, но и невежественных и глупых последователей ислама» [4, pp. 72–3], а затем казнен.

Начавшаяся впоследствии война с империей Великих Моголов, длившаяся с небольшими перерывами почти два столетия, стала войной на выживание, столкновением, где на кону было сохранение собственной веры, которая для сикхов была неотделима от самой жизни¹⁴.

Гобинд Сингх вел войну со своими противниками начиная с 1682 г. Причем делал это настолько успешно, что, по свидетельству современника этих событий лахорского мусульманина Муххамада Касима, написавшего в первой четверти XVIII в. сочинение «Ибратнама», «...не было года и месяца, когда дороги не были бы забиты караванами людей, желающими присоединиться к нему (к Гобинду Сингху – К.Д.)» [7, p. 113].

В 1705 г. ставка гуру Анандпур («Обитель блаженства») попала в многомесячную осаду. В декабре император Аурангзеб послал письмо с гарантией свободного выхода для гуру и его сторонников. Он писал: «Я поклялся на Коране не причинять тебе вреда... Прекрати же военные действия и прибуди ко мне. Если же ты не захочешь явиться сюда, то иди, куда тебе заблагорассудится» [9, p. 179].

Доверившись клятве Великого Могола, Гобинд Сингх вышел из своей осажденной ставки двумя отрядами, которые практически сразу были атакованы. Один из отрядов, возглавляемый самим гуру, укрылся в небольшом форте Чамкаур, где старшие сыновья Гобинда Сингха приняли свою последнюю битву во имя своего отца и гуру [9, p. 189].

Жертва двух старших сыновей Гобинда Сингха не была напрасной: гуру сумел спастись, покинув ночью крепость. Спустя несколько дней он пишет в стихотворной форме письмо Аурангзебу, в котором обвиняет могольского императора в клятвопреступлении, нарушении слова и бесчестности:

«Подобно коварному и хитрому шакалу, ты вероломно со мной поступил.

*И пусть двух моих сыновей погубил, не заблуждайся, что ты победил»*¹⁵ [10, p. 79].

Сикхский гуру был готов продолжать борьбу с моголами, однако в своем письме он заблуждался, когда писал, что Великий Могол виновен в гибели только двоих сыновей, с честью павших во имя своего гуру и *дхармы* на поле боя. К этому времени он еще не знал, что и двое его младших детей уже расстались с жизнью, да так, что память об этом будет жить в веках.

Младшие сыновья гуру были захвачены в плен при отступлении из Анандпура со вторым отрядом сикхов и доставлены к наместнику Сирхинда Вазир-хану.

Наместник Сирхинда, понимавший, какой политический и религиозный резонанс вызовет обращение в ислам детей 10-го сикхского гуру, предпринимал многочисленные попытки их обращения, суля всяческие блага и угрожая страшными карами в случае отказа.

Сикхское предание гласит, что в ответ Сахибзаде Зоравар Сингх обратился к Вазир-хану с гневной отповедью: «...Я отвергаю твою религию и не откажусь от своей. В нашей семье вошло в обычай отказываться от жизни, но не от веры. Мы никогда не будем введены в искушение ложными благами, которые предлагаешь ты...» [9, p. 197].

¹⁴ О милитаризации сикхской общины и её борьбе с империей Великих Моголов см.: [5; 6] (прим. авт.).

¹⁵ Перевод автора.

Разгневанный ответом отважных сыновей гуру Вазир-хан повелел их казнить. 26 декабря 1705 г. последние двое сыновей 10-го сикхского гуру – Зоравар Сингх и Фатех Сингх – были подвергнуты мучительной казни – замурованы в стену заживо.

КРУГИ НА ВОДЕ: ПОСЛЕДУЮЩАЯ РЕАКЦИЯ В ИНДИИ И НЕ ТОЛЬКО

Весть об инициативе премьер-министра Нарендра Моды широко разошлась не только по Индии, но и далеко за её пределами. И, конечно же, наиболее активно эта новость обсуждалась среди представителей сикхской общины, прежде всего, среди сикхов-*халса*, в т.ч. среди многочисленных зарубежных диаспор.

19 января 2022 г. последовала реакция президента непризнанного и не существующего в реальных территориальных границах сикхского «государства *Халистан*»¹⁶ – Севы Сингха Лалли. Он заявил, что правительство Индии предприняло очень важные шаги в отношении сикхизма и со стороны сикхов нуждается в поддержке¹⁷.

В данном случае лидер Халистана фактически прямо подчеркнул необходимость поддержки партии БДП и действующего премьер-министра, тем более что в феврале должны были пройти региональные выборы в Панджабе, где БДП были жизненно необходимы дополнительные голоса¹⁸.

Сева Сингх Лалли подчеркнул роль партии БДП и лично Нарендры Моды в популяризации информации о мученической гибели *Сахибзаде*, отметив, что теперь об истории самопожертвования «отважных детей» можно будет узнать в школах, колледжах и других учебных заведениях по всей Индии. По этой причине сикхские лидеры обязаны уважать решение о праздновании, поскольку оно принято в пользу сикхизма.

Последний тезис Сингха Лалли получился достаточно двусмысленным. Не было сказано прямо, как именно нужно поддержать решение о празднике 26 декабря – в формулировке Н.Моды или же с учетом корректировки, которая соответствовала бы требованиям к почитанию сыновей гуру Гобинда Сингха в сикхской традиции, чего требовал Комитет по управлению *гурдварами*.

9 февраля 2022 г. в Джамму (союзная территория Джамму и Кашмир) в поддержку инициативы Моды выступили представители различных сикхских организаций региона, включая Сикхский фронт благосостояния и Сикхский совет. На пресс-конференции было особо отмечено, что дань уважения, отданная мученичеству четырех *Сахибзаде*, способствует значительному росту морального духа членов сикхской общины. Последовало обращение к премьер-министру с предложением учесть заслуги сикхской общины перед индийской историей и расширить представительство сикхов в региональных законодательных собраниях и парламенте страны¹⁹. В завершении пресс-конференции сикхские организации призвали направить благодарственные письма на имя премьер-министра как знак глубочайшей признательности за его историческую инициативу.

Следует отметить, что призыв сикхов Джамму был, несомненно, услышан, хотя очевидно, что сикхские организации всего мира, так же как и отдельные представители сикхской общины, направляли свои письма еще до того, как состоялась пресс-конференция 9 февраля. На имя Нарендры Моды действительно поступили тысячи писем, в которых сикхи благодарили премьер-министра за увековечивание памяти жертвы *Сахибзаде*²⁰.

¹⁶ *Халистан* (в переводе с панджаби – букв. «страна чистых») – политическое устремление, несуществующее и непризнанное на международном уровне сикхское государство на территории индийского штата Панджаб и на территории пакистанской провинции Панджаб. Подробнее о Халистане см.: [11].

¹⁷ <https://newsroompost.com/india/self-styled-president-of-khalistan-praises-pm-modi-on-declaration-of-veer-bal-diwas-virtuous-deeds-towards-sikhism/5056080.html> (accessed 25.07.2022)

¹⁸ Спустя несколько месяцев после региональных выборов в Панджабе, можно уверенно констатировать: даже если у Н.Моды и был политический расчет в анонсе праздника *Вир Баал Дивас*, что ему неоднократно приписывали, то этот расчет не оправдался. По результатам выборов 20 февраля 2022 г. партия БДП сумела получить в Законодательном собрании Панджаба только 2 места из 117 (*нпм. авт.*).

¹⁹ https://www.business-standard.com/article/elections/punjab-election-result-2022-live-updates-aap-congress-bjp-sad-bjp-kejriwal-bhagwant-mann-counting-highlights-farmers-sidhu-122031000060_1.html (accessed 25.07.2022)

²⁰ <https://swarajyamag.com/politics/sikh-bodies-others-write-to-pm-modi-in-praise-of-veer-bal-diwas-announcement> (accessed 27.07.2022)

Интересная реакция на объявление праздником 26 декабря фиксировалась и на местах. Например, Делийский комитет по управлению *гурдварами* обратился к главному министру Дели с требованием включить историю четырех сыновей гуру Гобинда Сингха в школьную программу Дели²¹.

18 февраля 2022 г. в Нью-Дели в резиденции премьер-министра состоялась торжественная встреча Н.Моди с представительной сикхской делегацией в составе 38 видных лидеров сикхских религиозных организацией. Поводом для такого приема стало выражение благодарности премьер-министру за многолетнюю работу на благо сикхской общины, который был использован и для обсуждения вопросов, прежде всего, связанных с открытием новых сикхских учебных заведений различного уровня. В ходе этого обсуждения было предложено включить историю *Сахибзаде* в программу Национального совета по образовательным исследованиям и обучению, т.е. фактически сделать этот сюжет обязательным для изучения во всех образовательных учреждениях Индии²². При этом стоит указать, что вопрос о названии праздника не поднимался.

Применительно к встрече в Нью-Дели необходимо отметить, что далеко не все сикхи поддержали благожелательный и благодарный настрой делегации. Были высказаны очень жесткие критические замечания практически по всем проблемам, которые были затронуты в ходе диалога с премьер-министром²³. Однако показательным здесь является то, что единственный вопрос, который не был подвергнут критике, это был вопрос о праздновании *Вир Баал Дивас*, что только подтверждает значимость такого праздника для всех сикхов, независимо от их политических убеждений и внутренних разногласий.

После приема представителей сикхских организаций в Нью-Дели обсуждение празднования *Вир Баал Дивас* в прессе и социальных сетях стало резко угасать. Эффект новизны к этому времени уже в значительной степени пропал, основные мнения и пожелания были высказаны. Оставалось только дожидаться первого празднования памяти трагической жертвы сыновей 10-го сикхского гуру 26 декабря 2022 г.

ПЕРВЫЙ ОПЫТ ПРАЗДНОВАНИЯ

Несмотря на все дискуссии о том, должен ли *Вир Баал Дивас* упразднить *Баал Дивас* (День детей), который традиционно отмечается 14 ноября начиная с 1957 г. в день рождения первого премьер-министра Индии Джавахарлала Неру, очередное празднование Дня детей прошло 14 ноября 2022 г. в традиционном формате светлого и радостного детского праздника.

В свою очередь, 26 декабря 2022 г. состоялось первое празднование *Вир Баал Дивас* как дня, связанного с памятью, долгом, жертвой и идеалом служения. Основное действие развернулось при участии премьер-министра Нарендры Моды на главном национальном стадионе «Дхиан Чанд» в Дели, где прошел памятный марш трех тысяч школьников и состоялось чтение традиционных сикхских гимнов *Шабд Куртана*²⁴. Одновременно по всей стране в университетах, колледжах и в других учебных заведениях прошли интерактивные выставки, посвященные *Сахибзаде*. Аналогичные выставки были проведены в аэропортах, на железнодорожных вокзалах и в других общественных местах. Высокопоставленные чиновники выступили в разных регионах страны с рассказом о жизни, смерти и жертве *Сахибзаде*²⁵. При этом необходимо отметить, что праздничные мероприятия не ограничились только 26 декабря.

На протяжении нескольких дней по всей Индии для миллионов школьников было организовано большое количество конкурсов, в т.ч. конкурсов-эссе, викторин, посвященных мученической смерти *Сахибзаде*, причем все участники получили именные сертификаты. Кроме того, на различных уровнях были организованы тысячи семинаров и дискуссионных площадок, в рамках которых прошли активные обсуждения и обмен мнениями.

²¹ <https://tribuneindia.com/news/punjab/teach-history-of-sahibzadas-in-delhi-schools-demands-dsgmc-368829> (accessed 27.07.2022)

²² [https://babushahi.com/view-news.php?id=140481&headline=Prominent-Sikhs-thanks-PM-Modi-for-declaring-%E2%80%99Veer-Bal-Diwas%E2%80%99-as-a-National-Day%C2%A0\(Watch-Video\)](https://babushahi.com/view-news.php?id=140481&headline=Prominent-Sikhs-thanks-PM-Modi-for-declaring-%E2%80%99Veer-Bal-Diwas%E2%80%99-as-a-National-Day%C2%A0(Watch-Video)) (accessed 28.07.2022)

²³ <https://www.theworldsikhnews.com/sirsa-managed-sikh-delegation-meets-indian-pm-modi-community-deeply-hurt/> (accessed 29.07.2022)

²⁴ <https://narendramodi.in/prime-minister-narendra-modi-to-participate-in-a-historic-programme-marking-veer-bal-diwas-at-major-dhyan-chand-national-stadium-on-26th-december-566652> (accessed 28.12.2022)

²⁵ <https://organiser.org/2022/12/29/102870/bharat/veer-bal-diwas-the-context-and-the-legacy/> (accessed 28.12.2022)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, можно достаточно уверенно говорить, что празднование *Вир Баал Дивас* прошло успешно и сам праздник был положительно воспринят в Индии. Между тем, первоначальные противоречия внутри сикхского сообщества никуда не исчезли после 26 декабря. *Шри Акала-тахт Сахиб* продолжил критику названия и концепции праздника, указав, что с точки зрения сикхской традиции он должен называться День мучеников *Сахибзаде*²⁶. Несомненно, что позицию авторитетнейшего сикхского храма разделяет и часть сикхов. Однако не менее очевидно, что, несмотря на все сложности становления, праздник *Вир Баал Дивас* будет жить, играя всё более важную роль в формировании индийской идентичности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Успенская Е.Н., Котин И.Ю. Сикхизм. СПб, Петербургское востоковедение, Азбука-Классика, 2007. Uspenskaya Ye.N., Kotin I.Yu. 2007. Sikhism. Saint Petersburg. (In Russ.)
2. Jacobsen K.A., Mann G.S., Myrvold K., Nesbitt E. (eds). 2017. Brill's Encyclopedia of Sikhism. Vol. 1. Leiden – Boston, Brill.
3. Бочковская А.В. Шестой сикхский «трон»: быть или не быть? *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 6. С. 57–61. DOI 10.31857/S032150750015269-7
Bochkovskaya A.V. 2021. The Sixth Takht: To be or not to be? *Asia and Africa today*. № 6. Pp. 57–61. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015269-7
4. The Tuzuk-i-Jahangiri; or, Memoirs of Jahangir / Transl. by A.Rogers. London: Royal Asiatic Society, 1909.
5. Демичев К.А. Особенности милитаризации сикхской общины при первых девяти гуру в XVI–XVII вв. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2014, № 1(43), с. 157–170.
Demichev K.A. 2014. Militarized Sikh Community under the first nine Gurus in the 16th–17th centuries. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. № 1(43). Magnitogorsk. Pp. 157–170. (In Russ.)
6. Демичев К.А. Реформаторская деятельность десятого гуру Гобинда Сингха в контексте завершения милитаризации сикхской общины. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2015. № 4(50), с. 148–155.
Demichev K.A. 2015. Reform efforts of the Tenth Guru Gobind Singh in the context of completion of the Sikh Community militarization. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. № 4(50). Magnitogorsk, Pp. 148–155. (In Russ.)
7. Habib I., Greval J. S. (eds. and trans.). Sikhs History from Persian Sources. Delhi: India History Congress and Tulika, 2001.
8. Бочковская А.В. «Нанак-шах-факир»: о конструировании запретов в современном сикхизме. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 11. С. 43–48. DOI 10.31857/S032150750007465-3
Bochkovskaya A.V. 2019. 'Nanak Shah FAKIR': On the construction of taboos in contemporary Sikhism. *Asia and Africa today*. № 11. Pp. 43–48. (In Russ.). DOI 10.31857/S032150750007465-3
9. Macauliffe M.A. The Sikhs Religion. Its Gurus, Sacred Writing and Authors. In VI vols. Vol. V. Oxford, Clarendon press, 1909.
10. Fatehnama and Zafarnama of Guru Gobind Singh. (ed. by Devindar Singh). Jullundur: Institute of Sikh Studies, 1980.
11. Axel B.K. The Nation's Tortured Body: Violence, Representation, and the Formation of a Sikh "Diaspora". Duke University Press, Durham, London, 2001.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Демичев Кирилл Андреевич, кандидат исторических наук, доцент, научный центр, Нижегородский институт управления, филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия.

Kirill A. Demichev, PhD (History), Associate Professor, Scientific Center, Nizhny Novgorod Institute of Management, Branch, RANEP, Nizhny Novgorod, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 12.09.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.01.2023

Принята к публикации
(Accepted) 20.02.2023

²⁶ <https://organiser.org/2022/12/29/102870/bharat/veer-bal-diwas-the-context-and-the-legacy/> (accessed 28.12.2022)

DOI: 10.31857/S032150750024997-8

Новый сборник гендерной группы Института Африки РАН

© Львова Э.С.^a, 2023

^a Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7713-112X; eleonora.lvova39@yandex.ru

Рецензия на книгу: **Гендерный аспект африканской культуры. Между архаикой и современностью** (отв. ред. Н.Л.Крылова, Н.А.Ксенофонтова), ИАФР РАН, 2021, 228 с. ISBN 978-5-91298-278-1

Ключевые слова: Африка, гендер, традиции, современность, взаимосвязь культур

Для цитирования: Львова Э.С. Новый сборник гендерной группы Института Африки РАН. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 3. С. 77–78. DOI: 10.31857/S032150750024997-8

New Collection of Scientific Papers of the Gender Group of the Institute for African Studies, RAS

© Eleonora S. Lvova^a, 2023

^a Institute of Asian and African Studies,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7713-112X; eleonora.lvova39@yandex.ru

Review of the book: **Gender Aspect of African Culture. Between Arhaics and Modernity** (ed. by N.L.Krylova, N.A.Ksenofontova); Moscow, 2021, 228 p. (In Russ.)

Keywords: Africa, gender, traditions, modernity, interaction of cultures

For citation: Lvova E.S. New Collection of Scientific Papers of the Gender Group of the Institute for African Studies, RAS. *Asia and Africa today*. 2023, № 3. Pp. 77–78. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024997-8

25 лет назад вышел первый труд большого коллектива ученых Института Африки РАН, занимающихся весьма актуальными гендерными проблемами, с каждым годом привлекающими внимание всё большего числа исследователей. За это время вышло уже немало работ, как индивидуальных, так и совместных. Среди них были и монографии, и сборники, посвященные многим аспектам этой чрезвычайно широкой темы. Другое направление работы гендерной группы – организация конференций либо специальных секций на конгрессах африканистов. Хотя они, как правило, проходили в Институте Африки, участие в них принимали коллеги из разных научных и учебных учреждений из разных городов.

Эти черты мы видим и в рецензируемом нами новом сборнике – «Гендерный аспект африканской культуры. Между архаикой и современностью». Среди 18 авторов – и давно заслуженные авторы, и молодые, ранее не публиковавшие свои наработки, а помимо москвичей – коллеги из Адыгеи, Ростова-на-Дону, африканских стран (в частности Кот-д’Ивуара). Это результаты тщательного изучения источников разных типов, среди которых особо следует подчеркнуть личные наблюдения авторов.

Объединяет последних растущий интерес в кругах исследователей и политиков к насущной проблеме государств Африки – как совместить древние традиции (о которых уже перестали говорить как об «обветшавшем хламе» и поняли их значимость) и современные правила жизни, установления, нормы.

Уже понятно, что жизнь действительно требует найти пути и способы совмещения тех и других. Анализ этого процесса и посвящен сборник. Авторы взглянули на него через призму гендерного подхода, который знаменует наиболее сложные процессы в современной Африке.

Структура сборника логична. Он состоит из 5 разделов. **Первый раздел** – «Традиции и модернизация общества. Диалог или противостояние?» – объединяет статьи о женщинах Магриба, пытающихся примирить старые и новые правила жизни; о сложной жизненной ситуации женщин Сахеля; о роли английского языка в Нигерии в решении поставленной в сборнике проблемы. Особенно хочется отметить статью известного исследователя **С.В.Прохожиной**, основанную на личных наблюдениях и доверительных отношениях с респондентами.

В семи статьях **второго раздела** – «Вопреки традициям. Творческий и общественный потенциал африканок в сферах политической культуры, науки, образования и литературы» – рассматриваются на конкретных примерах и успешность африканок в этих областях деятельности, и мешающие этому обстоятельства. При этом охватываются разные регионы континента и разные аспекты жизни как девочек-школьниц, так и состоявшихся в новых профессиях женщин Африки. Особенно интересны политические портреты последних (авторы статей – **Л.Я.Прокопенко** и **А.А.Токарев**).

Статьи **третьего раздела** – «Социокультурные особенности формирования гендерной личности» – главным образом сосредоточены на отражении проблемы в фольклоре, современной литературе, в личных высказываниях африканок в СМИ и интернете. Заметим, что такого рода источники не новы, но были как бы забыты многими африканистами.

Отрадно, что наши коллеги вновь всё чаще обращаются к ним. Возможно, было бы логично включить в этот раздел и статью **Ю.С.Скубко** из второго раздела о женских лицах южноафриканской сказки. Отдельно стоит отметить анализ **Т.М.Гавристовой** такого сравнительно недавно появившегося феномена как «мигритюд» – не имеющее границ сообщество африканцев-мигрантов. Это новое направление африканистики, выводящее африканистов за пределы континента и расширяющее круг интересов и изучения африканской культуры.

Четвертый раздел – «Проблемы семьи, брака и детей сквозь призму борьбы архаики и современности». В двух его статьях рассматриваются проблемы родительского подхода к воспитанию детей, ранних браков и отношения к ним со стороны общества и государства. Третья статья (автор **В.Ю.Саркисова-Куаме**) показывает, насколько по-разному смотрят на такой древний феномен семейной жизни, как полигамия, современные законодатели и простой народ. Пример Кот-д'Ивуара, о котором она пишет, – зеркало многих стран Африки.

Последний, **пятый раздел** – «Африканский феминизм как выражение самоидентификации и самореализации современных женщин». Он как бы подводит итоги сборника. В отличие от предыдущих разделов, где рассматривались конкретные примеры, здесь собраны, скорее, статьи, о теоретических и философских подходах к проблеме. Здесь мы видим и историю, и развитие феминистских движений (в т.ч. подходы к его осмыслению женщинами-теоретиками Нигерии), и сравнение их европейских и африканских форм, и особенности «исламского» феминизма, и самореализацию африканских женщин через творческие профессии, и обсуждение состоятельности идей постфеминизма.

Все статьи рецензируемого сборника хорошо фундированы, снабжены сносками на источники разных типов. В сборнике дается большой список литературы, что, безусловно, стимулирует и облегчит изучение важной проблемы более широкому кругу исследователей.

Книге дан подзаголовок «Сборник научных трудов». Не умаляя значения научного вклада в африканистику, добавим, что, несомненно, аудитория читателей сборника будет значительно шире. Этим трудом еще раз подчеркнуты важность и успешность работы авторов, занимающихся разработкой гендерных проблем в африканистике.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Львова Элеонора Сергеевна, д.и.н., профессор кафедры африканистики ИСАА МГУ, Москва, Россия.

Eleonora S. Lvova, Dr.Sc. (History), Professor, Department of African Studies, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 12.05.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 22.07.2022

Принята к публикации
(Accepted) 17.01.2023